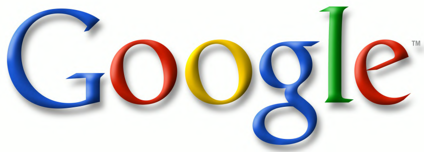

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

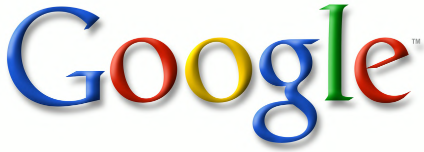
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

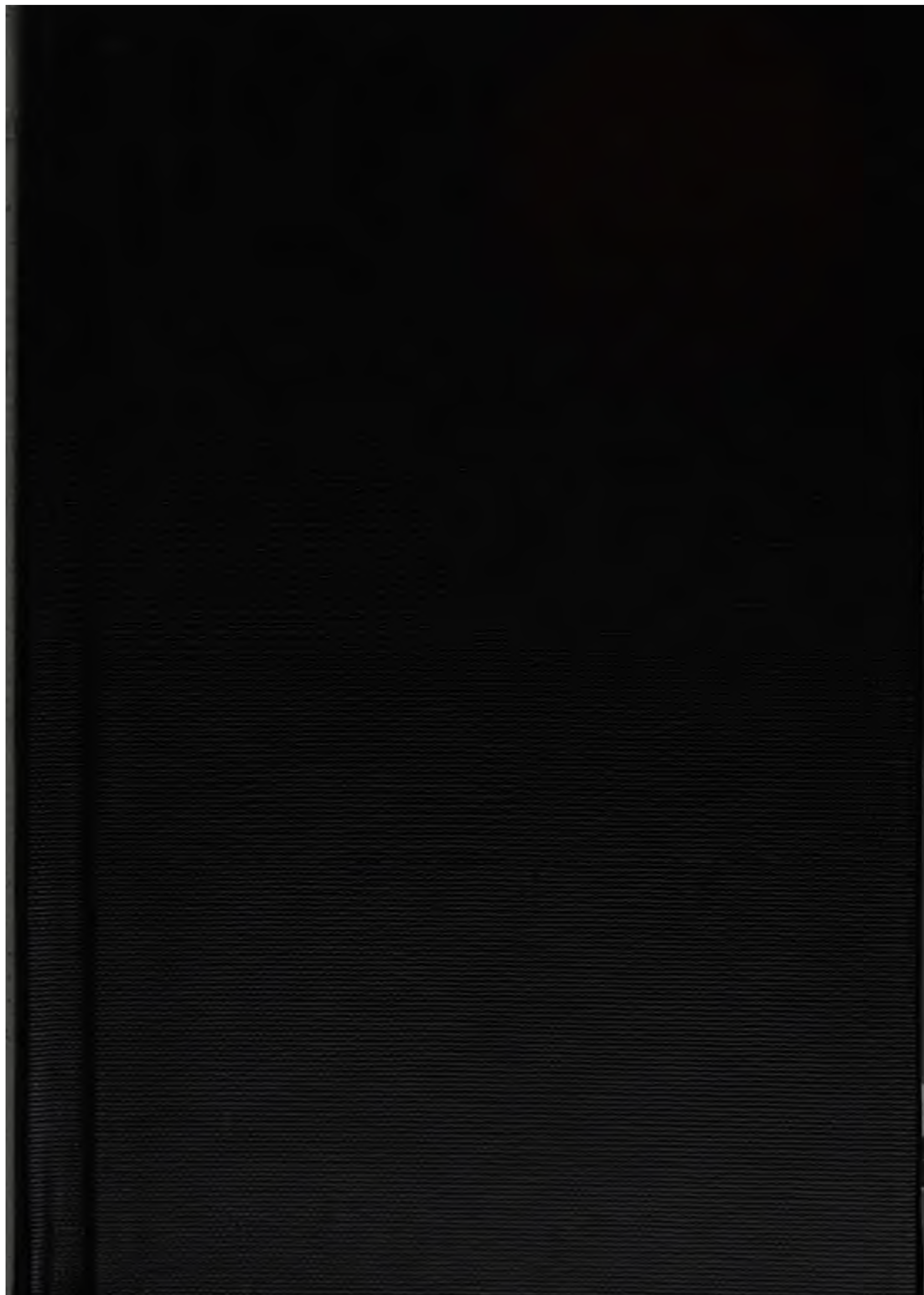
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Въ Библiотеку Императорскаго Общества Исторiи и Древ[ностей] Россiйскихъ [illegible]

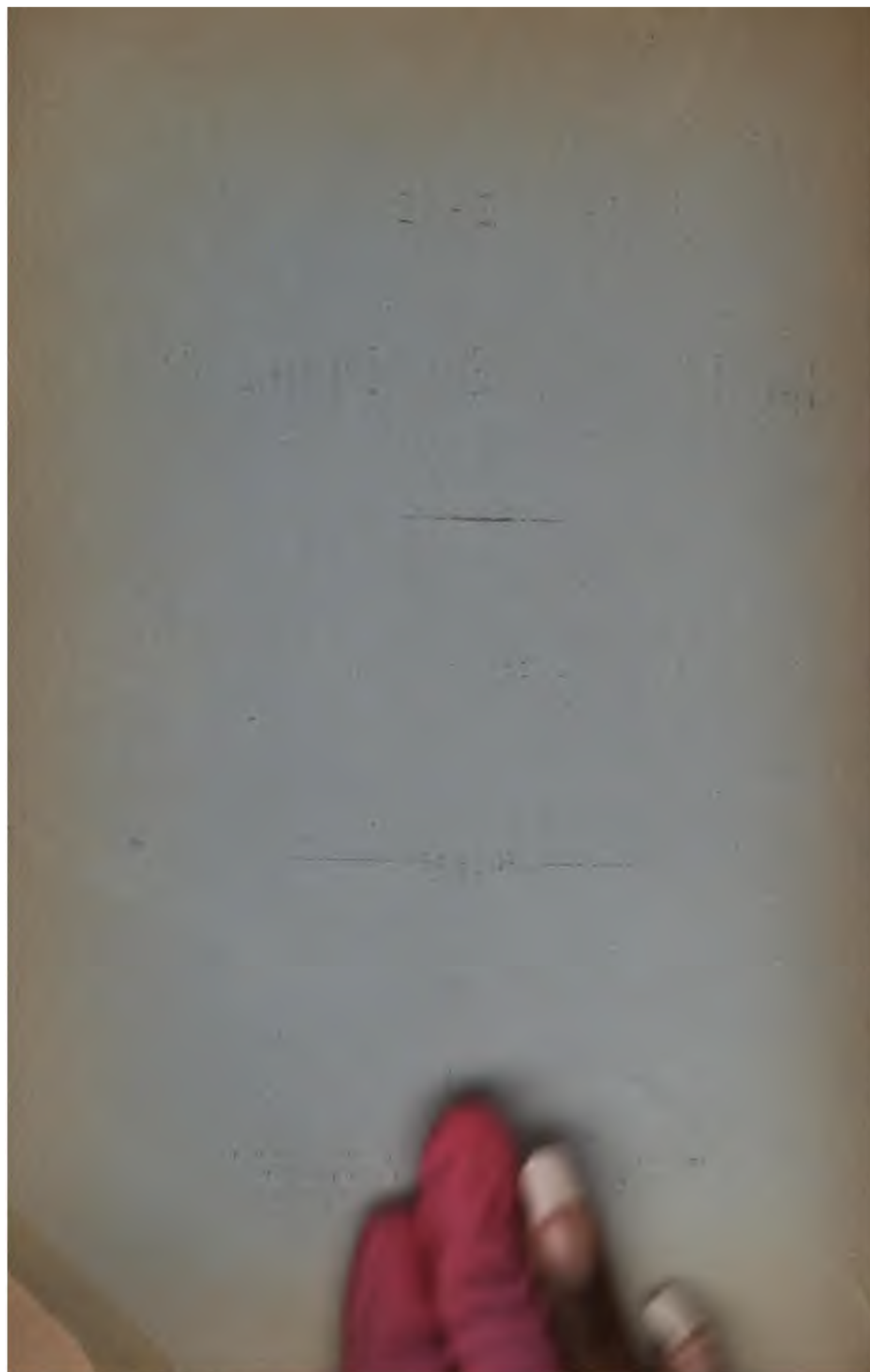
ЗНАЧЕНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II-й.

В. С. Иконникова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1897.

Ikonnikov, V.

ЗНАЧЕНІЕ

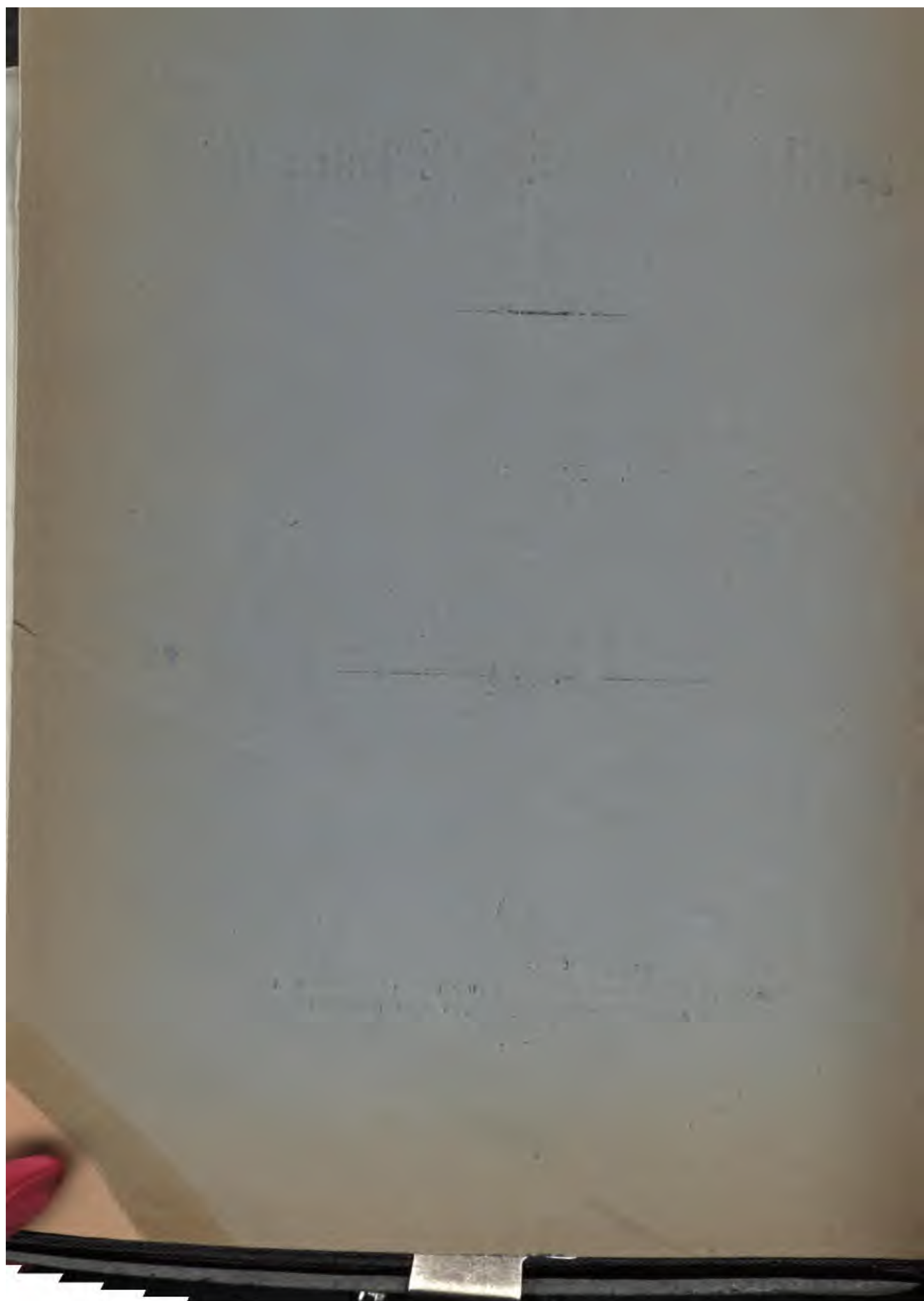
ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II-й.

В. С. Иконникова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1897.

Ikonnikov, V.

ЗНАЧЕНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II-й.

В. С. Иконникова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1897.

Печатано по постановленію Совѣта Общества Нестора-лѣтописца.
(Оттискъ изъ XII-й книги „Чтеній въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.“).

Значеніе царствованія Екатерины II-й [1]).

(Читано въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца 17 ноября 1896 г.).

I.

Въ 1777 г. посѣтилъ Петербургъ шведскій король Густавъ III и 23 іюня присутствовалъ въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ. По этому поводу въ рѣчи, произнесенной директоромъ Академіи С. Г. Домашневымъ и посвященной вопросу «о справедливости наименованіи XVIII вѣка философскимъ», мы читаемъ слѣдующія знаменательныя слова: «Наша эпоха почтена прекраснымъ названіемъ философской не потому, чтобы многіе имѣли право на имя философа или чтобы увеличилось количество познаній, а потому, что *философскій духъ* сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ *законовъ и нравовъ*: онъ освятилъ правосудіе *человѣколюбіемъ*, обычаи *чувствомъ;* онъ легъ въ основаніе двухъ важнѣйшихъ предметовъ—*законодательства и нравственности*».

Въ этихъ словахъ несомнѣнно заключается весьма мѣткая и вѣрная характеристика эпохи. Дѣйствительно, никогда еще, со времени «возрожденія» наукъ, философія и литература не имѣли такого громаднаго значенія, какъ въ XVIII стол.; никогда общественное мнѣніе, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, не казалось столь господствующимъ, какъ въ этотъ вѣкъ. Строгая пуристка Марія Терезія считаетъ необходимымъ справляться о томъ, что скажетъ о ея распоряженіяхъ въ своемъ журналѣ Шлецеръ, признававшій, что его просвѣтилъ Вольтеръ; набожная Елисавета Петровна поручаетъ (1757 г.) составленіе исторіи Петра В. Вольтеру, который съ 1746 г. состоялъ почет-

[1]) Настоящее чтеніе представляетъ извлеченіе изъ болѣе обширнаго очерка, приготовленнаго для другого изданія. При изложеніи авторъ дѣлалъ нѣкоторыя сокращенія.

нымъ членомъ Петрбрг. академіи наукъ; Фридрихъ II ухаживаетъ за нимъ, приглашаетъ его въ Берлинъ и, послѣ взаимныхъ неудовольствій, все таки не можетъ обойтись безъ него, по крайней мѣрѣ въ письмахъ. Густавъ III, находясь во Франціи, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Мармонтелемъ и считалъ за честь визитъ, сдѣланный ему Руссо. Кардиналъ Ламбертини, потомъ папа Бенедиктъ XIV, велъ переписку съ г-жею Тансенъ, стоявшей во главѣ тогдашнихъ литературныхъ салоновъ Франціи; а ея преемницу, m-me Жоффренъ, король польскій Станиславъ Понятовскій называлъ обыкновенно нѣжнымъ именемъ maman, пригласилъ ее въ Варшаву и принималъ какъ знатную особу. Съ великими почестями она была принята и въ Вѣнѣ. Кауницъ, австрійскій министръ, является постояннымъ посѣтителемъ ея салона въ Парижѣ. Іосифъ II посѣщаетъ г-жу дю-Деффанъ. Разговоръ о земледѣліи, о политической экономіи, о реформахъ и философіи, пишетъ Вольтеръ, считается теперь разговоромъ хорошаго тона даже при дворѣ. Въ парижскихъ литературныхъ салонахъ можно было встрѣтить и представителей англійской литературы и мысли, какъ Юмъ, Гиббонъ, Стернъ, Пристлей, и итальянскихъ ученыхъ, какъ Беккарія, Верри и аббатъ Галіани, — совершенный скептикъ, несмотря на свой санъ. Со времени появленія «Esprit des lois» (1748) политика становится предметомъ философіи[1]). Въ свою очередь, государи заявляютъ себя друзьями просвѣщенія. Освобожденіе отъ предразсудковъ, устраненіе злоупотребленій, ограниченіе власти духовенства, утвержденіе духа терпимости, распространеніе благотворительности, покровительство земледѣлію и промышленности были общими цѣлями какъ философовъ, такъ и правителей. Фридрихъ II въ своей дѣятельности руководился принципомъ, что король есть первый слуга государства. Екатерина II говоритъ: «Ласкатели по вся дни земнымъ обладателямъ твердятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены; однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ считаемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа».

Еще въ 1746 г. Вольтеръ, въ своей вступительной рѣчи во Французской академіи, воздавалъ похвалу Фридриху II, говорившему и писавшему по-французски, какъ на своемъ родномъ языкѣ;

[1]) Менѣе чѣмъ въ два года сочиненіе это выдержало 22 изданія и было переведено почти на всѣ языки.

его сестрѣ, шведской королевѣ, папѣ Бенедикту XIV и русской императрицѣ, какъ покровителямъ французской рѣчи и вкуса. При Елисаветѣ Петровнѣ считали нужнымъ сообщать въ русскихъ газетахъ свѣдѣнія о частной жизни Вольтера. Стихотворенія Вольтера пересылаются изъ Парижа, переводятся на русскій языкъ (Ломоносовымъ) и переводы ихъ отправляются русскому посланнику въ Парижѣ. Когда скончалась Елисавета Петровна, то Вольтеръ выражалъ сожалѣніе, что его «императрица» умерла и что онъ потерпѣлъ такимъ образомъ чрезвычайную потерю.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны французское вліяніе въ воспитаніи, литературѣ и театрѣ становится преобладающимъ. Люди со средствами заводятъ французскія библіотеки и выписываютъ французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ для своихъ дѣтей, а другіе отправляются учиться въ Парижъ (гр. А. М. Ефимовскій, гр. А. Р. Воронцовъ). Гр. А. Р. Воронцовъ уже съ 12 лѣтъ былъ хорошо знакомъ съ произведеніями Расина, Корнеля, Буало, Вольтера и др. Княг. Е. Р. Дашкова (его сестра) пишетъ: «Какъ только я могла приняться за чтеніе (род. въ 1744 г.), книга сдѣлалась предметомъ моей страсти. Бэйль, Монтэнь, Буало, Вольтеръ были любимыми моими авторами». Любимецъ Елисаветы Петровны И. И. Шуваловъ получалъ всѣ литературныя новости изъ Франціи [1]; Н. И. Панинъ и М. Л. Воронцовъ имѣли библіотеки, а Дашкова еще въ юности составила библіотеку почти изъ 900 томовъ, въ числѣ которыхъ упоминаются французская Энциклопедія и диксіонеръ Мореры.

По своему воспитанію Екатерина [2]) принадлежала къ этой школѣ. Съ ранняго дѣтства (р. 1729 г., 21 апр. с. с., въ Штетинѣ), ей пришлось вращаться въ кругу французовъ, разселившихся по Европѣ послѣ отмѣны нантскаго эдикта. Она нерѣдко вспоминаетъ своихъ наставниковъ (m-lle Кардель, Лорана—кальвиниста, пастора Вагнера), которые не вселили ей особеннаго уваженія къ Лютеру, а себя называетъ «ученицей m-elle Кардель», которую признаетъ хотя и неначитанной, но умной и всезнающей. При господствѣ въ то время въ Европѣ французскаго просвѣщенія, французская литература заняла преимущест-

[1]) И. И. Шуваловъ имѣлъ въ Женевѣ своего агента для сношеній съ Вольтеромъ—В. М. Салтыкова, письма котораго представляютъ настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ Делисахъ (Les délices), тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера.

[2]) До мѵропомазанія—Софія-Августа-Фридерика.

нымъ членомъ Петрбрг. академіи наукъ; Фридрихъ II ухаживаетъ за нимъ, приглашаетъ его въ Берлинъ и, послѣ взаимныхъ неудовольствій, все таки не можетъ обойтись безъ него, по крайней мѣрѣ въ письмахъ. Густавъ Ш, находясь во Франціи, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Мармонтелемъ и считалъ за честь визитъ, сдѣланный ему Руссо. Кардиналъ Ламбертини, потомъ папа Бенедиктъ XIV, велъ переписку съ г-жею Тансенъ, стоявшей во главѣ тогдашнихъ литературныхъ салоновъ Франціи; а ея преемницу, m-me Жоффренъ, король польскій Станиславъ Понятовскій называлъ обыкновенно нѣжнымъ именемъ maman, пригласилъ ее въ Варшаву и принималъ какъ знатную особу. Съ великими почестями она была принята и въ Вѣнѣ. Кауницъ, австрійскій министръ, является постояннымъ посѣтителемъ ея салона въ Парижѣ. Іосифъ II посѣщаетъ г-жу дю-Деффанъ. Разговоръ о земледѣліи, о политической экономіи, о реформахъ и философіи, пишетъ Вольтеръ, считается теперь разговоромъ хорошаго тона даже при дворѣ. Въ парижскихъ литературныхъ салонахъ можно было встрѣтить и представителей англійской литературы и мысли, какъ Юмъ, Гиббонъ, Стернъ, Пристлей, и итальянскихъ ученыхъ, какъ Беккарія, Верри и аббатъ Галіани, — совершенный скептикъ, несмотря на свой санъ. Со времени появленія «Esprit des lois» (1748) политика становится предметомъ философіи[1]). Въ свою очередь, государи заявляютъ себя друзьями просвѣщенія. Освобожденіе отъ предразсудковъ, устраненіе злоупотребленій, ограниченіе власти духовенства, утвержденіе духа терпимости, распространеніе благотворительности, покровительство земледѣлію и промышленности были общими цѣлями какъ философовъ, такъ и правителей. Фридрихъ II въ своей дѣятельности руководился принципомъ, что король есть первый слуга государства. Екатерина II говоритъ: «Ласкатели по вся дни земнымъ обладателямъ твердятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены; однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ считаемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа».

Еще въ 1746 г. Вольтеръ, въ своей вступительной рѣчи во Французской академіи, воздавалъ похвалу Фридриху II, говорившему и писавшему по-французски, какъ на своемъ родномъ языкѣ;

[1]) Менѣе чѣмъ въ два года сочиненіе это выдержало 22 изданія и было переведено почти на всѣ языки.

его сестрѣ, шведской королевѣ, папѣ Бенедикту XIV и русской императрицѣ, какъ покровителямъ французской рѣчи и вкуса. При Елисаветѣ Петровнѣ считали нужнымъ сообщать въ русскихъ газетахъ свѣдѣнія о частной жизни Вольтера. Стихотворенія Вольтера пересылаются изъ Парижа, переводятся на русскій языкъ (Ломоносовымъ) и переводы ихъ отправляются русскому посланнику въ Парижѣ. Когда скончалась Елисавета Петровна, то Вольтеръ выражалъ сожалѣніе, что его «императрица» умерла и что онъ потерпѣлъ такимъ образомъ чрезвычайную потерю.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны французское вліяніе въ воспитаніи, литературѣ и театрѣ становится преобладающимъ. Люди со средствами заводятъ французскія библіотеки и выписываютъ французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ для своихъ дѣтей, а другіе отправляются учиться въ Парижъ (гр. А. М. Ефимовскій, гр. А. Р. Воронцовъ). Гр. А. Р. Воронцовъ уже съ 12 лѣтъ былъ хорошо знакомъ съ произведеніями Расина, Корнеля, Буало, Вольтера и др. Княг. Е. Р. Дашкова (его сестра) пишетъ: «Какъ только я могла приняться за чтеніе (род. въ 1744 г.), книга сдѣлалась предметомъ моей страсти. Бэйль, Монтэнь, Буало, Вольтеръ были любимыми моими авторами». Любимецъ Елисаветы Петровны И. И. Шуваловъ получалъ всѣ литературныя новости изъ Франціи [1]; Н. И. Панинъ и М. Л. Воронцовъ имѣли библіотеки, а Дашкова еще въ юности составила библіотеку почти изъ 900 томовъ, въ числѣ которыхъ упоминаются французская Энциклопедія и диксіонеръ Мореры.

По своему воспитанію Екатерина [2]) принадлежала къ этой школѣ. Съ ранняго дѣтства (р. 1729 г., 21 апр. с. с., въ Штетинѣ), ей пришлось вращаться въ кругу французовъ, разселившихся по Европѣ послѣ отмѣны нантскаго эдикта. Она нерѣдко вспоминаетъ своихъ наставниковъ (m-lle Кардель, Лорана—кальвиниста, пастора Вагнера), которые не вселили ей особеннаго уваженія къ Лютеру, а себя называетъ «ученицей m-elle Кардель», которую признаетъ хотя и неначитанной, но умной и всезнающей. При господствѣ въ то время въ Европѣ французскаго просвѣщенія, французская литература заняла преимущест-

---

[1]) И. И. Шуваловъ имѣлъ въ Женевѣ своего агента для сношеній съ Вольтеромъ—В. М. Салтыкова, письма котораго представляютъ настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ Делисахъ (Les délices), тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера.

[2]) До мѵропомазанія—Софія-Августа-Фридерика.

венное значеніе въ ея образованіи. Екатерина предпочитала писать по-французски, хотя не писала на этомъ языкѣ правильно, недостатокъ общій, впрочемъ, и г-жѣ Жоффренъ, и французской аристократіи того времени. Къ нѣмецкому языку она прибѣгала въ крайности, а передъ своими друзьями хвалилась, что любитъ писать по-русски. Но правописаніе ея и здѣсь страдало. Впослѣдствіи она говорила статсъ-секрет. Грибовскому: «Ты не смѣйся надъ моею русскою ореографіей; я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошо узнать. По пріѣздѣ моемъ сюда я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала: «полно ее учить, она и безъ того умна». Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, и это самое было причиною, что я плохо знаю правописаніе». «Но она говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ знала множество», прибавляетъ авторъ записокъ. Любила Екатерина иногда щегольнуть и латинской фразой.

Частые переѣзды Екатерины (Брауншвейгъ, Цербстъ, Киль, Гамбургъ, Берлинъ и др.) содѣйствовали развитію въ ней наблюдательности и общительности, а шведскій вельможа гр. Гилленборгъ, находясь въ Гамбургѣ, замѣтилъ, что подроставшая Екатерина развита не по лѣтамъ и имѣетъ философскій умъ. Спустя пять лѣтъ (1745) онъ увидѣлъ ее уже въ Россіи и далъ ей наставленіе читать серьезныя книги [1]), а именно жизнеописанія Плутарха, біографію Цицерона, соч. Монтескье: «Причины величія и паденія Рима», которыя, хотя съ трудомъ, были найдены въ Петербургѣ и отчасти прочтены ею. Далѣе слѣдовали: записки Брантома, жизнь Генриха IV Перефикса, ист. Германіи Барра, соч. Платона, Всемірная исторія Вольтера [2]), словарь Бэйля, Духъ законовъ Монтескье, церк. лѣтописи Баронія (перевед. при Петрѣ В.), лѣтопись Тацита, письма Севинье. «Въ теченіе 18 лѣтъ скуки и уединенія (1744—1762) я поневолѣ прочла много книгъ», говоритъ Екатерина. Но, когда она стала читать Вольтера, то романы перестали ее интересовать. Она читала также Рабле и Скаррона, Монтэня, Мольера и Корнеля; любимцемъ ея былъ и авторъ Жиль-Блаза (Лесажъ)—писатели,

[1]) Екатерина II впослѣдствіи признавала вліянія его въ своемъ первоначальномъ развитіи: «а когда я обѣщаю себѣ что-нибудь, то не помню, чтобы не исполнила», замѣчаетъ она по этому поводу.

[2]) Вѣроятно здѣсь разумѣется «Abrégé de l'hist. universelle». I—II, 1758.

въ которыхъ можно было найти всю соль стариннаго французскаго остроумія («старогальскую соль», по выраженію Тэна). Подъ вліяніемъ этихъ произведеній, она вполнѣ усвоила легкость изложенія и игривость тона, которыми такъ отличаются ея письма, представляющія вмѣстѣ съ тѣмъ образцы эпистолярнаго слога. «Могу васъ увѣрить, писала она Вольтеру, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно много вамъ обязана. До того я читала одни романы но случайно мнѣ попались ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы. Но гдѣ ихъ найти! и такъ я возвращаюсь къ этому первому возбудителю моего вкуса и виновнику моихъ самыхъ дорогихъ развлеченій. Конечно, если у меня есть какія нибудь свѣдѣнія, то я ему одному обязана».... «Ваши сочиненія пріучили меня мыслить», говоритъ она Вольтеру въ другомъ мѣстѣ [1]).

Какъ извѣстно, изученіе классической древности, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи эпохи просвѣщенія, какъ и въ эпоху возрожденія, и оказало несомнѣнное вліяніе на политическія мнѣнія какъ писателей, такъ и дѣятелей времени французской революціи. Понятно, почему чтеніе Тацита произвело въ умѣ Екатерины, по ея собственнымъ словамъ (записки), страшный переворотъ. Уже въ 1790 г. она дѣлала переводы изъ біографій Плутарха (Алкивіадъ и др.), причемъ пускается въ сравненія (жизнь Коріолана) между языческими и христіанскими обрядами, негодуетъ на его новѣйшихъ продолжателей («il ne faut jamais faire cela, car les modernes ne peuvent pas avoir le tact des anciens») и заявляетъ, что переводъ изъ него укрѣпляетъ ея духъ («cela me fortifie l'âme»).

Понятно, что, по направленію ума, Екатерина, не могла быть преданной своимъ обрядамъ, но отецъ ея былъ строгій лютеранинъ и не легко мирился съ мыслію о перемѣнѣ ею исповѣданія вѣры. Нѣкоторое время она поддерживала его въ этой увѣренности; но вскорѣ уже пишетъ ему, что, *не находя никакой почти разности между вѣрами греческой и лютеранской*, она рѣшилась перемѣнить исповѣданіе и обѣщаетъ прислать ему символъ вѣры. Въ слѣдъ за тѣмъ

---

[1]) Въ 1783 г., по поводу чтенія сочин. Вольтера и Монтескье, Екатерина замѣчаетъ Гримму, что всѣ новые писатели дѣлали часто «похищенія» изъ басенъ Видная и Локмана.

она вполнѣ входитъ въ свою роль. При Елисаветѣ она строго выполняетъ всѣ обряды, хотя и относится иногда къ нимъ критически.

Екатерина усердно пользовалась своимъ продолжительнымъ уединеніемъ въ цар. Елисаветы въ интересахъ самообразованія, игравшаго такое важное значеніе въ то время. Но область искусства ей не далась. «До смерти хотѣлось бы мнѣ слушать и любить музыку, писала она Гримму, но, что я ни дѣлаю, для меня это шумъ и больше ничего». Впрочемъ этимъ недостаткомъ отличались и другія женщины ея времени. Трагедіи ей не нравятся, а комедіи ее утомляютъ, пишетъ о ней французскій посолъ; она не любитъ музыки. Въ садахъ заботится только о розахъ; вкусъ свой она любитъ проявлять исключительно въ устройствѣ своего двора. Стихи ей также не удаются.

Франц. посланникъ Лопиталь (быв. въ Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ) отозвался, что у Екатерины «горячая голова», и одни ее сравнивали со св. Терезой, а другіе съ Этной. «Я пишу нервознымъ стилемъ», говоритъ она о себѣ. Однажды зашла рѣчь о томъ, чѣмъ могла бы быть Екатерина въ частной жизни и притомъ мужчиной? Дипломаты судили разно: одинъ говорилъ—мудрымъ законовѣдомъ, другой—министромъ, третій—полководцемъ; но Екатерина возразила: «вы всѣ ошибаетесь; я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую кампанію не снесла бы головы». Своимъ друзьямъ она пишетъ, какъ она плаваетъ во главѣ флота или выступаетъ передъ отрядомъ, а въ моментъ самаго тяжелаго періода пугачевщины собиралась отправиться на мѣсто дѣйствій. Докт. Вейкардъ замѣчаетъ о ней: «стоитъ только разъ увидѣть императрицу, чтобы позабыть совершенно о всѣхъ непріятностяхъ»; но прибавляетъ: «впрочемъ жениться на ней потребовало бы чрезвычайной смѣлости». Въ 1780 г., послѣ свиданія съ нею въ Могилевѣ, импер. Іосифъ II замѣтилъ, что не легко быть вторымъ лицомъ при такой государынѣ.

Въ умѣ Екатерины укладывалась масса теоретическихъ вопросовъ—политическаго, религіознаго и нравственнаго характера, но философское направленіе она признавала необходимымъ и полезнымъ во всякой отрасли знанія, не исключая и медицины, безъ котораго она считала эту послѣднюю даже безполезною [1]). Къ концу цар. Елиса-

[1]) Напомнимъ прекрасныя слова Кл. Бернара: «Какъ экспериментаторъ, я избѣгаю философскихъ системъ, но при этомъ я нисколько не отрицаю тотъ *философ-*

веты Петровны относится собственноручная записка Екатерины II (писанная карандашемъ), касающаяся общихъ вопросовъ внутренняго управленія. Изъ нея видно, что уже тогда она набрасывала проекты мнѣній и правилъ, которымъ намѣревалась слѣдовать потомъ. «Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь Богъ, пишетъ она. Слава ея дѣлаетъ меня славною». Она утверждала, что «благо» и «справедливость», прямо заявленныя, въ состояніи побѣдить всякія препятствія. Она совѣтуетъ прислушиваться къ мнѣніямъ людей, высказываемымъ даже на рынкахъ. Она замѣчаетъ, что важны не столько общія реформы, сколько направленіе правительства, дѣйствующее смягчающимъ образомъ на мысли и нравы общества. Она говоритъ, что нужно сдѣлать отечество любезнымъ и тогда не опасно будетъ посылать молодыхъ людей учиться за границу. Снисходительность, примирительный духъ власти дѣлаютъ больше, чѣмъ милліоны законовъ. Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ. Далѣе, она говоритъ о свободѣ, какъ дающей душу всему; сознается, впрочемъ вслѣдъ за Монтескье, въ своей слабости къ великимъ родамъ, какъ необходимымъ въ монархіи; указываетъ на необходимость обратить вниманіе на домашнее образованіе (и въ особенности женское), представляющее «грязный ручей»; высказывается противъ крѣпостнаго права; настаиваетъ на мѣрахъ противъ страшной смертности, господствующей въ деревняхъ, на поднятіи промышленности; возражаетъ противъ конфискаціи имущества, предварительнаго ареста помимо суда, противъ чрезвычайныхъ коммиссій; прибавляетъ, что не слѣдуетъ руководиться предразсудками, что должно уважать вѣру, но не давать ей вліянія на дѣла государственныя. Въ заключеніе она опять повторяетъ: «Рабство есть гражданская потеря, убивающая взаимное состязаніе, промышленность, художества, науки, честь и изобиліе» (со ссылкой на Энциклоп. журналъ). [1])

скій духъ, который не принадлежа ни къ какой системѣ, долженъ господствовать не только во всѣхъ наукахъ, но и во всѣхъ человѣческихъ знаніяхъ... Въ самомъ дѣлѣ, философія, съ научной точки зрѣнія, представляетъ вѣчное стремленіе человѣческаго ума къ познанію неизвѣстнаго. Философы всегда разрабатываютъ спорные вопросы, принадлежащіе къ области крайнихъ предѣловъ научнаго знанія, и потому сообщаютъ научной мысли движеніе, которое облагораживаетъ и оживляетъ ее... Они поддерживаютъ жажду неизвѣстнаго и тотъ священный огонь изслѣдованія, которые никогда не должны пропадать въ ученомъ».

[1]) Духъ вѣка настолько давалъ себя чувствовать, что даже Петръ III, въ свое кратковременное царствованіе, успѣлъ отмѣнить тайную канцелярію, секуляризировать

Про Вольтера говорили, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ четырехъ королей (Пруссія, Швеція, Данія и Россія), не считая второстепенныхъ принцевъ и принцессъ, великихъ герцоговъ и маркграфовъ. То былъ, по словамъ шведскаго историка Гейера, монархическій или аристократическій періодъ этой философіи; позднѣе долженъ былъ наступить періодъ демократическій: «Руссо началъ его, и съ тѣхъ поръ прекратилась философія великихъ»... Екатерина II вѣрила въ такъ называемый «просвѣщенный деспотизмъ», и этой религіи вѣка она осталась вѣрной до гроба.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина назначила повѣреннаго въ дѣлахъ при г-жѣ Жоффренъ, т. е. при ея литературномъ дворѣ, и вступила съ нею въ переписку. Къ событію 28 іюня Екатерина всегда относилась весьма щекотливо и легко понять, какъ непріятно было для нея узнать, что событіе это было передано Вольтеру въ дурномъ свѣтѣ; но затѣмъ Вольтеръ высказываетъ уже удивленіе передъ сѣверной Семирамидой и величаетъ ее (какъ и принцъ де-Линь) Екатериною «Великимъ». Съ этого времени Вольтеръ становится преданнымъ блюстителемъ ея интересовъ и славы, а она, въ свою очередь, является ревностною покровительницею Вольтера и его друзей. Между тѣмъ, какъ она вступаетъ въ близкія сношенія съ французскими философами, у нея возникаетъ борьба съ французскимъ правительствомъ, съ мин. Шуазелемъ, который въ Польшѣ, Швеціи и Турціи старается возбудить вражду противъ нея. Съ тѣхъ поръ всѣ непріятности для нея идутъ изъ Версаля, всѣ утѣшенія изъ Парижа и Фернэ, и эта борьба отражается на ея перепискѣ. Разсужденіе Вольтера о приближеніи смерти вызываетъ у нея сожалѣнія; она ласкаетъ старца и угождаетъ ему, какъ преданная дочь; она шлетъ ему табакерки собственной работы, шубы, портреты. Она увѣряетъ, что дорожитъ его сочиненіями болѣе, чѣмъ подвигами Александра Македонскаго, и что его письма болѣе пріятны ей, чѣмъ та угодливость, которую могъ бы оказать ей этотъ государь. Девизомъ своимъ она называетъ «пчелу» съ надписью «полезное». Она слѣдитъ за сочиненіями Вольтера, а присланное собраніе ихъ, вмѣстѣ съ его бюстомъ, помѣщаетъ въ своемъ кабинетѣ, какъ лучшее украшеніе. Понятно, какъ должны были льстить французскимъ писа-

монастырскія имущества, облегчить участь раскольниковъ, ограничить монополіи, разрѣшить вывозъ хлѣба за границу, понизить цѣну на соль и т. п., и эти распоряженія вызывали похвалы и вниманіе въ Западной Европѣ.

телямъ подобныя отношенія Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II, когда, чтобы добиться постановки новой драмы или получить кресло въ академіи, Вольтеръ долженъ былъ подчиняться многимъ унизительнымъ для себя условіямъ, когда мнѣнія Ньютона подвергались запрещенію во Франціи, а произведенія современной литературы преслѣдовались и могли появиться въ печати только въ Англіи или въ Голландіи. Переписка Екатерины съ Вольтеромъ сосредоточивается на вопросахъ о вѣротерпимости и необходимости въ государствѣ «одной власти», на внутренней и внѣшней политикѣ. Вольтеръ является защитникомъ Екатерины въ ея отношеніяхъ къ Петру III, въ дѣлѣ Мировича, въ процессѣ Арсенія Мацѣевича, стоявшаго будто бы только за принципъ «двухъ властей», въ ея политикѣ въ Турціи и Польшѣ, гдѣ давалъ себя чувствовать религіозный фанатизмъ — это больное мѣсто въ глазахъ современныхъ философовъ [1]), не смотря на то, что на польскомъ престолѣ сидѣлъ Станиславъ-Августъ, »сдѣланный королемъ» Екатериною,—другъ энциклопедистовъ.

Почти одновременно съ Вольтеромъ, у Екатерины возникаютъ сношенія съ д'Аламберомъ, которому она предложила быть воспитателемъ вел. кн. Павла Петровича (въ 1764 г. д'Аламберъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи наукъ), и съ Дидро, Энциклопедія котораго служила ей настольною книгою, гдѣ она надѣялась найти все, что ей необходимо. Она предлагала окончить печатаніе ея въ Ригѣ; а соч. Гельвеція (De l'homme), при посредствѣ ея посланника кн. Д. А. Голицына, было напечатано въ Лондонѣ (1773) и посвящено ей издателемъ. Екатерина пріобрѣла библіотеку Дидро (1765), оставивъ послѣднюю въ его пользованіи до конца жизни и выплативъ ему 50,000 ливровъ пенсіи, какъ своему библіотекарю [2]). «Въ какое время живемъ мы, писалъ Вольтеръ Дидро, — Франція преслѣдуетъ философію, а скиѳы ей покровительствуютъ». Онъ называетъ Екатерину самой блестящей звѣздой Сѣвера, «ибо всѣ другія звѣзды оставили бы Дидро умереть съ голоду». «Мы втроемъ: Дидро, д'Аламберъ и я воздвигаемъ вамъ алтари: вы сдѣлали меня язычникомъ. Мы всѣ миссіонеры, проповѣдующіе вѣру въ св. Екатерину, и

1) Въ 1767 г. Вольтеръ издалъ брошюру по вопросу о диссидентахъ, въ защиту политики Екатерины, переведенную и на русскій языкъ (1776).

2) «Было бы жестоко разлучать ученаго съ его книгами», писала Екатерина д'Аламберу. «Я часто бывала въ опасеніи, чтобы не отняли у меня моихъ»,—и такъ поступала она въ другихъ подобныхъ случаяхъ (бб. бар. Корфа и Миллера, коллек. Палласа).

мы можемъ похвалиться, что наша вѣра довольно распространена», замѣчаетъ онъ. И друзьямъ Екатерины удалось таки добиться, чтобы исторія событій 1762 г., написанная Рюльеромъ, не была напечатана, а о самыхъ этихъ событіяхъ Вольтеръ отзывался, какъ о мелкихъ семейныхъ дѣлишкахъ, не стоящихъ вниманія.

Г-жа Бьельке, другъ матери Екатерины, жившая въ Гамбургѣ—самомъ обширномъ въ то время торговомъ центрѣ Сѣвера—была въ нѣкоторомъ родѣ нѣмецкой m-me Жоффренъ и Екатерина усердно пользовалась ея услугами (1765—1778). Нужно ли сообщить, какъ она подала примѣръ привитія оспы и собирала въ Москвѣ коммиссію Уложенія или разъяснить таинственную смерть Іоанна VI, ослабить впечатлѣніе, произведенное Пугачевскимъ бунтомъ, и опровергнуть непріятную статью «Кельнской газеты» или «Авиньонскаго курьера»,—тотчасъ пишутся письма въ Фернэ, Парижъ, Гамбургъ; и нужно замѣтить, что письма къ Бьельке и Вольтеру почти всегда идутъ рядомъ, помѣчены одинаковыми числами, говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ и содержатъ въ себѣ иногда однѣ и тѣ же остроты. Позже (съ 1774 г.) Екатерина вступаетъ въ постоянную переписку съ Гриммомъ (сношенія ихъ начались раньше), этимъ посредникомъ между нѣмецкими дворами и французскими писателями, а потомъ ея дѣятельнымъ и наиболѣе интимнымъ корреспондентомъ, «прежде всего русскимъ», вполнѣ зараженнымъ «екатеринофильствомъ». Вопросы законодательства, литературы, просвѣщенія, ея личныя дѣла и невзгоды служатъ предметомъ ихъ взаимнаго обмѣна мыслей. Если Екатеринѣ не удалось пріобрѣсть Беккарію для разработки новыхъ законовъ и пришлось разочароваться въ Мерсье де ла-Ривьерѣ, то Дидро снабдилъ ее Фальконетомъ, съ именемъ котораго связано появленіе замѣчательнаго памятника искусства въ Петербургѣ—конной статуи Петра Великаго, вдохновившій потомъ Пушкина; а съ Фальконетомъ у Екатерины возникаетъ опять обширная переписка, посвященная вопросамъ литературы и искусства и общимъ парижскимъ друзьямъ....

Когда Екатерина оказала денежную поддержку жертвамъ фанатизма и несправедливости суда во Франціи (Каласамъ, 1761—1763 г., и Сирвенамъ, 1764 г.)[1]), принятымъ подъ защиту Вольтеромъ, то по-

---

[1]) Въ 1788 г. былъ изданъ переводъ «исторіи о Каласахъ», въ которой сообщены свѣдѣнія по дѣлу Сирвеновъ и данныя объ отношеніи къ нимъ Екатерины II.

слѣдній въ письмѣ своемъ къ кн. Д. А. Голицыну заявилъ, что если бы онъ былъ помоложе, то самъ отправился бы въ Россію и воспѣвалъ бы ее (Екатерину) всю дорогу отъ подножія Альпъ до Архангельска. По словамъ же Мишле, ничто такъ, какъ процессъ Каласа, не уронило окончательно французскаго духовенства и не унизило правительства. Понятно, почему Екатерина представлялась Вольтеру какъ бы ниспосланною ему свыше, даже божествомъ.... Въ интересахъ торжества излюбленныхъ идей, Вольтеръ выступилъ защитникомъ свѣтской власти. «Правительство тогда только хорошо, писалъ онъ, когда оно едино; не должно быть двухъ властей въ одномъ государствѣ»...; а Екатерина въ своей перепискѣ гордилась тѣмъ, что она, по праву, есть «глава греческой церкви», въ противоположность суприматіи папы. Образцомъ пастыря «нефанатика» она называетъ Димитрія Сѣченова, и Вольтеръ, въ письмахъ своихъ къ ней, твердитъ о томъ, что сердце его, какъ магнитъ, обращается къ сѣверу. Но затѣмъ Екатерина въ томъ же духѣ постарается представить и еписк. Гавріила (Петрова), и м. Платона, утверждая, что русскіе іерархи не имѣютъ ничего общаго съ католическими... Она увѣряетъ, что въ ея царствованіе православный, католикъ и магометанинъ уживаются мирно вмѣстѣ, и охотно, какъ мы видѣли, брала подъ свое покровительство жертвы нетерпимости во Франціи... Вольтеръ, въ свою очередь, привѣтствуетъ Екатерину, какъ защитницу терпимости въ Польшѣ, гдѣ она дѣйствовала въ пользу диссидентовъ.... Онъ желалъ, чтобы Іосифъ II и Венеція соединились съ Екатериною противъ туровъ, представляющихъ *позоръ* Европы. Онъ хотѣлъ видѣть покореніе Константинополя и возстановленіе греческаго царства, подъ покровительствомъ Екатерины, и вѣрилъ, что если когда турки и будутъ изгнаны изъ Европы, то непремѣнно русскими. Онъ желалъ видѣть въ Константинополѣ статую Екатерины, исполненную тѣмъ же Фальконетомъ. Понятно, что Екатеринѣ приходилось уже разочаровывать его въ подобномъ исходѣ своего предпріятія. Она подробно сообщаетъ ему всѣ перипетіи первой турецкой войны, и эти извѣстія имѣютъ характеръ своего рода манифестовъ и бюллетеней [1].... Пользуясь случаемъ, Екатерина восхваляетъ подвиги своихъ любимцевъ—Орловыхъ, сравнивая ихъ

[1]) Слово Платона, сказанное по случаю чесменской побѣды, въ память Петра В., какъ основателя флота, переводится на франц. языкъ Дашковой, которая и подноситъ его Вольтеру.

съ древними римскими героями. Въ такомъ же духѣ писала Екатерина и во время чумы въ Москвѣ, и во время пугачевскагѣ бунта, которые могли подавать за границею поводы къ самымъ неблагопріятнымъ для нея слухамъ, и Вольтеръ, подъ вліяніемъ ея писемъ, входитъ до того въ ея взгляды, что не замѣчаетъ даже того явленія, какое скрывалось за бунтомъ Пугачева. Въ порывѣ увлеченія онъ восклицаетъ: «Желаю, чтобы турокъ хорошенько побили, чтобы пушки бар. Тотта разорвало и чтобы Пугачевъ былъ безъ промедленія повѣшенъ»!

Примѣръ Екатерины дѣйствовалъ и на ея окружающихъ. Посредникомъ ея въ сношеніяхъ съ энциклопедистами былъ кн. Д. А. Голицынъ. Бецкій переписывался съ Дидро и Жоффренъ; гр. А. П. Шуваловъ и гр. А. Р. Воронцовъ—съ Вольтеромъ и Мармонтелемъ; Ив. И. Шуваловъ и кн. Юсуповъ посѣтили Вольтера; кн. Козловскій считалъ для себя за особенную честь быть посланнымъ отъ Екатерины въ Фернэ; сыновей фельдмарш. Румянцова Гриммъ везетъ на поклонъ къ Вольтеру. Кн. Гр. Гр. Орловъ приглашаетъ Руссо въ свое помѣстье, а К. Г. Разумовскій разыскиваетъ его въ Страсбургѣ. Дашкова дважды побывала въ Парижѣ (1770 и 1780), проводила время въ бесѣдахъ съ Дидро и посѣтила Вольтера въ Фернэ. П. С. Потемкинъ переводитъ соч. Вольтера и Руссо, а адмиралъ Грейгъ изучаетъ соч. Монтескье и Рейналя. Въ 1772 г. Екатерина пишетъ Вольтеру, что многіе офицеры, побывавшіе у него, въ восторгѣ отъ его пріема; а молодые люди жадничаютъ видѣть его и слышать его разговоры. Порошинъ обращалъ вниманіе вел. кн. Павла Петровна на соч. Монтескье и Гельвеція. Самъ Порошинъ намѣревался написать соч. «Государственный механизмъ», чтобы показать, что ни одинъ чинъ не долженъ быть пренебреженъ.

Пользуясь сношеніями съ современными мыслителями, Екатерина могла предаваться въ своей перепискѣ интересамъ науки и литературы; по ихъ идеямъ она писала свой «Наказъ». Она пользовалась ихъ услугами для пріисканія офицеровъ, моряковъ, хирурговъ, инженеровъ и ремесленниковъ, въ обиліи появляющихся при ней въ Россіи, а также для пріобрѣтенія художественныхъ коллекцій. Но, щедро одаривая своихъ корреспондентовъ мѣхами, шубами (Жоффренъ она пишетъ, что ей принадлежитъ по праву лишь горностаевая) и покупкою ихъ коллекцій или принимая на себя продажу часовъ съ фабрикъ Вольтера,

Екатерина дѣлала этимъ не одну любезность; она надѣялась, какъ говоритъ сама, уничтожить слухи, распускаемые Шуазелемъ, который старался представить свѣту, что она личность сумасбродная и безъ средствъ, какими документами наполненъ былъ, вѣроятно, весь архивъ французскаго посольства въ Петербургѣ, а подобные слухи вліяли на дворъ и министерство и позволяли распускать, по ея словамъ, павлиный хвостъ всѣмъ тѣмъ, кто былъ врагомъ Россіи и чьи виды шли въ разрѣзъ съ нашими.

Понятно, что распространіе идей современной философіи не могло остаться безъ вліянія. Екатерина хвалилась, что къ намъ доходятъ сочиненія, которыя запрещены Сорбонною и папою, и ихъ можно найти даже въ Сибири. Въ 1765 г. Вольтеръ издалъ «Философію исторіи», которая, по словамъ Казановы, въ числѣ 3000 экз. была распродана въ Россіи въ теченіе недѣли (?). Ее носили въ карманѣ, какъ молитвенникъ, а особы высшаго круга даже божились именемъ Вольтера. Въ библіотекѣ воспитательнаго дома находились соч. Декарта, Пуфендорфа, Локка, Вольтера и мн. др., а «Энциклопедія» аккуратно высылалась сюда по назначенію Бецкаго. Соч. Бильфельда (члена Берлинской акад. наукъ) было назначено Екатериной при воспитаніи ея сына и въ кадетскомъ корпусѣ [1]). Какъ извѣстно, она вмѣстѣ съ другими участвовала въ переводѣ книги Мармонтеля «Велисарій» (1767), представляющей смѣлый протестъ противъ нетерпимости, причемъ сама Екатерина перевела всю 9-ю главу, въ которой самовластіе подвергается безпощадному осужденію. Объ этомъ она писала автору, а переводъ книги Мармонтеля былъ посвященъ еп. тверскому Гавріилу, потомъ митрополиту. Депутаты въ коммиссіи уложенія основываются на началахъ естественнаго права, теоріи договора и гражданскомъ равенствѣ. Въ Московскомъ университетѣ произносятся рѣчи (Лангеръ) о связи законодательства съ философіей (1766); объ основаніи правосудія не на застарѣлыхъ мнѣніяхъ, не на порядкахъ, древностью введенныхъ, а на здравомъ разумѣ и пользѣ управляемаго общества, причемъ авторъ нападаетъ на пытки (1767); теорія законовъ излагается (1782—83) по Монтескье (Шнейдеръ, авторъ «Разсужденій на книгу Монтескье») [2]). Русскіе историки, какъ кн. Щербатовъ и Бол-

[1]) Екатерина читала его «политическія наставленія»; авторъ уже слѣдовалъ Монтескье.

[2]) Сочин. Монтескье «Духъ Законовъ» переводилось на русскій языкъ (ч. I, М. 1775).

съ древними римскими героями. Въ такомъ же духѣ писала Екатерина и во время чумы въ Москвѣ, и во время пугачевскагб бунта, которые могли подавать за границею поводы къ самымъ неблагопріятнымъ для нея слухамъ, и Вольтеръ, подъ вліяніемъ ея писемъ, входитъ до того въ ея взгляды, что не замѣчаетъ даже того явленія, какое скрывалось за бунтомъ Пугачева. Въ порывѣ увлеченія онъ восклицаетъ: «Желаю, чтобы турокъ хорошенько побили, чтобы пушки бар. Тотта разорвало и чтобы Пугачевъ былъ безъ промедленія повѣшенъ»!

Примѣръ Екатерины дѣйствовалъ и на ея окружающихъ. Посредникомъ ея въ сношеніяхъ съ энциклопедистами былъ кн. Д. А. Голицынъ. Бецкій переписывался съ Дидро и Жоффренъ; гр. А. П. Шуваловъ и гр. А. Р. Воронцовъ—съ Вольтеромъ и Мармонтелемъ; Ив. И. Шуваловъ и кн. Юсуповъ посѣтили Вольтера; кн. Козловскій считалъ для себя за особенную честь быть посланнымъ отъ Екатерины въ Фернэ; сыновей фельдмарш. Румянцова Гриммъ везетъ на поклонъ къ Вольтеру. Кн. Гр. Гр. Орловъ приглашаетъ Руссо въ свое помѣстье, а К. Г. Разумовскій разыскиваетъ его въ Страсбургѣ. Дашкова дважды побывала въ Парижѣ (1770 и 1780), проводила время въ бесѣдахъ съ Дидро и посѣтила Вольтера въ Фернэ. П. С. Потемкинъ переводитъ соч. Вольтера и Руссо, а адмиралъ Грейгъ изучаетъ соч. Монтескье и Рейналя. Въ 1772 г. Екатерина пишетъ Вольтеру, что многіе офицеры, побывавшіе у него, въ восторгѣ отъ его пріема; а молодые люди жадничаютъ видѣть его и слышать его разговоры. Порошинъ обращалъ вниманіе вел. кн. Павла Петровна на соч. Монтескье и Гельвеція. Самъ Порошинъ намѣревался написать соч. «Государственный механизмъ», чтобы показать, что ни одинъ чинъ не долженъ быть пренебреженъ.

Пользуясь сношеніями съ современными мыслителями, Екатерина могла предаваться въ своей перепискѣ интересамъ науки и литературы; по ихъ идеямъ она писала свой «Наказъ». Она пользовалась ихъ услугами для пріисканія офицеровъ, моряковъ, хирурговъ, инженеровъ и ремесленниковъ, въ обиліи появляющихся при ней въ Россіи, а также для пріобрѣтенія художественныхъ коллекцій. Но, щедро одаривая своихъ корреспондентовъ мѣхами, шубами (Жоффренъ она пишетъ, что ей принадлежитъ по праву лишь горностаевая) и покупкою ихъ коллекцій или принимая на себя продажу часовъ съ фабрикъ Вольтера,

Екатерина дѣлала этимъ не одну любезность; она надѣялась, какъ говоритъ сама, уничтожить слухи, распускаемые Шуазелемъ, который старался представить свѣту, что она личность сумасбродная и безъ средствъ, какими документами наполненъ былъ, вѣроятно, весь архивъ французскаго посольства въ Петербургѣ, а подобные слухи вліяли на дворъ и министерство и позволяли распускать, по ея словамъ, павлиный хвостъ всѣмъ тѣмъ, кто былъ врагомъ Россіи и чьи виды шли въ разрѣзъ съ нашими.

Понятно, что распространіе идей современной философіи не могло остаться безъ вліянія. Екатерина хвалилась, что къ намъ доходятъ сочиненія, которыя запрещены Сорбонною и папою, и ихъ можно найти даже въ Сибири. Въ 1765 г. Вольтеръ издалъ «Философію исторіи», которая, по словамъ Казановы, въ числѣ 3000 экз. была распродана въ Россіи въ теченіе недѣли (?). Ее носили въ карманѣ, какъ молитвенникъ, а особы высшаго круга даже божились именемъ Вольтера. Въ библіотекѣ воспитательнаго дома находились соч. Декарта, Пуфендорфа, Локка, Вольтера и мн. др., а «Энциклопедія» аккуратно высылалась сюда по назначенію Бецкаго. Соч. Бильфельда (члена Берлинской акад. наукъ) было назначено Екатериной при воспитаніи ея сына и въ кадетскомъ корпусѣ [1]). Какъ извѣстно, она вмѣстѣ съ другими участвовала въ переводѣ книги Мармонтеля «Велисарій» (1767), представляющей смѣлый протестъ противъ нетерпимости, причемъ сама Екатерина перевела всю 9-ю главу, въ которой самовластіе подвергается безпощадному осужденію. Объ этомъ она писала автору, а переводъ книги Мармонтеля былъ посвященъ еп. тверскому Гавріилу, потомъ митрополиту. Депутаты въ коммиссіи уложенія основываются на началахъ естественнаго права, теоріи договора и гражданскомъ равенствѣ. Въ Московскомъ университетѣ произносятся рѣчи (Лангеръ) о связи законодательства съ философіей (1766); объ основаніи правосудія не на застарѣлыхъ мнѣніяхъ, не на порядкахъ, древностью введенныхъ, а на здравомъ разумѣ и пользѣ управляемаго общества, причемъ авторъ нападаетъ на пытки (1767); теорія законовъ излагается (1782—83) по Монтескье (Шнейдеръ, авторъ «Разсужденій на книгу Монтескье») [2]). Русскіе историки, какъ кн. Щербатовъ и Бол-

---

[1]) Екатерина читала его «политическія наставленія»; авторъ уже слѣдовалъ Монтескье.

[2]) Сочин. Монтескье «Духъ Законовъ» переводилось на русскій языкъ (ч. I, М. 1775).

тинъ, прилагаютъ воззрѣнія французскихъ и англійскихъ писателей (Вольтеръ, Монтескье, Юмъ и др.) къ событіямъ русской исторіи; а вопросы о свободѣ совѣсти и смертной казни тотъ же Щербатовъ (въ своей статистикѣ и сочин.) разсматриваетъ и съ точки зрѣнія современной философіи.

Съ начала цар. Екатерины усиливается посылка молодыхъ людей въ иностранные университеты для изученія наукъ политическихъ, юридическихъ, естественныхъ и медицинскихъ, богословія и восточныхъ языковъ (съ 1763—95 г. въ Лейпцигѣ училось 36 студ.; въ Геттингенѣ съ 1766—72 г.—5; въ Оксфордѣ—2, въ Гласго—4, въ Упсалѣ—2, въ Кенигсбергѣ—2, въ Килѣ съ 1766—1789 г.—15; нѣкоторые изучали медицину въ Парижѣ). Въ 1784—87 г. въ Страсбургскомъ университетѣ считалось 44—русскихъ и лифляндцевъ; но также посылались за границу офицеры, моряки, художники и дѣти купцовъ, для изученія торговли. Въ 1768 г., по инпціативѣ императрицы, возникаетъ особая «коммиссія для переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій», на которую она назначила изъ собственныхъ средствъ по 5000 р. въ годъ и которая внесла въ русскую литературу не мало переводовъ греческихъ и римскихъ авторовъ и наиболѣе выдающихся новыхъ писателей по разнымъ отраслямъ знанія.

По примѣру г-жи д'Эпине, Екатерина открываетъ свой Эрмитажъ, извѣстный ея литературными собраніями, библіотекой и художественными коллекціями. Она пріобрѣтаетъ картины Теньера, Вувермана, Ванло, эстампы, камеи. Извѣстный Менгсъ пишетъ для нея картины; Рейфенштейнъ содѣйствуетъ пріобрѣтенію копій съ знаменитыхъ Рафаэлевыхъ ложъ, составляющихъ драгоцѣнное достояніе Императорскаго эрмитажа. Ей удалось пріобрѣсть архитектора Гваренги, портретиста Лампи, композитора Сарти. Она интересуется открытіями въ Помпеѣ и оказываетъ покровительство русскимъ художникамъ (Лосенку и др). «Она имѣла всѣ вкусы, не имѣя вкуса», говоритъ пр. де-Линь.

Но была еще стихія, оказавшая сильное вліяніе на образъ мыслей и характеръ царствованія Екатерины II—это народная. Екатерина говоритъ, что, по прибытіи въ Россію, она задалась цѣлью понравиться своему супругу, императрицѣ и націи. Елисавета Петровна старалась, чтобы будущая императрица Россіи усвоила русскіе нравы. Поэтому, съ первыхъ дней прибытія Екатерины, ее окружаютъ русскія камерфрау и прислуга. И Екатерина съумѣла воспользоваться

этими условіями. Изъ разсказовъ окружающихъ ее лицъ (гр. Румянцовой, Владиславовой, камерфрау и др.) она почерпаетъ много свѣдѣній о бытѣ русскаго двора за нѣсколько поколѣній, узнаетъ родословныя русскихъ фамилій, знакомится съ русскими нравами и и обычаями; она читаетъ церковно-славянскія книги; усвоиваетъ народную рѣчь, русскія пословицы и пѣсни, которыми пользуется такъ умѣстно и въ своей перепискѣ, и въ литературныхъ произведеніяхъ. Къ ея времени (1760—80 гг.) относятся первыя изданія русскихъ пѣсенъ, сказокъ и былинъ (Чулкова, Новикова, Трутовского и др.; сборникъ Кирши Данилова, полагаютъ, былъ ей извѣстенъ), а также древнихъ русскихъ пословицъ. Но этому вліянію много содѣйствовалъ и тотъ контрастъ, который поражалъ ее въ вел. князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ. Чѣмъ болѣе онъ предавался своимъ голштинскимъ интересамъ, нѣмецкимъ нравамъ и идеализировалъ Фридриха II (портретъ котораго у него стоялъ на столѣ), тѣмъ болѣе Екатерина щеголяла русскою рѣчью и знакомствомъ съ Россіею. Признавая сама это, Екатерина заявляетъ, что «она прилагала величайшее стараніе, чтобы снискать любовь публики», и совершенно такого способа обращенія требовала потомъ отъ своей невѣстки. Въ другомъ наставленіи она требуетъ отъ нея «сообразоваться съ обычаями націи и имѣть рѣшительную охоту говорить на языкѣ этой обширной монархіи». На привѣтственную рѣчь англійскаго посланника гр. Букингама, сказанную на англійскомъ языкѣ, Екатерина отвѣчала по-русски....

Передъ парижскими друзьями Екатерина хвалится своимъ руссофильствомъ: «Не хвалите мой слогъ, пишетъ она Жоффренъ, это меня смущаетъ, я мало имѣю случаевъ писать по-французски; если бы вы выучились *по-русски*, это меня очень облегчило бы: я безпрестанно пишу на этомъ языкѣ». Она гордилась тѣмъ, что русскій текстъ «Наказа» написанъ вполнѣ русскимъ языкомъ и чуждъ иностранныхъ выраженій и словъ (русскій текстъ писанъ б. ч. собственноручно Екатериною). Въ числѣ ея выписокъ, во время занятій русскою исторіей, мы находимъ слѣдующую замѣтку изъ разсужденія Ломоносова: «Карлъ V, римскій императоръ, говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями [1]), итальян-

[1]) Любопытно, что Іосифъ II (1781 г.) совѣтовалъ Екатеринѣ писать туркамъ понѣмецки для вящшаго имъ внушенія.

скимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично; но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно онъ къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно». Она составила житіе Сергія Радонежскаго по разнымъ источникамъ и собственноручно написала его (издано въ Петерб., 1887 г.) съ замѣтнымъ желаніемъ удержать обороты церковно-славянскаго языка.... На придворныхъ выходахъ она кланяется *по-русски* (какъ кланяются мужчины или скорѣе монахи, замѣчаетъ графъ Эстергази). Она покровительствуетъ русскимъ модамъ. «Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, говоритъ она: онъ отличается догадкою, умомъ, силою. Я знаю это по 20-лѣтнему опыту царствованія. Богъ далъ русскимъ особое свойство». Въ письмахъ своихъ (къ Вольтеру и др.) она не разъ щеголяетъ громадностью Русской имперіи, которую, однако, любитъ называть «своимъ маленькимъ хозяйствомъ». Въ разсматриваемомъ отношеніи она имѣла преимущество даже передъ Фридрихомъ II, съ которымъ такъ часто соперничала въ покровительствѣ французской философіи. Нѣмцы справедливо упрекали Фридриха за его пренебреженіе къ отечественной литературѣ....

По вступленіи на престолъ, Екатерина оказала вниманіе Ломоносову и посѣтила его домъ (7 іюня 1764 г.), причемъ осматривала его мозаичныя работы и наблюдала физическіе и химическія опыты. Благодаря ея личному участію, стала возможною въ Академіи наукъ дѣятельность Шлецера, который является потомъ панегиристомъ и лѣтописцемъ ея царствованія. Миллеру, Щербатову, Новикову, Голикову были открыты архивные матеріалы, появившіеся въ свѣтъ въ ихъ обширныхъ изданіяхъ и трудахъ. Гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный своимъ собраніемъ рукописей, въ значительной степени былъ обязанъ имъ Екатеринѣ II. Она озаботилась собраніемъ русскихъ лѣтописей и памятниковъ (1781 и 1793 гг.) изъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ съ цѣлью ихъ изданія, и въ ея царствованіе русскія лѣтописи впервые были изданы въ такомъ количествѣ, какъ долго потомъ не издавались. При архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (въ Москвѣ) придпринимается описаніе сношеній Россіи съ иностранными державами. Появляются сборники и журналы, заключающіе въ себѣ матеріалы по исторіи и этнографіи Россіи (Старина и Новизна, Открываемая Россія, Повѣствователь древностей россійскихъ, Россійскій Магазинъ, Собраніе Записокъ о жизни и дѣяніяхъ Петра Вел. и др.).

По желанію Екатерины, Стриттеръ извлекаетъ изъ византійскихъ историковъ все, что относится къ славянамъ и Россіи.... Не зная прошлой жизни народа, говоритъ она не разъ, можно ли принимать какія-либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ. Исторіографъ Миллеръ удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи, когда она была еще вел. княгинею; а въ своихъ историческихъ замѣчаніяхъ она нерѣдко высказываетъ мысли, съ такой настойчивостью проводившіяся потомъ школою славянофиловъ. Она отыскиваетъ славянскій элементъ въ отдаленныхъ странахъ Европы и даже въ Америкѣ («Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены славянскими названіями», замѣчаетъ она въ одномъ наброскѣ).... Говорятъ, она однажды сказала доктору Рожерсону, пускавшему ей кровь: «ну, теперь вы выпустили изъ меня послѣднюю нѣмецкую кровь», и только два раза, въ перепискѣ съ Гриммомъ, она упоминаетъ о своемъ нѣмецкомъ происхожденіи, причемъ, по поводу желанія султана отнять у нея Крымъ, она замѣчаетъ: «но вы вѣдь знаете, что нѣмецъ никогда не потерпитъ, чтобы его водили за носъ, и онъ всегда оберегаетъ болѣе всего именно эту часть тѣла».....

Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму, жалуясь на упадокъ французской комедіи и сожалѣя, что нѣтъ болѣе Вольтера, Екатерина восклицаетъ: «Настанетъ мелочной вѣкъ Лагарповъ [1]) и компаніи до той поры, когда взойдетъ звѣзда Востока: да, оттуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь хранится подъ пепломъ духа и силы». Тѣмъ не менѣе, она постоянно твердитъ, что Россія— «держава европейская» (Наказъ), такъ какъ она признавала основы цивилизаціи достояніемъ всего человѣчества. «Человѣческій умъ вездѣ одинъ и тотъ же», говоритъ она въ своей исторіи [2]).

Съ негодованіемъ встрѣтила Екатерина появленіе (1768) описанія Россіи въ «путешествіи» аббата Шаппа д'Отероша, въ чемъ она усмотрѣла новый ударъ ея врага герц. Шуазеля, и если не вполнѣ, то при значительномъ ея участіи былъ написанъ знаменитый «Антидотъ», въ которомъ исторія Россіи и состояніе страны, представленныя Шаппомъ, разсмотрѣны со всею горечью «сплошнаго памфлета», по словамъ Рамбо; но мнѣнія эти для насъ важны, какъ выраженіе обычнаго способа защиты со свойственною Екатеринѣ «горячностью». Точно также

[1]) Ж. Ф. Лагарпъ—французскій критикъ. Екатерина его не любила.

[2]) Безъ сомнѣнія, она слѣдовала здѣсь мнѣніямъ Монтескье и Вольтера объ одинаковости человѣческой природы и побужденій (страстей).

отнеслась потомъ она и къ появленію двухъ трудовъ по русской исторіи, написанныхъ французами (Левекомъ и Леклеркомъ) [1]), служившими прежде въ Россіи, противъ которыхъ, въ перепискѣ съ Гриммомъ, она подбираетъ наиболѣе сильные эпитеты, а затѣмъ сама берется за перо, чтобы написать русскую исторію, ознакомившись предварительно, при участіи московскихъ профессоровъ и другихъ лицъ, съ обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ.

Фридрихъ II полагалъ, что Екатерина II въ своихъ планахъ слѣдовала наставленіямъ Петра В., извлеченнымъ изъ его бумагъ. Имя Петра дѣйствительно вліяло на нее обаятельно. Его портретъ находился на ея письменномъ столѣ и вдохновлялъ ее въ дѣлахъ правленія. Уже на первыхъ порахъ она озаботилась воздвигнуть памятникъ Петру въ Петербургѣ, достойный его имени, и сама входила въ мельчайшія подробности произведенія Фальконета. Она, можно сказать, ревновала къ славѣ Петра, какъ это выразилось въ спорѣ ея съ гр. С. П. Румянцовымъ о значеніи реформъ послѣдняго. По вопросу о Польшѣ она долго держалась указаній, найденныхъ въ «мастерской» Петра Вел., т. е., «чтобъ сохранить республику и вольность ея, колико возможно, въ цѣлости!» Для этого въ Польшѣ посаженъ ею королемъ старый знакомецъ Станиславъ Понятовскій, «котораго мы дѣлали». Она вполнѣ вѣрила въ способности русскихъ людей и опять ссылалась на примѣръ Петра В., умѣвшаго находить ихъ даже между неграмотными... Она рѣшительно высказалась противъ передѣлокъ его реформъ, которыя по тѣмъ или инымъ соображеніямъ были допущены послѣ его смерти... когда, по ея словамъ, «царствовала невѣжества собственная корысть и борствовалась склонность къ стариннымъ обрядамъ съ невѣдѣніемъ и непонимательствомъ новыхъ, введенныхъ Петромъ первымъ».

II.

Положеніе Екатерины на первыхъ порахъ было весьма трудное. Заявляя, что она избрана на престолъ «для обороны православнаго закона», она должна была считаться и «съ волненіемъ умовъ

[1]) Первый преподавалъ въ кадет. корпусѣ, потомъ членъ франц. института (Hist. de Russie, I—V, 1782—83); второй медикъ. Онъ издалъ: Hist. phys., morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne, 6 vv., 1783-94. Противъ него писалъ Болтинъ.

послѣ переворота», получавшимъ иногда опасный характеръ (начиная съ дѣлъ Гурьевыхъ и Мировича до защиты правъ в. к. Павла Петровича, дававшей себя чувствовать во все ея царствованіе), и съ положеніемъ вещей, созданнымъ прежнимъ правительствомъ. «Нерѣдко случается, говоритъ она (по поводу вопроса въ Сенатѣ о допущеніи евреевъ въ Россію): что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе *умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ*»....

Имѣя въ виду эти условія, мы поймемъ ея колебанія и компромиссы вначалѣ. «Меня принудятъ сдѣлать тысячу странностей, пишетъ она Понятовскому; если я уступлю—меня будутъ обожать; если нѣтъ—то не знаю, что случится»,—замѣчаніе, относящееся къ консерватизму той среды, съ которой ей приходилось имѣть дѣло на первыхъ порахъ. Недовольная дѣйствіями нѣкоторыхъ лицъ духовной іерархіи, вышедшихъ изъ южно-русскихъ школъ (Арсеній Мацѣевичъ, Павелъ Конюскевичъ и др.), она склонила свои симпатіи въ пользу другихъ лицъ, которыя готовы были слѣдовать политикѣ новаго правительства, всегда ли искренно (какъ Димитрій Сѣченовъ)—это другой вопросъ... Впослѣдствіи Екатерина писала Гримму (1778): «Прочтя страницу, я сейчасъ скажу, что авторъ ея съ добрымъ или съ дурнымъ сердцемъ. Всякій ищущій епископства получаетъ его не по своему краснорѣчію или знанію, но потому, насколько въ проповѣди, которую онъ произноситъ въ моемъ присутствіи, проглядываетъ сердечной доброты. Чтобы онъ ни говорилъ, но выдастъ себя, потому что это, безъ его воли и вѣдома, скажется всюду. Оттого у насъ много епископовъ, какихъ трудно сыскать во всѣхъ странахъ». Въ другой разъ она пишетъ, что «страхъ какъ боится людей съ двумя физіогноміями» [1]).

Еще въ 1762 г. Екатерина повторила распоряженіе Петра III о вызовѣ раскольниковъ изъ заграницы... Въ 1767 г., будучи въ Н. Новгородѣ, она хлопочетъ передъ м. Димитріемъ Сѣченовымъ о прекращеніи насилій надъ тамошними раскольниками со стороны духовенства. Вообще, и отношеніе правительства, и самая полемика противъ раскола (м. Платонъ, архіеп. Никифоръ Ѳеотоки) утрачиваютъ теперь свой прежній острый характеръ.... Правительство въ XVIII стол.

---

[1]) «Я никогда ни на кого не дуюсь», пишетъ она Жоффренъ «Она легко прощала и никого ненавидѣла», замѣчаетъ о себѣ Екатерина въ другомъ мѣстѣ.

смотрѣло на расколъ преимущественно какъ на суевѣріе; но Екатерина, будучи занята въ 80-годахъ вопросомъ о школахъ, по этому поводу выразилась такъ: «въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно».... Опровергая въ 1769 г. мнѣнія «Кельнской газеты», высказанныя по поводу вызванныхъ ею иностранныхъ колонистовъ, она пишетъ Вольтеру, что «колонія въ Саратовѣ достигаетъ уже 27 т. душъ, что ей нечего опасаться вторженія татаръ и турокъ, что каждый округъ имѣетъ *церковь своего вѣроисповѣданія* и что тамъ въ продолженіе 30 лѣтъ не будутъ платить никакихъ податей»... Еще въ 1764 г. Екатерина закрыла контору новокрещенскихъ дѣлъ и обращеніе въ христіанство дозволила вести исключительно путемъ проповѣди... Она приняла во вниманіе жалобы казанскихъ татаръ и разрѣшила построить для нихъ 2 мечети, а также мечети для киргизовъ на границѣ. Она озаботилась точнымъ изданіемъ «Алкорана» [1]), который посылала потомъ своимъ заграничнымъ друзьямъ (Гримму, Циммерману) и очаковскому пашѣ. Въ своемъ «Наказѣ» Екатерина говоритъ: «Гоненіе умы человѣческіе раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестокія сердца», и въ 1773 г. она издаетъ указъ, въ которомъ выразилась: «Какъ всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и ея величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали» (со ссылкою на 494, 495 и 496 ст. Наказа).

Мнѣніе Екатерины (1765 г.) по дѣлу Волынскаго, съ «наставленіемъ» ея своимъ потомкамъ о причинахъ недовольства подданныхъ—хорошо извѣстно. Но уже здѣсь она категорически высказалась противъ пытки, которая фактически была отмѣнена ею, и она держалась этого принципа даже въ политическихъ дѣлахъ, начиная отъ дѣла Мировича до позднѣйшихъ процессовъ [2]).

Представители философской мысли XVIII вѣка вѣрили въ возможность преобразованія общества двоякимъ путемъ: посредствомъ

[1]) По этому поводу Екатерина замѣтила: «Сдѣлано сіе не для введенія магометанства, но для приманки на уду».

[2]) Пытка отмѣнена въ Пруссіи въ 1740 и 1754 г., въ Даніи—1770, въ Австріи—1784—87, во Франціи—1789, въ Баваріи въ 1806 г. и т. д.; но бывали и значительныя отступленія.

воспитанія, школы, и законодательства, учрежденій, которыя не должны противорѣчить другъ другу. Гельвецій считаетъ законодательство причиною общественныхъ пороковъ и ему же приписываетъ силу поднять нравственный уровень народа... Монтескье (Духъ законовъ) и Кондорсе (Письма) стоятъ на той же точки зрѣнія. По мнѣнію Кенэ, главы физіократовъ, единственное средство противъ злоупотребленій коренится въ общественномъ воспитаніи: они невозможны, если нація просвѣщена. Государство обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстную форму, не только преобразовывать, но и вполнѣ измѣнять ее.... И Екатерина II на первыхъ порахъ задается двумя цѣлями: 1) преобразованіемъ воспитанія и 2) улучшеніемъ законодательства, сообразно съ современными воззрѣніями на нихъ. «Корень всему злу и добру—воспитаніе», говоритъ въ своемъ знаменитомъ «Докладѣ» (1764) Бецкій,—этотъ другъ энциклопедистовъ, поставленный Екатериной во главѣ воспитательной части въ Россіи († 1795 г.). Отсюда непосредственно вытекаетъ мысль—посредствомъ воспитанія произвести «новою породу, или новыхъ отцовъ и матерей». Точно также Екатерина II въ своемъ «Наказѣ» говоритъ: «Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія»,—и посвящаетъ въ немъ особую главу воспитанію, начинающуюся слѣдующимъ общимъ положеніемъ: «правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами». Мысль эта повторяется и въ другихъ актахъ Екатерины II, имѣющихъ отношеніе къ воспитанію, и въ ея педагогическихъ сочиненіяхъ. Стоя же во главѣ воспитательныхъ учрежденій, Сухопутнаго кадетскаго корпуса, Академіи художествъ и Смольнаго института (монастыря), Бецкій оказалъ несомнѣнное вліяніе на общественное воспитаніе въ Россіи. Въ основаніе его докладовъ положены тѣ же начала, на которыя мы указали выше. «Образованіе со времени Петра В., говоритъ онъ: имѣетъ цѣлью усвоить цивилизацію на столько, на сколько она пригодна была для матеріальныхъ потребностей государства. Это было собственно *ученіе*, пріобрѣтеніе знаній для успѣшнаго отправленія той или другой службы. То было внѣшнее усвоеніе европейскихъ формъ, прикрывающихъ старое невѣжество. Опытъ показалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ *добраго, прямаго гражданина*; напротивъ, онъ становится вреденъ для того, у кого еще съ юныхъ

лѣтъ не вкоренена въ сердце *добродѣтель*.... При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ»... Начала эти повторяются во всѣхъ учебныхъ уставахъ Бецкаго. Но цѣль эта не можетъ быть достигнута пока дѣти останутся при старой породѣ, т. е. въ родительскихъ домахъ (припомнимъ замѣчаніе Екатерины о домашнемъ воспитаніи, представляющемъ грязный ручей).... По «Наказу» эта система воспитанія должна была произвести людей *средняго рода*. Поэтому при кадетскомъ корпусѣ, при академіи художествъ, были учреждены воспитательныя мѣщанскія училища, воспитанники которыхъ, отличавшіеся въ благонравіи и успѣхахъ, получали потомственную свободу.... Новыя воспитательныя учрежденія должны были внести въ общество новыя воззрѣнія и имѣть непосредственное вліяніе на него. Но они были недостаточны, а потому Бецкій хотѣлъ вліять на мнѣнія общества посредствомъ литературы. Съ этою цѣлью въ 1766 г. онъ составилъ извлеченіе изъ лучшихъ авторовъ о воспитаніи дѣтей, которое разослано было при особомъ указѣ Сената во всѣ присутственныя мѣста *для всеобщаго свѣдѣнія*.... [1])

«Доклады» Бецкаго были наполнены мыслями Локка, Монтэня, Руссо и др. писателей этого направленія. Въ правилахъ физическаго воспитанія онъ слѣдовалъ сочин. доктора Саншеса [2]).... При учрежденіи Московскаго воспитательнаго дома (1763), а затѣмъ Петербургскаго (1770), съ которыми полагалось прочное основаніе правильному призрѣнію незаконнорожденныхъ, были приняты во вниманіе уставы подобныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Голландіи, Франціи и Италіи, которыя посѣтилъ Бецкій... Предполагая, что питомцы ихъ со временемъ «составятъ третій чинъ въ государствѣ», Бецкій хотѣлъ дать имъ приличное воспитаніе и знаніе ремеслъ, чтобы они своими познаніями могли содѣйствовать развитію коммерціи и фабричнаго дѣла. Воспитанники распредѣлялись по наукамъ, искусствамъ, реме-

---

[1]) Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми естественными примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества (Спб. 1766). Оно имѣло три изданія.

[2]) Traité de l'éducation de la jeunesse 1760, написанный на тему, заданную женевскимъ человѣколюбивымъ обществомъ. Ему принадлежатъ также соч. о русскихъ баняхъ и др. Ант. Рибейро Санше, придворный докторъ, почетн. членъ Пет. Ак. наукъ лишенный этого званія при Елисаветѣ Петровнѣ, по подозрѣнію въ іудействѣ. Въ 1762 г. ему возвращено было званіе и назначена пенсія.

сламъ и простымъ работамъ. Такимъ образомъ лучшимъ изъ нихъ открытъ былъ доступъ въ университетъ и академію художествъ. Приняты были мѣры, чтобы онѣ не могли вновь стать крѣпостными. Дидро считался попечителемъ Моск. воспит. дома; Іосифъ II и Говардъ отозвались о немъ съ похвалою. Но воспитательные дома не могли удовлетворить всѣмъ нуждамъ. Въ связи съ этимъ стоитъ рядъ мѣръ, направленныхъ на улучшеніе акушерскаго дѣла, устройство родильныхъ госпиталей и т. п., въ которыхъ находятъ себѣ примѣненіе идеи современныхъ популяціонистовъ.

Воспитаніе собственно матерей семействъ, въ цѣляхъ той же общественной реформы, должно было создать другое спеціальное учрежденіе, устроенное по образцу Сенъ-Сира, на основаніи полнаго интерната. Но «воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ» (Смольный институтъ, на 200 воспитанницъ, съ капиталомъ 2,500,000 р.), относительно программы обученія, было поставлено гораздо шире («plus que St. Syr», по выраженію Вольтера); въ его уставѣ предписывается имѣть библіотеку, а въ воспитанницахъ «возбуждать охоту къ чтенію книгъ». Онѣ принимали участіе въ устройствѣ спектаклей (пьесы Вольтера, Сумарокова и др.). Рядомъ съ этимъ учрежденіемъ открыто было *мѣщанское отдѣленіе* (на 240 воспит.) съ элементарнымъ курсомъ преподованія. Екатерина любила посѣщать училище, вступала съ воспитанницами въ переписку и поддерживала сношенія по выходѣ ихъ отсюда. Съ преобразованіемъ въ 1764 г. Академіи художествъ, при ней было учреждено воспитательное училище для мѣщанъ. Въ 1766 г. преобразованъ Сухопутный кадетскій корпусъ, при которомъ является также мѣщанское отдѣленіе... Въ уставахъ Сухоп. корпуса и Акад. художества опять рекомендуется имѣть благоразумно собранную библіотеку, какъ для воспитанниковъ, такъ и для учителей, безъ которой невозможно знаніе ни художествъ, ни военнаго дѣла....

Вслѣдъ за Монтэнемъ и Локкомъ, Екатерина (инструкція для воспитанія внуковъ) и Бецкій большое значеніе приписываютъ физическому воспитанію [1]) и устраняютъ изъ своей системы тѣлесныя на-

---

[1]) Идеалъ Локка – благовоспитанный и благонравный человѣкъ; умная голова, говоритъ онъ (въ письмахъ), пускай набирается учености сама; Ньютонъ собственнымъ изученіемъ сдѣлался величайшимъ изъ математиковъ. Юношѣ онъ рекомендуетъ изучать природу и людей. Его книга: «О воспитаніи дѣтей» переведена на рус. языкъ въ 1760 г; «Опыты» Монтаня – въ 1762 г.

казанія—правило, общее всѣмъ учрежденіямъ того времени [1]). И Екатерина была послѣдовательна въ этомъ отношеніи: «хотя мы съ начала нашего царствованія, говоритъ она въ указѣ придворной и конюшенной конторамъ (1771): уже запретили, чтобы никто при дворѣ нашемъ изъ ливрейныхъ нашихъ служителей, *какого бы званія ни былъ, никѣмъ и ничѣмъ битъ не былъ*», но, въ виду нарушеній подобнаго рода, она снова напоминаетъ о запрещеніи наносить побои. Она издаетъ указъ противъ побоевъ и насилій, чинимыхъ въ дворахъ, когда, по замѣчанію Шлоссера, палка признавалась еще на континентѣ необходимымъ исправительнымъ средствомъ; а примѣръ свыше, въ силу подражанія, все таки долженъ былъ дѣйствовать. «Какіе недотыки нынѣ люди стали, говорилъ одинъ генералъ въ домѣ гетм. Разумовскаго: *нельзя выбранить*, а бывало-де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь»...

Другимъ важнымъ актомъ въ дѣятельности правительства было основаніе въ Петербургѣ (въ полов. 1765 г.) *Вольнаго экономическаго общества* подъ покровительствомъ императрицы. Оно имѣло непосредственное отношеніе къ интересамъ земледѣлія, на которомъ основывалось богатство страны. Подобныя общества существовали уже въ Шотландіи, Ирландіи, Англіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, но Россія предупредила Австрію и Пруссію. Въ немъ приняли участіе нѣкоторые придворные, лица высшей администраціи, члены академіи наукъ и медицинской коллегіи, профессора и писатели. Общество предприняло изданіе своихъ «Трудовъ», продолжающихъ выходить до сихъ поръ, разсылало вопросы по сельскому хозяйству въ провинціи, назначало преміи, сообщало свѣдѣнія (Робине) о Россіи для помѣщенія въ Энциклопедическомъ лексиконѣ. Но весьма важнымъ фактомъ въ жизни Общества было предложеніе задачи, поставленной самой Екатериной, объ общинномъ и участковомъ владѣніи землею на правѣ полной собственности (съ присылкою значительной суммы на премію и нужды Общества) и объявленной въ такомъ видѣ: «что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко права его на то или другое имѣніе простираться должны»? На эту тему послѣдовало 162

---

[1]) Требованія новой системы вносятся даже въ духовныя учебныя заведенія. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи инструкція моск. митр. Платона, и въ такомъ же духѣ дѣйствовали еще нѣкоторые архіереи (Ксенофонтъ, еп. владим., Симонъ Лаговъ, еп. рязан., Дамаскинъ Рудневъ, еп. нижегор., и др.). Такъ, во всѣхъ классахъ Владим. семинаріи были сдѣланы надписи: «poena corporalis prohibetur».

сочиненія изъ разныхъ концовъ Европы, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ и 7 на русскомъ языкѣ. Предпочтеніе изъ нихъ было отдано соч. Беарде де л'Абея, члену Дижонской академіи, которое и было напечатано вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ «Трудахъ» Общества (1768). Въ числѣ представленныхъ сочиненій былъ и трудъ русскаго юриста А. Я. Полѣнова. Оба автора стоятъ за освобожденіе крестьянъ съ правомъ собственности, но высказываютъ мнѣніе о необходимости предварительнаго просвѣщенія народа. Въ 1768 г. Общество назначило золотую медаль за книгу для народа, въ которой предложено было изложить, какъ воспитывать дѣтей въ интересахъ сохраненія здравія и наставленіе къ земледѣлію и скотоводству [1]). Съ 1780 г. В. экон. общество издавало отдѣльныя описанія губерній Россіи, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ по распоряженію Екатерины.

Извѣстно, какія опустошенія причиняла въ свое время оспа.— Еще не такъ давно умеръ отъ нея импер. Петръ II, и Екатерина разсказываетъ, какой ужасъ овладѣлъ ею въ послѣднюю эпидемію (1767). Поэтому она сама принялась за изученіе прививки оспы, результатомъ чего было приглашеніе изъ Англіи доктора Димсдаля, который сдѣлалъ нѣсколько опытовъ въ кадетскомъ корпусѣ и частныхъ домахъ, а затѣмъ привили оспу — императрица, вел. князь Павелъ Петровичъ и многіе жители столицы. Были принесены торжественныя поздравленія, выбита медаль, а Екатерина поспѣшила сообщить своимъ друзьямъ за границу, «что гора родила мышь: стоило ли кричать противъ этого и мѣшать людямъ спасать жизнь такими пустяками»! Открыты были оспенные комитеты и дома въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, даже въ Сибири. Смерть отъ оспы испанскаго инфанта (1771 г.), а затѣмъ Людовика XV (1774) подала поводъ снова Екатеринѣ, въ письмахъ къ Вольтеру и Гримму, высказать, «какъ стыдно въ XVIII стол. умирать отъ оспы: это просто варварство»! Распространеніе свѣдѣній объ оспопрививаніи и, стоящемъ въ связи съ нѣмецкою колонизаціею въ Россіи разведеніи картофеля (извѣстнаго въ Петербургѣ еще съ первой половины XVIII стол.), какъ необходимаго средства къ поддержанію населенія во время дороговизны хлѣба, возложены были на экономическое общество и медицинскую коллегію, преобразованную

[1]) Уже въ 1798—99 гг. было издано Обществомъ сочин. «Деревенское Зерцало или общенародная книга», въ 3-хъ частяхъ.

при Екатеринѣ (1763) изъ медицинской канцеляріи и получившую характеръ факультета. Въ кругъ обязанностей коллегіи входили, между прочимъ, забота объ улучшеніи медицинской части и пополненіе этой послѣдней русскими врачами.

Но уже съ первыхъ дней своего царствованія Екатерина рѣшилась дать странѣ новые законы, что вызывалось у нея какъ примѣромъ предшествовавшихъ законодательныхъ коммиссій и личнымъ знакомствомъ съ дѣлами, такъ и изученіемъ лучшихъ произведеній въ области современной литературы, каковы соч. Монтескье и Беккаріи; а рѣшить эту задачу она думала съ помощью депутатовъ, созванныхъ со всей имперіи, «чтобы лучше спознать каждой округи состояніе» (маниф. 14 дек. 1766 г). Плодомъ ея личныхъ занятій этимъ дѣломъ былъ извѣстный «Наказъ», подвергшійся въ своихъ идеяхъ двойной передѣлкѣ—со стороны приближенныхъ лицъ и членовъ коммиссіи Уложенія, и въ такомъ видѣ напечатанный; Екатерина не скрываетъ, что «она обобрала на пользу своей Имперіи президента Монтескье, не называя его. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ», прибавляетъ она [1]). Дѣйствительно, изъ 526 статей печатнаго Наказа приходится около 250 на «Духъ Законовъ» Монтескье и ок. 100 на соч. Беккаріи. [2]) Теоретическія воззрѣнія на власть (монархическую), законы и условія ихъ примѣненія преимущественно заимствованы изъ перваго источника, а статьи о преступленіяхъ и наказаніяхъ—изъ послѣдняго. [3]) Общій взглядъ Екатерины на характеръ и систему наказаній можетъ быть выраженъ ея словами: «По мѣрѣ какъ умы въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается и чувствительность каждаго особо гражданина, а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надо, чтобы строгость наказаній умалялась.

---

[1]) Письмо къ д'Аламберу. Въ другомъ мѣстѣ (письма къ Жоффренъ) она выражается: «Духъ Законовъ долженъ быть молитвенникомъ монарховъ со здравымъ смысломъ.... Я имѣю большую вѣру въ его (Монтескье) святость и, будь я папою, признала бы его святымъ, даже не выслушавъ рѣчей адвоката сатаны».

[2]) Въ 1769 г. писатель Ѳ. Г. Каринъ, на основаніи идей Беккарія, издалъ «Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ», посв. маршалу коммисіи А. И. Бибикову; а кн. Щербатовъ, возражая Беккаріи по вопросу о смертной казни, указываетъ на мучительность другихъ наказаній (кнута).

[3]) Несмотря однако на двойную цензуру, Наказъ Екатерины вызвалъ восторженные похвалы со стороны друзей ея и запрещеніе во Франціи. Берлинская Академія наукъ избрала ее своимъ почетнымъ членомъ. «Чудное время переживаетъ Россія»! писалъ изъ Франціи кн. Д. А. Голицынъ.

Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого болѣе не боялись» [1]). Понятно, что наибольшимъ нападкамъ (между проч. Сумарокова) и измѣненіямъ Наказъ подвергся въ тѣхъ статьяхъ, которыя касаются свободы крестьянъ и отмѣны пытки.

Собраніе коммиссіи назначено было въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ, и состояло изъ депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій, уѣздовъ, городовъ и другихъ состояній, по выбору, не моложе 25 лѣтъ, которымъ избиратели должны были дать свои наказы. Въ 20 тогдашнихъ губерніяхъ было избрано 564 представителя. Всѣхъ засѣданій коммиссіи было 203, съ 31 іюля 1767 г., причемъ она засѣдала въ Москвѣ до 14 декабря 1767 г., а съ 18 февр. 1768 по 12 янв. 1769—въ Петербургѣ.. [2]) Екатерина придавала большое значеніе этому предпріятію. Въ рѣчахъ, обращенныхъ къ собранію, говорилось объ утвержденіи «истиннаго законодательства въ Россіи», а депутатамъ предлагалось «показать потомкамъ, сколь велико радѣніе ихъ объ общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія».

Коммиссія располагала значительнымъ собраніемъ матеріаловъ русскаго и иностранныхъ законодательствъ, начиная съ великой хартіи короля Іоанна, въ переводѣ на русскій языкъ; въ коммиссіи излагались мнѣнія извѣстныхъ писателей и публицистовъ; а маршалу ея Бибикову Екатерина препроводила журналы англ. парламента для руководства при составленіи предназначавшихся въ печать извлеченій изъ дневныхъ записокъ.

Если Екатерина хотѣла знать о желаніяхъ жителей различныхъ частей своей Имперіи, особенности которой сама узнала во время путешествія по Волгѣ, совпавшаго съ открытіемъ коммиссіи («это Имперія совсѣмъ особенная»), [3]) то она могла узнать эти желанія на столько, на

---

[1]) «Наказъ» Екатерины, по выраженію одного изъ нашихъ криминалистовъ, заключаетъ въ себѣ всѣ важнѣйшіе предметы уголовнаго права и судопроизводства Онъ былъ переведенъ на иностранные языки и неоднократно издавался.

[2]) Кромѣ большаго общаго) собранія, коммиссія дѣлилась на 19 частныхъ ком. по роду дѣлъ. Въ числѣ депутатовъ состояло: отъ правит. учр. 28, дворянъ 161, отъ городовъ 208 (преим. купцовъ), казаковъ - 54, крестьянъ - 79, инород. 34. Въ составѣ правит. учр. - 1 отъ синода. Для веденія выборовъ въ уѣздахъ избраны были предводители дворянства, а въ городахъ - головы.

[3]) Въ письмахъ къ Панину и Вольтеру она говоритъ о трудности законодательства: «какое различіе въ климатѣ, людяхъ, обычаяхъ и самыхъ понятіяхъ.... Это почти все равно, что создать цѣлый міръ, соединить части» и т. д.

сколько собранные сю депутаты представляли собою истинныхъ выразителей всѣхъ отдѣльныхъ частей страны. Однако, до сихъ поръ, какъ и долго спустя, эти классы, не представляли сколько нибудь общихъ интересовъ, и по самому строю не только Россіи, но и остальной Европы такого представительства въ данный моментъ и не могло быть. Поэтому понятно, что какъ въ заявленіяхъ депутатовъ, такъ и въ наказахъ, врученныхъ имъ, преобладали желанія и нужды сословнаго характера, съ очевиднымъ стремленіемъ получить возможно больше отъ всѣхъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замкнуться въ своихъ частныхъ, иногда весьма мелкихъ, интересахъ, причемъ отъ дворянства, купечества и даже духовенства «послышался, по мѣткому выраженію Соловьева, дружный и страшно печальный крикъ: *«рабовъ»*! Сословный антагонизмъ на столько давалъ себя чувствовать, что даже при обсужденіи такихъ вопросовъ, какъ смертная казнь, пытка, тѣлесныя наказанія, учрежденіе училищъ и банковъ,—преобладали сословныя тенденціи. Не менѣе давалъ себя чувствовать и религіозный антагонизмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ населеніе отличалось смѣшаннымъ характеромъ (инородцы, раскольники). Не будемъ однако строги къ этимъ заявленіямъ: подобнымъ же характеромъ отличаются и наказы духовенства и дворянства во Франціи до революціи и мнѣнія юристовъ и вотчинниковъ въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, коммиссіей, подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія, намѣчены были и нѣкоторые весьма существенные вопросы, каковы: учрежденіе училищъ и школъ для дѣтей обоихъ половъ, періодическихъ съѣздовъ дворянъ по уѣздамъ съ правомъ выбора предводителей и контролемъ надъ мѣстной администраціей; введеніе мировыхъ судей и упрощеннаго словеснаго суда; опредѣленіе крестьянскихъ работъ; замѣна подушной подати другимъ налогомъ; учрежденіе по городамъ банковъ; сохраненіе лѣсовъ и т. п.

«Среднее сословіе будетъ существовать, еслибы даже пришлось ему носить ваше имя, такъ какъ вы убѣждены по опыту, что это сословіе самое счастливое... Нужно будетъ создать его»..., писала Екатерина Жоффренъ во время составленія Наказа. Но эта мысль разбилась въ коммиссіи о тотъ же сословный антагонизмъ... Какъ во время выбора депутатовъ, такъ и въ самой коммиссіи снова обнаружились вполнѣ ясно мѣстныя тенденціи въ провинціяхъ, состоявшихъ на особомъ положеніи: въ Остзейскомъ краѣ, Смоленской губ. и Ма-

лороссіи. Но Екатерина, по поводу одного изъ такихъ заявленій, рѣзко замѣтила: «Они подданные Россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, а всероссійская». Она возражала противъ достоинства «римскаго права», смертной казни, пытокъ и ябеды, свойственныхъ остзейскимъ правамъ, въ защиту русскаго законодательства и противъ стремленія «быть нашими законодавцами». «Наши правила само человѣколюбіе писало, говоритъ она. Просвѣщенному вѣку судить о подобныхъ неистовствахъ»... Впрочемъ, въ этой точкѣ зрѣнія Екатерины II была и другая сторона, свойственная вообще правителямъ и публицистамъ XVIII стол. Совершенно также дѣйствовалъ Іосифъ II въ Венгріи, Бельгіи и Богеміи. «Я императоръ Нѣмецкой имперіи, говорилъ онъ въ 1785 г.: остальныя государства, которыми я владѣю, суть провинціи, составляющія вмѣстѣ со всѣмъ государствомъ тѣло, котораго я глава»... Законодатели того времени, увлекаемые идеей общаго блага, не хотѣли признавать частностей и особенностей.

Мнѣнія иностранныхъ дипломатовъ и писателей были большею частью неблагопріятны коммиссіи; мнѣнія русскихъ поражаютъ своими крайностями. Въ значительной степени эти заключенія основываются на слишкомъ широкихъ требованіяхъ отъ работъ и дѣятельности коммиссіи. Екатерина сама скромнѣе судила о значеніи и характерѣ этой послѣдней. «Она, пишетъ Екатерина, *подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи*, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась... *Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія* не въ примѣръ болѣе прежняго... Стали о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ». Въ другомъ мѣстѣ Екатерина замѣчаетъ: «Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства».

Обширный матеріалъ, собранный коммиссіей и до сихъ поръ еще не изданный вполнѣ, а также рядъ проектовъ, принятыхъ во вниманіе при дальнѣйшей законодательной работѣ, служатъ лучшимъ памятникомъ дѣятельности коммиссіи. Но она имѣла и свои ближайшіе результаты. При закрытіи общей коммиссіи Бибиковъ предлагалъ ея членамъ дѣйствовать въ духѣ «Наказа» и распространять въ обществѣ его человѣколюбивыя начала, и еще во время ея засѣданій (по настоянію Сиверса), Екатерина распорядилась разослать тайную инструкцію губернаторамъ, въ которой предписывалось, чтобы впредь въ уголовныхъ дѣлахъ, тре-

бующихъ пытки, сообразовались съ X гл. Наказа, направленной противъ послѣдней, и хотя это распоряженіе породило неудовольствіе среди нѣкоторыхъ сенаторовъ и придворныхъ, но, ставъ извѣстнымъ, вызвало общую радость.[1]) Затѣмъ неоднократно дѣлались подобныя подтвержденія, требованіе это было распространено на военное и морское вѣдомство, а Сенатъ, въ случаѣ примѣненія пытки, ставилъ это на видъ мѣстнымъ начальствамъ, смягчалъ или вовсе отмѣнялъ наказанія виновнымъ. Даже во время Пугачевщины, опасаясь, «что Европа причтетъ насъ ко времени ц. Ивана Васильевича», Екатерина настаивала, «чтобы суровая казнь нигдѣ мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были»... Въ учрежденіи о губерніяхъ она не дозволяетъ употребленіе орудій, закономъ запрещенныхъ. «Само человѣчество вопіетъ противъ оныя», писала Екатерина о пыткѣ и воспрещала вымогать показанія даже тѣлесными наказаніями.

Другой не менѣе важный принципъ, высказанный Екатериною въ Наказѣ, согласно съ Беккаріей, слѣдующій: «Человѣка не можно почитать виновнымъ *прежде* приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишать защиты своей, *прежде* нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные». И она неоднократно поддерживала это требованіе въ случаяхъ отступленія отъ указаннаго принципа, а князь М. М. Щербатовъ, далеко не благосклонный къ Екатеринѣ, говоритъ: «Мы не страшимся уже суровости пытки, ни чтобы скованнымъ быть привезеннымъ и безъ защищенія ввергнутымъ въ мрачныя темницы тайныя канцеляріи» [2]).

Несомнѣнно, что труды коммиссіи Уложенія, какъ видно изъ признанія самой Екатерины и хода послѣдующихъ реформъ ея царствованія, оказали непосредственное вліяніе на ея законодательную дѣятельность. Результатомъ ея были слѣдующіе акты: учрежденіе для управленія губерній 1775 г.; уставъ благочинія 1782 г.; планъ народныхъ училищъ (1782 г.) съ послѣдующимъ устройствомъ ихъ (уставъ 1786 г.); городовое положеніе 1785 г. и дворянская жалованная грамота того же года.

---

[1]) Самый «Наказъ» разосланъ былъ только въ высшія и центральныя учрежденія, причемъ опредѣлялся и кругъ служащихъ лицъ, имѣвшихъ право его читать.

[2]) Несмотря на вторичную отмѣну Екатериною (19 окт. 1762), эта послѣдняя продолжала существовать, хотя, конечно, не съ прежнимъ характеромъ.

Первая Турецкая война (1769—74), сопровождавшаяся раздѣломъ Польши и московскою чумою, и Пугачевскій бунтъ (1773—75) должны были отвлечь на нѣкоторое время вниманіе правительства отъ внутреннихъ дѣлъ; но вслѣдъ затѣмъ эти послѣднія опять получаютъ преимущественное значеніе... Екатерина писала Гримму, что она «одержима теперь *законобѣсіемъ*». «Сломавъ рога Пугачева, мысли множествомъ вдругъ приходятъ», говоритъ она, и обѣщаетъ заняться школами, какъ только утихнетъ пугачевщина... Передъ Вольтеромъ Екатерина хвалилась, что ея «учрежденіе о губерніяхъ ни въ чемъ не уступаетъ «Наказу» и хотя во всей этой массѣ не проглядываетъ ни умъ, ни геній, но зато заключается много пользы. За этимъ учрежденіемъ будутъ слѣдовать другія: о финансахъ, торговлѣ, полиціи и пр., а затѣмъ и изданіе Уложенія будетъ уже дѣломъ легкимъ и скорымъ». Она мечтала о соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ и хвалилась, что личная безопасность ограждена ею посредствомъ введенія въ производство дѣлъ «трехъ инстанцій»...

Въ необходимыхъ случаяхъ Екатерина, по обыкновенію, прибѣгаетъ къ «Энциклопедіи», въ которой она надѣялась найти все нужное и ненужное ей, къ произведеніямъ современной политической литературы и т. п. Но съ 1774 г. Блэкстонъ совершенно заполонилъ ее и притомъ остался уже главнымъ ея руководителемъ до конца царствованія по всѣмъ законодательнымъ и юридическимъ вопросамъ (напр., о дуэляхъ [1]), о контрактахъ и т. п.). «Блакстонъ, пишетъ она, не присылалъ мнѣ своихъ записокъ, а между тѣмъ онъ одинъ уже два года имѣетъ честь быть читаемъ ея величествомъ, и *его записки* со мною неразлучны. Это неистощимый доставитель *предметовъ* и *мыслей* Я *ничего* не дѣлаю изъ того, что имѣется въ его книгѣ; но это мои *нитки*, которыя я разматываю по своему»... Ясность и изящество изложенія сдѣлали Блэкстона центральною личностью въ той области, которая называется англійскимъ государственнымъ правомъ... Спокойно взвѣшиваетъ онъ все pro и contra, сопоставляетъ факты и мотивы, разсматриваетъ прецеденты глубокой старины, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, а затѣмъ съ привычнымъ безпристра-

[1]) Манифестъ о дуэляхъ, направленный противъ нихъ и выясняющій начала и понятія о чести, изданъ былъ 21 апр. 1787 г. въ Кіевѣ, причемъ Екатерина опять ссылается на свой Наказъ (ст. 482).

бующихъ пытки, сообразовались съ X гл. Наказа, направленной противъ послѣдней, и хотя это распоряженіе породило неудовольствіе среди нѣкоторыхъ сенаторовъ и придворныхъ, но, ставъ извѣстнымъ, вызвало общую радость.[1]) Затѣмъ неоднократно дѣлались подобныя подтвержденія, требованіе это было распространено на военное и морское вѣдомство, а Сенатъ, въ случаѣ примѣненія пытки, ставилъ это на видъ мѣстнымъ начальствамъ, смягчалъ или вовсе отмѣнялъ наказанія виновнымъ. Даже во время Пугачевщины, опасаясь, «что Европа причтетъ насъ ко времени ц. Ивана Васильевича», Екатерина настаивала, «чтобы суровая казнь нигдѣ мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были»... Въ учрежденіи о губерніяхъ она не дозволяетъ употребленіе орудій, закономъ запрещенныхъ. «Само человѣчество вопіетъ противъ оныя», писала Екатерина о пыткѣ и воспрещала вымогать показанія даже тѣлесными наказаніями.

Другой не менѣе важный принципъ, высказанный Екатериною въ Наказѣ, согласно съ Беккаріей, слѣдующій: «Человѣка не можно почитать виновнымъ *прежде* приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишать защиты своей, *прежде* нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные». И она неоднократно поддерживала это требованіе въ случаяхъ отступленія отъ указаннаго принципа, а князь М. М. Щербатовъ, далеко не благосклонный къ Екатеринѣ, говоритъ: «Мы не страшимся уже суровости пытки, ни чтобы скованнымъ быть привезеннымъ и безъ защищенія ввергнутымъ въ мрачныя темницы тайныя канцеляріи»[2]).

Несомнѣнно, что труды коммиссіи Уложенія, какъ видно изъ признанія самой Екатерины и хода послѣдующихъ реформъ ея царствованія, оказали непосредственное вліяніе на ея законодательную дѣятельность. Результатомъ ея были слѣдующіе акты: учрежденіе для управленія губерній 1775 г.; уставъ благочинія 1782 г.; планъ народныхъ училищъ (1782 г.) съ послѣдующимъ устройствомъ ихъ (уставъ 1786 г.); городовое положеніе 1785 г. и дворянская жалованная грамота того же года.

---

[1]) Самый «Наказъ» разосланъ былъ только въ высшія и центральныя учрежденія, причемъ опредѣлялся и кругъ служащихъ лицъ, имѣвшихъ право его читать.

[2]) Несмотря на вторичную отмѣну Екатериною (19 окт. 1762), эта послѣдняя продолжала существовать, хотя, конечно, не съ прежнимъ характеромъ.

Первая Турецкая война (1769—74), сопровождавшаяся раздѣломъ Польши и московскою чумою, и Пугачевскій бунтъ (1773—75) должны были отвлечь на нѣкоторое время вниманіе правительства отъ внутреннихъ дѣлъ; но вслѣдъ затѣмъ эти послѣднія опять получаютъ преимущественное значеніе... Екатерина писала Гримму, что она «одержима теперь *законобѣсіемъ*». «Сломавъ рога Пугачева, мысли множествомъ вдругъ приходятъ», говоритъ она, и обѣщаетъ заняться школами, какъ только утихнетъ пугачевщина... Передъ Вольтеромъ Екатерина хвалилась, что ея «учрежденіе о губерніяхъ ни въ чемъ не уступаетъ «Наказу» и хотя во всей этой массѣ не проглядываетъ ни умъ, ни геній, но зато заключается много пользы. За этимъ учрежденіемъ будутъ слѣдовать другія: о финансахъ, торговлѣ, полиціи и пр., а затѣмъ и изданіе Уложенія будетъ уже дѣломъ легкимъ и скорымъ». Она мечтала о соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ и хвалилась, что личная безопасность ограждена ею посредствомъ введенія въ производство дѣлъ «трехъ инстанцій»...

Въ необходимыхъ случаяхъ Екатерина, по обыкновенію, прибѣгаетъ къ «Энциклопедіи», въ которой она надѣялась найти все нужное и ненужное ей, къ произведеніямъ современной политической литературы и т. п. Но съ 1774 г. Блэкстонъ совершенно заполонилъ ее и притомъ остался уже главнымъ ея руководителемъ до конца царствованія по всѣмъ законодательнымъ и юридическимъ вопросамъ (напр., о дуэляхъ [1]), о контрактахъ и т. п.). «Блакстонъ, пишетъ она, не присылалъ мнѣ своихъ записокъ, а между тѣмъ онъ одинъ уже два года имѣетъ честь быть читаемъ ея величествомъ, и *его записки* со мною неразлучны. Это неистощимый доставитель *предметовъ* и *мыслей* Я *ничего* не дѣлаю изъ того, что имѣется въ его книгѣ; но это мои *нитки*, которыя я разматываю по своему»... Ясность и изящество изложенія сдѣлали Блэкстона центральною личностью въ той области, которая называется англійскимъ государственнымъ правомъ... Спокойно взвѣшиваетъ онъ всѣ pro и contra, сопоставляетъ факты и мотивы, разсматриваетъ прецеденты глубокой старины, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, а затѣмъ съ привычнымъ безпристра-

[1]) Манифестъ о дуэляхъ, направленный противъ нихъ и выясняющій начала и понятія о чести, изданъ былъ 21 апр. 1787 г. въ Кіевѣ, причемъ Екатерина опять ссылается на свой Наказъ (ст. 482).

бующихъ пытки, сообразовались съ X гл. Наказа, направленной противъ послѣдней, и хотя это распоряженіе породило неудовольствіе среди нѣкоторыхъ сенаторовъ и придворныхъ, но, ставъ извѣстнымъ, вызвало общую радость.[1]) Затѣмъ неоднократно дѣлались подобныя подтвержденія, требованіе это было распространено на военное и морское вѣдомство, а Сенатъ, въ случаѣ примѣненія пытки, ставилъ это на видъ мѣстнымъ начальствамъ, смягчалъ или вовсе отмѣнялъ наказанія виновнымъ. Даже во время Пугачевщины, опасаясь, «что Европа причтетъ насъ ко времени ц. Ивана Васильевича», Екатерина настаивала, «чтобы суровая казнь нигдѣ мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были»... Въ учрежденіи о губерніяхъ она не дозволяетъ употребленіе орудій, закономъ запрещенныхъ. «Само человѣчество вопіетъ противъ оныя», писала Екатерина о пыткѣ и воспрещала вымогать показанія даже тѣлесными наказаніями.

Другой не менѣе важный принципъ, высказанный Екатериною въ Наказѣ, согласно съ Беккаріей, слѣдующій: «Человѣка не можно почитать виновнымъ *прежде* приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишать защиты своей, *прежде* нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные». И она неоднократно поддерживала это требованіе въ случаяхъ отступленія отъ указаннаго принципа, а князь М. М. Щербатовъ, далеко не благосклонный къ Екатеринѣ, говоритъ: «Мы не страшимся уже суровости пытки, ни чтобы скованнымъ быть привезеннымъ и безъ защищенія ввергнутымъ въ мрачныя темницы тайныя канцеляріи»[2]).

Несомнѣнно, что труды коммиссіи Уложенія, какъ видно изъ признанія самой Екатерины и хода послѣдующихъ реформъ ея царствованія, оказали непосредственное вліяніе на ея законодательную дѣятельность. Результатомъ ея были слѣдующіе акты: учрежденіе для управленія губерній 1775 г.; уставъ благочинія 1782 г.; планъ народныхъ училищъ (1782 г.) съ послѣдующимъ устройствомъ ихъ (уставъ 1786 г.); городовое положеніе 1785 г. и дворянская жалованная грамота того же года.

---

[1]) Самый «Наказъ» разосланъ былъ только въ высшія и центральныя учрежденія, причемъ опредѣлялся и кругъ служащихъ лицъ, имѣвшихъ право его читать.

[2]) Несмотря на вторичную отмѣну Екатериною (19 окт. 1762), эта послѣдняя продолжала существовать, хотя, конечно, не съ прежнимъ характеромъ.

Первая Турецкая война (1769—74), сопровождавшаяся раздѣломъ Польши и московскою чумою, и Пугачевскій бунтъ (1773—75) должны были отвлечь на нѣкоторое время вниманіе правительства отъ внутреннихъ дѣлъ; но вслѣдъ затѣмъ эти послѣднія опять получаютъ преимущественное значеніе... Екатерина писала Гримму, что она «одержима теперь *законобѣсіемъ*». «Сломавъ рога Пугачева, мысли множествомъ вдругъ приходятъ», говоритъ она, и обѣщаетъ заняться школами, какъ только утихнетъ пугачевщина... Передъ Вольтеромъ Екатерина хвалилась, что ея «учрежденіе о губерніяхъ ни въ чемъ не уступаетъ «Наказу» и хотя во всей этой массѣ не проглядываетъ ни умъ, ни геній, но зато заключается много пользы. За этимъ учрежденіемъ будутъ слѣдовать другія: о финансахъ, торговлѣ, полиціи и пр., а затѣмъ и изданіе Уложенія будетъ уже дѣломъ легкимъ и скорымъ». Она мечтала о соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ и хвалилась, что личная безопасность ограждена ею посредствомъ введенія въ производство дѣлъ «трехъ инстанцій»...

Въ необходимыхъ случаяхъ Екатерина, по обыкновенію, прибѣгаетъ къ «Энциклопедіи», въ которой она надѣялась найти все нужное и ненужное ей, къ произведеніямъ современной политической литературы и т. п. Но съ 1774 г. Блэкстонъ совершенно заполонилъ ее и притомъ остался уже главнымъ ея руководителемъ до конца царствованія по всѣмъ законодательнымъ и юридическимъ вопросамъ (напр., о дуэляхъ [1]), о контрактахъ и т. п.). «Блакстонъ, пишетъ она, не присылалъ мнѣ своихъ записокъ, а между тѣмъ онъ одинъ уже два года имѣетъ честь быть читаемъ ея величествомъ, и *его записки* со мною неразлучны. Это неистощимый доставитель *предметовъ* и *мыслей* Я *ничего* не дѣлаю изъ того, что имѣется въ его книгѣ; но это мои *нитки*, которыя я разматываю по своему»... Ясность и изящество изложенія сдѣлали Блэкстона центральною личностью въ той области, которая называется англійскимъ государственнымъ правомъ... Спокойно взвѣшиваетъ онъ всѣ pro и contra, сопоставляетъ факты и мотивы, разсматриваетъ прецеденты глубокой старины, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, а затѣмъ съ привычнымъ безпристра-

---

[1]) Манифестъ о дуэляхъ, направленный противъ нихъ и выясняющій начала и понятія о чести, изданъ былъ 21 апр. 1787 г. въ Кіевѣ, причемъ Екатерина опять ссылается на свой Наказъ (ст. 482).

стіемъ судьи произноситъ свой приговоръ. Понятно поэтому, что привлекало Екатерину въ его трудѣ. Въ его комментаріяхъ она находила необходимыя историческія справки и объясненія по весьма сложнымъ вопросамъ въ области государственнаго и гражданскаго права. И она постоянно обращалась къ его произведенію. Вотъ что писалъ по этому поводу англійскій посланникъ Гаррисъ (лордъ Мальмсбери): «Въ бесѣдѣ съ императрицей мы коснулись Блэкстона, причемъ она просто озадачила меня своими познаніями; по моему она сама годилась бы въ судьи, такъ хорошо ей извѣстны наши законы и наша конституція» [1]).

Въ настоящее время едва ли можно утверждать, что «Учрежденіе» Екатерины, составляя одну изъ лучшихъ комбинацій человѣческаго ума, вполнѣ принадлежитъ ей и не имѣетъ себѣ образца. Кромѣ указанныхъ выше авторитетовъ, составители его пользовались шведскимъ уложеніемъ 1734 г., трудами извѣстнаго французскаго юриста Потье и др....

Екатерина II удовлетворила желанія, высказанныя въ коммиссіи, о приближеніи административныхъ и судебныхъ органовъ къ населенію. Вновь возникающія губернскія правленія и палаты (1775 г.) представляютъ децентрализованныя коллегіи. Такимъ образомъ центръ тяжести управленія переносится въ губерніи, а коллегіи въ столицѣ, за исключеніемъ трехъ главныхъ, постепенно закрываются. Три главныя функціи государственной дѣятельности: управленіе (и полиція), финансы, судъ были раздѣлены въ губерніи. Двѣ главныя системы—выборъ [2]) и назначеніе короной введены почти въ равной степени. Двѣ низшія степени суда получили сословный характеръ, [3]) причемъ первая—суды первой степени находились въ уѣздѣ. Всѣ члены ихъ были выборные (на 3 года). По «Учрежденію» большая часть администраціи была мѣстнаго происхожденія... Притомъ «учрежденіе о губерніяхъ» распространялось на всю территорію, хотя вводилось постепенно. Въ результатѣ вышло, что губернскія учрежденія Екатерины оказались

---

[1]) Соч. Блэкстона переведено, по ея повелѣнію, проф. С. Е Десницкимъ, учившимся въ Англіи, и даже было рекомендовано ею для чтенія въ кадетскомъ корпусѣ (Истолкованіе англ. законовъ, 3 ч. М., 1780—82; переводъ не оконченъ), вмѣсто соч. Бильфельда. Она написала подробный разборъ означеннаго сочиненія, до сихъ поръ неизданный.

[2]) Непосредственный или кандидатовъ.

[3]) Дворянство, горожане и казенные крестьяне всѣхъ наименованій.

одной изъ наиболѣе удачныхъ и наиболѣе прочныхъ русскихъ реформъ....

Весьма важнымъ, повидимому, актомъ являлось право созванія намѣстникомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, всѣхъ палатъ и представленія о неудобствѣ новаго закона [1]); но примѣненіе этого принципа не получило широкаго значенія.

Новымъ явленіемъ въ организаціи губернской администраціи представляются *приказы общественнаго призрѣнія*, на обязанности которыхъ возложено было завѣдываніе школами, больницами и собственно призрѣніемъ... Конечно, на первыхъ порахъ средства приказовъ были незначительны; но уже въ 1803 г. они имѣли въ обращеніи 5 мил. рублей и содержали изъ своихъ доходовъ нѣсколько сотъ благотворительныхъ заведеній.

Съ этого времени школа и благотворительность становятся дѣломъ общественнымъ, хотя въ самыхъ этихъ учрежденіяхъ, по отзывамъ современниковъ, было не мало наружнаго блеска. Въ связи съ «учрежденіемъ о губерніяхъ» стоитъ развитіе медицинской части въ провинціяхъ и устройство аптекъ, для которыхъ былъ изданъ уставъ въ 1789 г. Екатерина обратила вниманіе на положеніе умалишенныхъ: пока они помѣщались въ нѣкоторыхъ, нарочно назначенныхъ для того, монастыряхъ, но по «учрежденію о губерніяхъ» заботы о нихъ и устройство *особыхъ домовъ* возложены были на приказы общ. призрѣнія. Дѣятельность Пинеля во Франціи по улучшенію быта умалишенныхъ относится уже къ эпохѣ [redacted] революціи: въ 1792 г. онъ снялъ оковы съ душевно-больныхъ парижскаго убѣжища Бисетръ.

Другимъ новымъ явленіемъ не только для губерніи, но и для страны былъ *совѣстный судъ*, совмѣщавшій въ себѣ нѣкоторые элементы мироваго суда и суда присяжныхъ. На организацію его несомнѣнно имѣли вліяніе соч. Беккаріи и черты суда по совѣсти или справедливости, найденныя Екатериною въ англійскомъ судопроизводствѣ, съ нѣкоторыми позаимствованіями изъ Habeas corpus акта (о напрасномъ арестѣ), горячими сторонниками котораго у насъ являются кн. М. М. Щербатовъ и гр. С. Р. Воронцовъ.

---

[1]) Останавливать исполненіе новыхъ узаконеній, когда, по единогласному мнѣнію всѣхъ мѣстныхъ коллегій, они признаны будутъ неудобными, представляя о томъ сенату,—заимствованіе изъ обычая французскихъ парламентовъ.

Съ образованіемъ губерній по «учрежденію» Екатерины II, число ихъ, въ интересахъ «блага народа», было увеличено вдвое. Мысль о среднемъ сословіи не покидала Екатерину до конца, о чемъ свидѣтельствуетъ и ея городовое положеніе, и количество «воздвигнутыхъ» ею городовъ; но попытка ея создать городское всесословное самоуправленіе не увѣнчалась успѣхомъ [1]). Уже послѣ собранія коммиссіи Екатерина сохранила уѣздныхъ предводителей дворянства и съѣзды; въ «учрежденіи о губерніяхъ» оно пріобрѣтаетъ новыя права въ мѣстномъ управленіи; жалованная грамота расширила предѣлы дворянскихъ корпорацій, дозволивъ имъ собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ намѣстничествѣ. Изданіемъ «учрежденія» и «жалованной грамоты» Екатерина не только удовлетворила почти всѣ просьбы дворянства, но дала ему и много такого, о чемъ наказы не просили... [2]).

Екатерина не считала, однако, своей реформы въ области администраціи и суда законченною безъ преобразованія Сената, а его дѣятельность ее не удовлетворяла. И здѣсь опять сказывается эклектическій умъ Екатерины. Она знакомится съ дѣлами Сената за много лѣтъ, сличаетъ ихъ съ общими началами своего Наказа и обращается за справками къ неизмѣнному Блэкстону, изъ котораго дѣлаются для нея обширныя выписки. По дошедшимъ до насъ отрывкамъ и замѣткамъ объ этой реформѣ (1787—1795 гг.) можно судить, что Екатерина думала объ образованіи учредительнаго сената и судебныхъ сенатовъ въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани [3]).

Какъ же можно смотрѣть на учрежденія Екатерины и что внесли они въ жизнь русскаго общества? Что они имѣли сословный характеръ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; но таковы были и воззрѣнія тѣхъ авторитетовъ, которымъ слѣдовала Екатерина въ своей законодательной дѣятельности: Монтескье, Беккаріи (§ VII; ср. 180 ст. Большого Наказа). Съ другой стороны, въ учрежденіи Екатерины и актахъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ (уставъ о благочи-

---

[1]) Въ 1781 г считалось губерній, образованныхъ по новому положенію,—29, обстроенныхъ и новыхъ городовъ (переименованныхъ изъ селъ, но, конечно, это не содѣйствовало ихъ процвѣтанію, и впослѣдствіи многіе изъ нихъ снова обращены были въ прежнее состояніе,—144.

[2]) Въ интимной бесѣдѣ, по поводу послѣдней, Екатерина выразилась: «нельзя читать, чтобъ кровь не кипѣла» (Храповицкій, ст. 482).

[3]) Съ учрежденіемъ Совѣта (1768 г.) правительственное значеніе Сената падаетъ.

ніи, жалованныя грамоты), много отводится мѣста заботамъ, опекѣ власти относительно нуждъ и дѣятельности общества. Но таковы были воззрѣнія французскихъ энциклопедистовъ, послѣдователей физіократическаго ученія Кенэ, которыми питалась Екатерина. Таковъ общій духъ эпохи; тѣмъ не менѣе Екатерина дѣлаетъ значительный поворотъ въ сторону Монтескье, развивавшаго идею противодѣйствующихъ политическихъ силъ, на началахъ которой строилъ свою конституціонную систему авторъ «Духа законовъ».... Какъ бывало нерѣдко въ жизни русскаго общества, первые выборы отличались извѣстными достоинствами. И въ концѣ своего царствованія Екатерина съ похвалою отозвалась о двухъ первыхъ выборахъ, которые отвѣчали своей цѣли, какъ замѣчаетъ Грибовскій. Но затѣмъ мы встрѣчаемъ извѣстія о неряшливости выборовъ и уклоненіи отъ нихъ; а между тѣмъ власть генералъ-губернаторовъ (намѣстниковъ) хотя и облеченныхъ лестнымъ правомъ быть заступниками утѣсненныхъ, предоставленная имъ надъ всѣми управленіями, сдѣлала фиктивнымъ и самостоятельность суда...

Въ особенности Екатерина имѣла право дорожить «совѣстнымъ судомъ». «Совѣстный судъ, говоритъ она, есть пульсъ, показывающій нравы той губерніи. Одинъ только безсовѣстный отказывается отъ призыва въ совѣстный судъ». Съ другой стороны, любопытно, что она видѣла въ немъ чисто славянскій обычай [1]). Въ особенности его значеніе чувствовалось въ дѣлахъ о малолѣтнихъ, о волшебствѣ, суевѣріяхъ и т. п., взглядъ на которыя существенно измѣняется съ царствованія Екатерины. На разсмотрѣніе этого суда она отдаетъ дѣло о прекращеніи работъ на Фонтанной фабрикѣ. Отмѣна этого суда (имп. Павломъ) заставляла потомъ сожалѣть о немъ и желать его возстановленія... Но «уложенія» о наказаніяхъ Екатеринѣ не пришлось дождаться, какъ и окончанія работы о Сенатѣ. «Кончилось тѣмъ, что не время теперь дѣлать реформы», говоритъ Храповицкій (по поводу ея работъ о Сенатѣ) въ мартѣ 1788 г. Война съ Турціей и Швеціей, а затѣмъ событія во Франціи надолго поглотили вниманіе Екатерины.

---

[1]) «Совѣстный судъ есть славянскій обычай, говоритъ Екатерина. Саксонцы оный ввели въ Англію».

Правда, по закрытіи частныхъ коммиссій (1774), въ ихъ канцеляріяхъ, подъ наблюденіемъ ген. прокурора (кн. А. А. Вяземскаго), приготовлялся сводъ законовъ, но предпріятіе это не было доведено до конца. Такимъ образомъ Уложеніе царя Алексѣя и Воинскій уставъ Петра В. по прежнему оставались дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ [1]). Впрочемъ, жестокость уголовнаго кодекса продолжала имѣть мѣсто и на Западѣ. [2]) Съ учрежденіемъ приказовъ общественнаго призрѣнія полагается начало работнымъ и смирительнымъ домамъ.

Екатерина приняла содержаніе заключенныхъ на счетъ казны, такъ какъ до нея они содержались на свои средства или на счетъ пожертвованій и милостыни, и того же на первыхъ порахъ добивался въ Англіи извѣстный филантропъ Говардъ. Въ своихъ требованіяхъ относительно раздѣленія заключенныхъ по роду преступленій Говардъ ссылается на Наказъ Екатерины. Говардъ дважды посѣтилъ Россію (1781 и 1789 г.). Съ похвалою отзывается онъ о воспитательныхъ учрежденіяхъ Бецкаго, о военномъ госпиталѣ въ Кронштадтѣ, о Павловской больницѣ въ Москвѣ; но тюрьмы, какъ и на Западѣ, за небольшими исключеніями (напр. въ Голландіи), представлялись ему въ весьма печальномъ положеніи. [3]) Упомянемъ однако, что къ 1787 г. относится собственноручный проектъ Екатерины о тюрьмахъ, въ которомъ обращается вниманіе на раздѣленіе преступниковъ по категоріямъ преступленій, на устройство и состояніе тюремъ. Дѣятельность Говарда вызвала похвалы со стороны кн. Щербатова, а послѣдніе дни свои пришлось Говарду провести на рукахъ другого своего почитателя—Н. С. Мордвинова, въ Херсонѣ, который озаботился и постановкою ему памятника.

Въ 1777 г. Екатерина писала Вольтеру, что финансовая часть будетъ устроена на тѣхъ же началахъ, какія легли въ основаніе На-

---

[1]) Смягченіе наказаній выразилось лишь въ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для дворянъ (съ Петра III и жалов. грам. 1785), именитыхъ гражд. и купцовъ 1 и 2 гильдіи (1785), священнослуж. въ духов. судахъ (1767), въ признаніи батоговъ «сущей казнью» (1775), въ замѣнѣ кнута плетью за кражи и т. п. Весьма существенно было то различіе, какое внесла Екатерина въ понятіе объ оскорбленіи величества «словомъ и дѣломъ» (Наказъ, ст. 482) и на примѣненіи котораго она настаиваетъ въ «манифестѣ о поединкахъ» и частныхъ рѣшеніяхъ по этимъ дѣламъ.

[2]) Таковы уголовный кодексъ Маріи Терезіи 1768 г., суровые приговоры въ царствованіе Іосифа II и др.

[3]) Въ 1785 г. Говарду воспрещенъ былъ въѣздъ во Францію.

каза: «жить и давать жить». Въ ея коммиссіи была выработана примѣрная смѣта, а съ 1769 г. ведутся общія для всего государства окладныя книги. Финансовая часть получаетъ, въ ряду другихъ частей управленія, самостоятельное значеніе. «Торговля мое дѣтище», говоритъ Екатерина, и уже съ самаго начала своего царствованія (1762) она разрѣшила вывозъ хлѣба за границу, допущенный еще Петромъ III, и рѣшительнымъ образомъ высказалась противъ монополій, процвѣтавшихъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Она отмѣняетъ рядъ фискальныхъ мѣръ и мелкихъ сборовъ во внутренней торговлѣ. Архангельскъ былъ сравненъ въ правахъ по отпускной торговлѣ съ Петербургомъ, и уже въ концѣ XVIII столѣтія въ Архангельскѣ было болѣе 40 торговыхъ домовъ, 5 частныхъ верфей и до 600 купцовъ, ведшихъ самостоятельно торговлю. Судостроеніе поднялось до небывалой прежде высоты, а товары нерѣдко отправлялись за границу на корабляхъ, принадлежавшихъ русскимъ купцамъ. Въ 1781 г. былъ изданъ уставъ купеческаго водоходства. Екатерина покровительствовала учрежденію торговыхъ компаній (купца Владимірова для торговли въ Средиземномъ м., нижегородская и воронежская комп.). Казенные промыслы и торговля объявляются свободными (рыбный и тюленій, ревень, поташъ, смола, табакъ и др.). Видны постоянныя заботы объ удешевленіи соли. Въ 1775 г. всѣмъ и каждому предоставлено право заводить фабрики и станы [1]). «Я вовсе не охотница до геніальности по фискальной части и до изобрѣтеній по части мелочныхъ доходовъ, которые только не даютъ покоя людямъ и въ дѣйствительности очень маловажны», писала Екатерина Гримму по поводу соч. Неккера. [2]) Заботы ея о земледѣліи стоятъ въ связи съ усвоенными ею взглядами физіократовъ, хотя она не была чужда и нѣкотораго, свойственнаго ей вообще, эклектизма. Точно также ея тарифы (1766 г. отчасти, 1782 г.) соотвѣтствовали идеямъ физіократизма и свободной торговли, которыя достигаютъ почти полнаго развитія въ 1782 г.

---

[1]) Въ 1761 г. фабрикъ было 201, въ 1776—478, въ 1796 г.—до 2000. Въ одной изъ статей ремесл. положенія (ст. 105) опредѣляется число рабочихъ часовъ, а именно—10 въ сутки (не ранѣе 6 ч. утра и не позже 6 ч. веч.)

Екатерина обратила вниманіе на И. И. Ползунова, изобрѣтателя паровой машины въ Барнаулѣ (1763—66), и на механика-самоучку И. П. Кулибина.

[2]) Въ указѣ 22 нояб. 1779 г. она говоритъ: «собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе».

Въ это время Екатерина интересовалась экономическою литературою. Съ идеями и сочиненіями Бодо, Тюрго, Каяо, Неккера, Галіани и проектами де-Калонна она была знакома. Понятно, какъ она должна была заинтересоваться споромъ во Франціи о свободной торговлѣ хлѣбомъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ принималъ близкое участіе Вольтеръ, сторонникъ идей Тюрго. Въ годъ изданія трактата Кондорсе о хлѣбной торговлѣ (1776), который защищалъ принципъ свободной торговли хлѣбомъ и котораго поддерживалъ Вольтеръ [1]), авторъ его былъ избранъ почетнымъ членомъ Петерб. Академіи наукъ. Получивъ соч. Неккера «о хлѣбной торговлѣ», она лестно отозвалась объ его книгѣ: «это въ родѣ Блакстона; книга Неккера удостоилась краснаго карандаша», замѣтила она. Но, познакомившись съ другими его трудами [2]), она называетъ ихъ уже скучными и одинаково безполезными или бьющими на эффектъ, какъ и проекты де-Калонна...

Шлецеръ говоритъ, что въ промежутокъ отъ смерти Петра В. до Екатерины II немыслимы были статистическія работы въ Россіи, такъ какъ въ нихъ легко могли усмотрѣть политическій умыселъ. Даже свѣдѣнія о вывозѣ и ввозѣ товаровъ считались тогда государственной тайной. При Екатеринѣ II Шлецеръ имѣлъ возможность впервые воспользоваться этимъ матеріаломъ. Въ свою очередь, популяціонистическое направленіе въ литературѣ и политикѣ западно-европейскихъ государствъ не осталось безъ вліянія на Россію. Екатерина обращаетъ вниманіе на значительную смертность въ Россіи и, начиная съ ея Наказа и коммиссіи объ Уложеніи (9-я секція— о размноженіи народа, земледѣліи, домостроительствѣ, искусствѣ и ремеслахъ), ею былъ принятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ умноженію и сохраненію народонаселенія. Прямое и непосредственное вліяніе Шлецера въ организаціи статистики народонаселенія въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію. По его указаніямъ устанавливаются образцы метрическихъ записей, и, на основаніи собранныхъ данныхъ, приступлено было къ обработкѣ ихъ при Академіи наукъ. Сочиненія нѣмецкихъ популяціонистовъ, Бильфельда, Юсти, Зонненфельса,

---

[1]) Réflections sur le commerce des blés, Londres, 1776, а также его брошюры, написан. въ опроверженіе соч. Неккера о хлѣбномъ законодательствѣ.

[2]) De l'administration d's finances de la France, P. 3 v., 1784, переведено на русскій языкъ подъ загл.: «Объ управленіи государственныхъ доходовъ Французскаго королевства». Спб. 1786; Compte rendu au roi, 1781.

пользовавшихся авторитетомъ въ глазахъ нѣмецкихъ правительствъ, несомнѣнно были извѣстны Екатеринѣ [1]). Четвертая перепись, состоявшаяся въ 1781 г., произведена была по правиламъ, изложеннымъ въ соч. Зонненфельса, а дальнѣйшая обработка всѣхъ данныхъ о народонаселеніи Россіи выполнена была въ изслѣдованіяхъ акад. Крафта и Германа, напеч. на французскомъ и нѣмецкомъ яз., [2]) которыми могъ уже воспользоваться Мальтусъ въ своемъ сочиненіи о народонаселеніи (кн. II, гл. III). «Пусть будущій литераторъ, говоритъ Шлецеръ, исчислитъ всѣ подобнаго рода сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ самой Россіи до 1765 г., и сравнитъ съ ними то огромное количество большихъ и малыхъ сочиненій, трактующихъ о разныхъ мѣрахъ правительства по статистикѣ и большею частію до сихъ поръ неизвѣстныхъ за границею, появившихся между 1770—1790 г., вызванныхъ либеральнымъ образомъ мыслей императрицы, чтобы судить объ успѣхахъ въ области статистики», и тутъ же онъ указываетъ на обширный трудъ М. Д. Чулкова по исторіи русской торговли (Спб., 21 т., 1781—88, in 4-о), основанный на множествѣ неизданныхъ матеріаловъ. Прибавимъ къ этому, что въ 1772—73 гг. проф. Рейхель впервые читалъ въ Россіи (въ Москвѣ) курсъ статистики (по-латыни), тогда же изданный на русскомъ языкѣ [3]).

Коммиссія Уложенія, Учрежденіе о губерніяхъ и жалованныя грамоты содѣйствовали пробужденію общественной жизни и дѣятельности. По словамъ Болотова, реформы Екатерины «производятъ великое потрясеніе умовъ, заставляютъ всѣхъ дворянъ мыслить, хлопотать и заботиться». Онъ говоритъ, что эпоха эта «была по всей справедливости самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіемъ своимъ произвела во всемъ великія перемѣны». Другіе современники (Дашкова, Добрынинъ, кн. Ѳ. Н.

---

[1]) Въ это время появились переводы всѣхъ этихъ сочиненій на русскій языкъ: 1) Бильфельдъ: Политическія наставленія, 1768 и 1775, 2 чч., въ перев. проф. Барсова и кн. Ѳ. Шаховскаго, 2) Юсти: Основаніе силы и благосостоянія царствъ или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія», 3 чч., Спб. 1772—78, перев. Ив. Богаевскимъ; 3) I. Зонненфельсъ: «Начальныя основанія полиціи или благочинія», перев. проф. Гаврилова (М. 1787).

[2]) Впрочемъ, изслѣдованія эти не лишены значительныхъ недостатковъ.

[3]) Краткое руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политич., экономич и учебнаго состоянія нѣк. знатнѣйшихъ европ. государствъ, М. 1775. Перев. слушат. Рейхеля Андрея Байбакова (впослѣд. архіеп. Аполлосъ).

Голицынъ, Винскій) указываютъ на улучшеніе управленія городовъ, дорогъ, торговли, способовъ образованія, нравовъ. Объявленіе о распоряженіяхъ правительства, какъ введеніе новыхъ учрежденій, избраніе на должности, открытіе намѣстничествъ, празднованіе мира, сопровождались собраніемъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и съѣздами окрестныхъ дворянъ изъ ближайшихъ губерній. Послѣдніе бывали нерѣдко весьма многочисленны (въ Новгородѣ до 650, въ Твери до 500 чел.)[1]). «Никогда еще не видывалъ я толь великаго множества и знатнаго, и средняго, и мелкаго дворянства», замѣчаетъ Болотовъ. Съѣзды эти сопровождались фейерверками, маскарадами, театральными представленіями и т. п.; а пріѣхавшіе на нихъ занимались не одними удовольствіями (пили, ѣли, играли), но были заинтересованы и долженствующими совершиться событіями; о нихъ преимущественно разсуждали и были очень возбуждены. Понятно, что пріѣзжіе возвращались домой со множествомъ «новыхъ впечатлѣній», новыхъ интересовъ и новыхъ темъ для разговоровъ и размышленій...

Не говоря о Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ спектакли устраивались и въ частныхъ домахъ, появляются театры въ провинціальныхъ городахъ (Воронежъ, Харьковъ, Тула, Калуга и др.; были попытки устройства спектаклей и въ Иркутскѣ, и даже въ деревняхъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ), причемъ собиралось «великое множество народа», по выраженію Болотова, а въ числѣ пьесъ встрѣчаемъ и «Мѣщанина во дворянствѣ», и «Севильскаго цирюльника».

Съ другой стороны, несомнѣнно, что требованіе на первыхъ порахъ значительнаго контингента служащихъ лицъ не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій для самыхъ учрежденій, слабыя стороны которыхъ также отмѣчены современниками... Если многіе изъ этихъ недостатковъ зависѣли отъ подавляющаго вліянія администраціи и значительно умножившагося чиновничества, то не менѣе имѣла здѣсь значенія и апатія общества, не привыкшаго къ самодѣятельности...

Была и другая причина этихъ неудачъ — это отсутствіе образованія въ руководящей средѣ. «Дворяне, говорятъ намъ современники, почитаютъ невѣжество своимъ правомъ; человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но избѣгается. Дворянскіе съѣзды ча-

---

[1]) Чтобы судить о значеніи этихъ съѣздовъ, необходимо припомнить, что во Франціи, до революціи, даже 20 дворянъ не могли собраться для обсужденія какого-нибудь дѣла безъ дозволенія короля (Тэнъ).

сто отличались пьянствомъ и буйствомъ. Въ одной Тамбовской губ. болѣе сотни дворянъ судились за взятки, грабежи и воровство.. Невѣжество въ законахъ было главнымъ основаніемъ мздоимства»[1]).

Но самый существенный вопросъ, съ котораго начала собственно Екатерина обсужденіе современнаго состоянія Россіи, остался неразрѣшеннымъ—мы разумѣемъ освобожденіе крестьянъ. Она не приступала къ нему ни въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ ставился онъ въ задачѣ Вольн. эконом. общества, ни въ томъ скромномъ видѣ (ограниченіе рабочихъ дней, регламентація обязанностей крестьянъ), какъ намѣченъ онъ былъ нѣкоторыми членами коммиссіи. Все, что сдѣлано было при Екатеринѣ въ этомъ отношеніи (не говоря о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и упорядоченіи заводскихъ работъ), ограничилось объявленіемъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ свободными, съ распространеніемъ свободы и на лицъ, съ которыми они вступали бы въ бракъ (хотя самый актъ воспрещался); запрещеніемъ вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя, обращать въ крѣпостныхъ безмѣстныхъ церковниковъ и военноплѣнныхъ и считать незаконнорожденныхъ крѣпостными ихъ воспитателей, если эти послѣдніе не имѣли права владѣть крестьянами; наконецъ, сдѣлано было нѣсколько другихъ ограниченій, такъ сказать, отрицательнаго характера, которыя притомъ постоянно нарушались. За то крѣпостное право расширяется территоріально, посредствомъ прикрѣпленія къ землѣ (Слободская украина и Малороссія) и раздачи казенныхъ крестьянъ въ пожалованіе (въ Остзейскомъ краѣ, въ Малороссіи, въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, отчасти въ Великороссіи). Тѣмъ болѣе явленіе это представляется аномаліей, что Екатерина рѣзко и послѣдовательно указывала на несочувствіе свое и даже отвращеніе къ рабству. Вотъ что писала Екатерина ген.-прокур. кн. Вяземскому, очевидно, подъ впечатлѣніемъ печальной дѣйствительности: «Пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніебудутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ, и положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно. *Генеральнаго освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо, не имѣвъ обо-*

[1]) Екатерина жаловалась на «неистовство молодыхъ людей», которымъ она думала своимъ манифестомъ о поединкахъ внушить правила чести (Храповицкій).

роны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно самая малость можетъ привести ихъ въ отчаяніе; кольми паче мстительной такой законъ, *какъ Сенатъ вздумалъ не кстати и не къ ладу издать*. И такъ прошу быть весьма осторожну въ такихъ случаяхъ, дабы *не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, если въ новомъ узаконеніи* не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій. Ибо если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно». А изъ сенатскихъ дѣлъ видно, что въ 1770-хъ годахъ составленіе означеннаго закона возложено было на коммиссію Уложенія...

Однажды (въ декабрѣ 1774 г.), съ озабоченнымъ видомъ, Екатерина сказала Далю: «Да, дѣло не легкое, оно не мало меня озабочиваетъ и все таки оно остается въ одинаковомъ положеніи. Гдѣ только начнутъ его трогать, оно нигдѣ не поддается». Впослѣдствіи Блудовъ утверждалъ, что онъ видѣлъ проектъ закона, составленный около этого времени, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 г., должны были стать свободными, т. е. получить право личной свободы безъ земли; но онъ не осуществился къ счастью крестьянъ, какъ думаютъ наши изслѣдователи по исторіи крѣпостного права.

Повидимому, такой исходъ дѣла лежалъ, съ одной стороны, въ мнѣніяхъ представителей эпохи просвѣщенія, которымъ Екатерина привыкла довѣрять, а съ другой—въ результатѣ, къ которому пришла коммиссія Уложенія. Князь Щербатовъ и другіе консерваторы, такъ любившіе ссылаться на Монтескье, находили у него мнѣнія, которыми они подтверждали свою защиту настоящаго порядка вещей. И Екатерина въ своемъ Наказѣ буквально выражается словами послѣдняго, когда говоритъ: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ». Мы знаемъ, что и Беарде де-л'Абей и Полѣновъ вполнѣ сочувствуютъ освобожденію крестьянъ и утвержденію ихъ правъ на землю, но ставятъ осуществленіе ихъ въ зависимость отъ просвѣщенія.[1]) Точно также другіе отвѣты, представленные въ Вольное экономич. общество, предлагали, при освобожденіи крестьянъ, сохранить въ томъ или другомъ

[1]) Полѣновъ полагалъ, что не слѣдуетъ принуждать дворянство къ улучшенію быта крестьянъ, а лишь дѣйствовать на него примѣромъ, начавши реформы *съ дворцовыхъ крестьянъ*, между тѣмъ эти послѣдніе почти всѣ были уже освобождены отъ барщины и платили умѣренный оброкъ.

видѣ зависимость ихъ отъ помѣщиковъ или рекомендовали порядки, существовавшіе въ Остзейскихъ провинціяхъ. Мало этого. Два автора, несомнѣнно пользовавшіеся вліяніемъ на Екатерину, совершенно иначе отнеслись къ разрѣшенію настоящаго вопроса. Мы говоримъ о Мармонтелѣ и Вольтерѣ, отвѣты которыхъ удостоились почетнаго отзыва. Первый изъ нихъ полагаетъ, что нужно дать время владѣльцамъ населенныхъ имѣній сознать необходимость освобожденія. Вольтеръ говоритъ: «Справедливость требуетъ, чтобы государь освободилъ только церковныхъ сервовъ (въ силу извѣстнаго взгляда автора на духовенство) и своихъ собственныхъ [1])». Но что касается сеньеровъ, то Вольтеръ боится несправедливости, «если заставить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Это уже ихъ дѣло, послѣдовать ли примѣру государя; они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны». Замѣчательно также, что въ это время В. экон. общество, при посредствѣ своихъ «Трудовъ», усердно пропагандировало остзейскія поземельныя отношенія; но взгляды эти, однако, не имѣли очевидныхъ результатовъ...

Что касается коммиссіи Уложенія, то необходимо замѣтить, что она воспользовалась весьма обильнымъ матеріаломъ по данному вопросу, заимствованнымъ изъ узаконеній и правъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Но проектъ, выработанный коммиссіей о разборѣ родовъ государственныхъ жителей (повинности, продажа безъ земли, движимая собственность и т. п.) отличается такою односторонностью, что принятіе его только узаконило бы злоупотребленія помѣщичьей власти... Въ ближайшемъ поколѣніи существовало мнѣніе, что Екатерина отступила передъ столь громаднымъ дѣломъ вслѣдствіе постояннаго противодѣйствія придворной или дворянской партіи; но это не вполнѣ вѣрно. Въ пользу освобожденія, въ томъ или иномъ видѣ, высказывались наиболѣе выдающіяся изъ лицъ, близкихъ къ императрицѣ; а въ литературѣ означеннаго періода вопросъ этотъ разсматривается съ самой сочувственной стороны къ положенію и личности крестьянина, начиная съ самой Екатерины [2])... Между тѣмъ,

---

[1]) Всего жестче крѣпостное право держалось во Франшъ-Конте и особенно во владѣніяхъ монастыря Сенъ-Клодъ. По этому поводу Вольтеръ и написалъ тѣ памфлеты, которые такъ волновали общественное мнѣніе и подготовили окончательное уничтоженіе крѣпостничества.

[2]) Въ 1772—78 гг. вышелъ въ свѣтъ переводъ соч. Юсти, авторъ котораго возмущается рабствомъ. «Сочиненіе Юсти является первою и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательною попыткою изложить систематически начала науки полиціи и указать ея мѣсто въ ряду другихъ наукъ» (И. Е. Андреевскій).

многіе изъ дворянъ, освободившись отъ ужаснаго кошемара, тяготѣвшаго надъ ними во время пугачевщины, съ двойною энергіею принялись теперь за вымещеніе своихъ недавнихъ бѣдствій... Поэтому нельзя не признать, что трудность разрѣшенія этого вопроса, при извѣстномъ состояніи общества, гораздо ближе выясняется всей последующей его исторіей до царств. Александра II включительно. Какъ извѣстно, Екатерина сравнила (въ бесѣдѣ съ тѣмъ же Далемъ [1]) предстоявшія ей опасности «съ американскимъ колоніальнымъ дѣломъ»; она не удовлетворялась мѣрами, принятыми Маріей Терезіей (какъ ограниченіе правъ помѣщиковъ, опредѣленіе повинностей крестьянъ, право выкупа земельныхъ участковъ); она хорошо знала распоряженія Іосифа II, гарантировавшія личную свободу крестьянъ; но, какъ часто бываетъ, за стремленіемъ къ достиженію болѣе широкихъ благъ, ею упускалось изъ вида то, что могло быть сдѣлано въ настоящій моментъ. Притомъ необходимо принять во вниманіе, что на Западѣ, какъ и въ Россіи, наибольшія трудности встрѣчались при разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи частно-владѣльческихъ крестьянъ, и даже, послѣ рѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ (въ Пруссіи Фридрихомъ II, въ Австріи Іосифомъ II), положеніе крестьянъ подвергалось все-таки новымъ опасностямъ. Во Франціи эдиктъ 1779 г. не имѣлъ большаго успѣха и въ 1789 г. здѣсь было еще значительное число несвободныхъ крестьянъ. Не менѣе поучителенъ ходъ этого дѣла и въ Даніи....

Въ другомъ положеніи находились государственные крестьяне. Вскорѣ по отобраніи монастырскихъ вотчинъ (1764 г.), при Екатеринѣ II былъ изданъ рядъ мѣръ, касавшихся ихъ управленія, а въ Учрежденіи о губерніяхъ (1775) государственные крестьяне получаютъ опредѣленную организацію и свой судъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ началъ представляетъ положеніе для установленія сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ вѣдомства директора экономіи Екатеринославскаго намѣстничества, 1787 г., распространенное затѣмъ и на нѣкоторыя восточныя губерніи. Наконецъ Екатеринѣ II принадлежитъ обширный проектъ объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей, въ которомъ она думала примѣнить начала городоваго положенія къ сельскому быту [2]).

[1]) Рижскій таможен. инспекторъ, а потомъ тамож. совѣтникъ въ Петербургѣ.

[2]) Любопытно, что въ приложеніи къ нему помѣщены выписки изъ Плутарха, римскаго права, Блэкстона и извѣстнаго сочиненія по англійской конституціи Делольма (1771 и др.).

III.

Въ эпоху просвѣщенія заботы объ этомъ послѣднемъ въ обширномъ смыслѣ и въ частности о народныхъ школахъ должны были занимать всѣ правительства, затронутыя движеніемъ. Просвѣщеніе считалось наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для смягченія нравовъ и уменьшенія преступленій; но оно рекомендовалось также, какъ необходимая подготовительная ступень на пути къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Повидимому, Екатерина усвоила эту точку зрѣнія. Вопросъ о воспитаніи занималъ ее въ связи съ другими вопросами въ общей системѣ ея «учрежденій». Наказъ Екатерины II ограничился одними общими наставленіями о домашнемъ воспитаніи; но уже въ извѣстномъ «начертаніи» о приведеніи къ окончанію коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, 8-го апр. 1768 г., императрица говоритъ о *трехъ родахъ или степеняхъ учебныхъ заведеній*: низшихъ, среднихъ и высшихъ (т. е. начальныхъ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ); а въ числѣ частныхъ коммиссій, образованныхъ при такъ называемомъ «Большомъ собраніи», учреждена была «коммиссія о училищахъ». Мы знаемъ, какого рода были пренія объ училищахъ въ Большой коммиссіи; но гораздо подробнѣе и основательнѣе разсмотрѣны разныя стороны этого важнаго дѣла въ учебной коммиссіи. Члены коммиссіи выработали четыре проекта: 1) о низшихъ деревенскихъ училищахъ, 2) о низшихъ городскихъ училищахъ, 3) о среднихъ училищахъ и 4) объ училищахъ для иновѣрцевъ. И одновременно съ этимъ Екатерина сама интересуется общею системою училищъ. Такъ, въ половинѣ 1769 года она писала Вольтеру: «Дурное мнѣніе, которое вы составили себѣ о большей части университетовъ, утверждаетъ меня въ моихъ мысляхъ о нихъ. Всѣ эти учрежденія были основаны во времена весьма *мало философскія*. Рутина служитъ тамъ правиломъ. Былъ бы трудъ, достойный *генія* и философскаго ума, когда бы составить преобразованіе, по которому можно было бы *устроить* школы, имѣющія учреждаться въ будущемъ. Я бы первая послѣдовала *доброму примѣру*»...[1]).

---

[1]) Шлоссеръ о нѣмецкихъ университетахъ замѣчаетъ, что они, за исключеніемъ развѣ Лейпцигскаго, остались вѣрны своему характеру ученыхъ учрежденій конца среднихъ вѣковъ, а ихъ профессора нерѣдко съ презрѣніемъ смотрѣли на переворотъ

Вопросъ объ улучшеніи школъ и общественнаго образованія, подъ вліяніемъ литературы, является вполнѣ созрѣвшимъ на Западѣ. Въ Германіи, подъ вліяніемъ идей Ратиха и Амоса Коменскаго, а потомъ Руссо, развивается школа филантроповъ, оказавшая сильное вліяніе на народную школу, особенно въ Пруссіи, въ царств. Фридриха II. Указомъ 2 окт. 1763 г. онъ сдѣлалъ обязательнымъ для учителей педагогическое образованіе въ особыхъ семинаріяхъ, а для дѣтей 5—14 лѣтъ посѣщеніе народной школы. Такимъ образомъ учитель былъ превращенъ изъ ремесленника въ педагога... Даже въ католической Австріи, въ царств. Маріи Терезіи и Іосифа II, въ каждой провинціи была учреждена *нормальная школа*, въ которой будущіе учителя упражнялись въ искусствѣ преподаванія предметовъ, необходимыхъ въ школахъ. Въ большихъ городахъ и при монастыряхъ открылись образцовыя школы; городки, мѣстечки и даже деревни обзавелись своими такъ наз. «тривіальными школами», въ которыхъ методически подготовленные учителя стали учить главнымъ образомъ религіи, чтенію, письму и счету. Дальнѣйшее движеніе нѣмецкой школѣ даетъ Базедовъ, на котораго также оказали вліяніе идеи Руссо, высказанныя въ его «Эмилѣ». Онъ издаетъ «воззваніе къ друзьямъ человѣчества въ пользу школы и ея вліянія на общественное благополучіе» (1768), въ которомъ излагаетъ планъ элементарнаго, истинно человѣческаго обученія дѣтей; печатаетъ «методику» (Elementarwerk) воспитанія со множествомъ рисунковъ (1774), нѣчто въ родѣ дѣтской энциклопедіи; наконецъ, въ 1774 г., въ Дессау, онъ полагаетъ основаніе извѣстному *Филантропину*, изъ котораго вышло много учениковъ и послѣдователей его идей... Вліяніе школы филантроповъ отразилось и въ Россіи въ царств. Екатерины, въ «планахъ» Бецкаго, основанныхъ на благотворительно-воспитательныхъ началахъ. Въ свою очередь, Екатерина, прежде чѣмъ было окончено печатаніе перваго изданія сочиненія Базедова, препроводила ему (въ 1771 г.) 1000 рублей, а вел. кн. Павелъ Петровичъ 500 р. Въ 1776 г. Базедовъ обѣщалъ императрицѣ основать, въ честь ея имени, особое учрежденіе: Catharineum für Welt-

---

въ литературѣ, происходившій передъ ихъ глазами. Поэтому Шиллеръ горько жаловался потомъ, что въ нѣмецкихъ университетахъ нѣтъ мѣста для истиннаго просвѣщенія. Такимъ образомъ Екатерина имѣла основаніе говорить о нихъ такъ, какъ она пишетъ.

bürgerinnen; но затѣмъ она сдержаннѣе стала относиться къ его планамъ.[1])

Училищная реформа въ Пруссіи и Австріи оказала свое вліяніе и на Россію. Въ училищной коммиссіи принято было предложеніе о введеніи *обязательнаго обученія* для всего мужскаго населенія, по примѣру прусскихъ школъ (на счетъ прихожанъ), по опредѣленнымъ руководствамъ. Дѣвочки должны были приниматься въ школы по желанію родителей. Въ городахъ предлагалось ввести *обязательное обученіе*, не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ (чтеніе). Для инородцевъ предполагались подобныя же школы, подъ руководствомъ ихъ единоплеменниковъ. Для среднихъ училищъ былъ принятъ единственный типъ—гимназія, причемъ признавалось необходимымъ объединеніе школъ: съ уничтоженіемъ семинарій, въ гимназіяхъ должны были учиться какъ дѣти свѣтскаго происхожденія, такъ и готовящіяся къ духовному званію. Подъ помѣщеніе гимназій коммиссія предполагала обратить большіе монастыри. Гимназіи эти, на 120 учениковъ,—вполнѣ закрытыя заведенія, съ двумя отдѣленіями, для дворянъ и разночинцевъ.

Устройство университетовъ и проектъ ихъ штатовъ, составленный профессорами Московскаго университета, подвергались обсужденію въ той же коммиссіи, но уставъ не былъ выработанъ. Екатерина къ разработкѣ общаго плана училищъ привлекла также Дидро и Гримма. Гриммъ, очевидно, склонялся къ нѣмецкой системѣ. Сама императрица долго колебалась въ выборѣ этой послѣдней, но свиданіе ея съ импер. Іосифомъ II (въ 1780 г.) въ Могилевѣ и бесѣда съ нимъ о народныхъ школахъ въ Австріи окончательно склонили ее въ пользу нормальныхъ школъ; онъ же прислалъ ей руководства, бывшія въ употребленіи въ австрійскихъ школахъ. «Какъ бы то ни было, но будетъ великое благо, писалъ Гриммъ: просвѣтится народъ, станетъ разумнѣе; одни глупцы или мерзавцы боятся образованнаго народа; рожденные для власти предпочитаютъ лучше владычествовать надъ людьми, нежели надъ животными». Іосифъ II рекомендовалъ Екатеринѣ для этого дѣла (еще въ Могилевѣ) серба Янковича де-Миріево. Такъ образована была въ 1782 г. коммиссія объ учрежденіи училищъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Завадовскаго (Эпи-

[1]) Екатеринѣ былъ извѣстенъ сатирическій романъ Шуммеля, осмѣивающій педагогическіе опыты Базедова (Spitzbart, Leipz. 1779). Шлецеръ жестоко нападалъ на пріемы и систему Базедова, а Гриммъ называлъ его заведеніе прямо рекламой.

нусъ, Пастуховъ, Янковичъ). Вслѣдъ затѣмъ (въ 1783 г.) открывается главное училище въ Петербургѣ, ученики для котораго взяты были изъ Александроневской и др. семинарій, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи въ немъ курса, они могли поступить въ учительскую семинарію, а съ 1784 г. началась и подготовка учителей при томъ же училищѣ. Въ 1785 г. Екатерина посѣтила это послѣднее съ обычною торжественною обстановкою. Въ 1786 г. учительская семинарія была отдѣлена отъ училища. Съ 1782 г. принялись уже за составленіе учебниковъ, словарей, картъ и пособій. Въ 1783 г. петербургскія училища были преобразованы по новому плану, при значительномъ наплывѣ учениковъ (въ 1785 г.—1192), и съ того же года учреждаются училища въ разныхъ городахъ Петербургской губерніи. По утвержденному плану, народныя училища раздѣлялись *на малыя* (съ 2-мя классами), *среднія* (съ 3-мя) *и главныя* (съ 4 и двухгодичнымъ 4-мъ классомъ). Въ апр. 1786 г. повелѣно было открыть главныя народныя училища въ 25-ти губерніяхъ. По уставу 5 авг. 1786 г. главное училищное правительство находилось въ вѣдѣніи императрицы, въ губерніяхъ же завѣдываніе училищами сохранялось за приказами общественнаго призрѣнія....[1]) «Уставъ народныхъ училищъ въ Рос. имперіи» 1786 г. признается замѣчательнымъ законодательнымъ актомъ царств. Екатерины II: имъ положены основы всеобщаго народнаго образованія; опредѣлена его система; создано отдѣльное учрежденіе для его завѣдыванія; указаны подготовительныя средства. Шлецеръ привѣтствовалъ учрежденіе училищъ, какъ самую выдающуюся изъ реформъ Екатерины II, которую онъ приравнивалъ даже къ побѣдамъ Румянцова надъ турками. Но была и разница между «положеніемъ» объ училищахъ въ Австріи и въ Россіи: духовенство не получило здѣсь никакой роли, какъ было, напротивъ, въ Австріи; съ другой стороны, мѣстная администрація и приказы общ. призрѣнія не могли служить столь обширной задачѣ, какая ставилась означеннымъ положеніемъ. Средства для школъ не были точно опредѣлены и, повидимому, правительство много разсчитывало на частныя пожертвованія... Открытіе училищъ въ губерніяхъ шло медленно; помѣщенія рѣдко удовлетворяли своему назначенію; преподаваніе въ главныхъ училищахъ признавалось черезчуръ обширнымъ. Даже въ

---

[1]) По уставу 1786 г. училища раздѣлялись на главныя (съ 4 классами) и малыя (съ 2 классами). Ученіе положено безплатное.

Московской губ., въ 1789 г., едва въ половинѣ городовъ были заведены училища, и при томъ они не принадлежали къ лучшимъ. Екатерина, можно сказать, увлекалась вопросомъ о распространеніи народныхъ школъ и ожидала отъ нихъ многочисленныхъ и благихъ результатовъ. «Заведеніемъ народныхъ школъ, говорила она, разнообразные въ Россіи обычаи приведутся въ согласіе и исправятся нравы. Импер. Марія-Терезія *примѣромъ одной школы* своей установила болѣе 800 школъ». Она полагала, что, благодаря школамъ, самъ собою падетъ расколъ. Строгія сужденія о школахъ вызывали ее на полемику...

Общій ходъ образованія въ этихъ училищахъ за цар. Екатерины представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1787 г. школъ было 165 съ 11157 учащимися; въ 1796 г.—316 съ 17341 учащ.[1]). Въ этомъ отношеніи Екатерина цѣнила и дѣятельность іезуитовъ, которымъ она, подобно Фридриху II, разрѣшила оставаться въ Россіи и по прежнему заниматься народнымъ образованіемъ въ Бѣлоруссіи. «Правду сказать, эти мошенники—отличные люди, писала она Гримму. Такихъ школъ, какъ у нихъ были, никто не съумѣлъ еще устроить, хотя для этого и разграбили ихъ имѣнія».

Независимо отъ того, при Екатеринѣ были учреждены: въ 1772 г.—училище для купеческихъ дѣтей, въ Москвѣ, на средства П. А. Демидова; въ 1774 г.—Горное училище, на весьма широкихъ началахъ, съ «ученымъ собраніемъ» при немъ, которое занялось составленіемъ *Горнаго словаря*, и съ типографіей, существовавшей по 1795 г.[2]); въ 1775 г.—греческая гимназія (или кадетскій корпусъ[3]); въ 1779 г.—землемѣрная школа, въ Москвѣ (межевой институтъ). Въ 1785 г. артиллерійскій, инженерный и пажескій корпуса преобразовуются по системѣ, принятой въ сухопутномъ корпусѣ[4]), начальникомъ котораго

---

[1]) Всѣхъ учившихся въ народныхъ школахъ съ 1781—96 г. было: мальчиковъ 164135, дѣвочекъ—12595.

[2]) Іосифъ II писалъ изъ Петербурга, что это учрежденіе поразило его полезностью своего обученія. Въ немъ находилось 70 казен. воспитанниковъ и 50 своекоштныхъ.—Въ 70-хъ годахъ XVIII ст. однихъ частныхъ метал. заводовъ считалось—169.

[3]) Въ Петербургѣ, на 200 воспитанниковъ; кромѣ общихъ предметовъ и новыхъ языковъ, въ немъ преподавались греческій и турецкій языки.

[4]) По требованію императрицы, въ пажескомъ корпусѣ введено было преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ; а воспитанники сухопут. и морскаго корп., готовившіеся въ преподаватели и гражданскую службу, изучали латинскій яз., философію и юриспруденцію. Въ первомъ изъ нихъ (о немъ съ похвалою говоритъ Дидро) за

съ 1789—94 г. состоялъ извѣстный педагогъ графъ Ангальтъ. Въ 1783 г. расширенъ курсъ преподаванія въ Смольномъ заведеніи, согласно съ планомъ «нормальнаго ученія»[1]). Учреждаются новыя медицинскія школы: въ Петербургѣ при Калинкинской больницѣ (1783) и въ Елисаветградѣ при госпиталѣ, основанномъ Потемкинымъ (1788). Въ 1787 г. медицинскія школы отдѣляются отъ госпиталей, съ болѣе теоретическимъ курсомъ, подъ названіемъ медико-хирургическихъ училищъ. При Екатеринѣ же намѣчено было преобразованіе означенныхъ училищъ (въ Петербургѣ и Москвѣ) въ медико-хирургическія академіи, осуществленное въ царств. Павла. Въ Николаевѣ основывается земледѣльческое училище, а вмѣстѣ съ тѣмъ обращается вниманіе на улучшеніе земледѣлія и разработку землянаго угля на югѣ Россіи[2]). Въ 1789 г. въ Омскѣ возникаетъ азіатская школа.

Въ царств. Екатерины было открыто семь духовныхъ семинарій (въ 1764 г. ихъ считалось 26 и 2 дух. академіи) и до 25 низшихъ духовныхъ училищъ. Въ числѣ первыхъ заслуживаетъ вниманія Словенская семинарія, устроенная въ 1779 г. архіеп. Евгеніемъ Булгарисомъ[3]), въ Полтавѣ, доступная и для дѣтей дворянъ и купцовъ. Сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ является другой грекъ—Никифоръ Ѳеотоки, преемникъ его по каѳедрѣ (впослѣдствіи архіеп. астраханскій). Оба они были «замѣчательные ученые новой эры», говоритъ Гервинусъ[4]). Преподаваніе въ Александроневской семинаріи значительно расширяется, а она получаетъ значеніе главной семинаріи, имѣвшей цѣлью приготовлять учителей для другихъ семинарій. Изъ нея вышли между прочимъ Сперан-

---

цар. Екатерины II училось болѣе 4000, а во второмъ 2149 чел.; въ инжен. и артил. корпусѣ—свыше 1000 чел., не считая мѣщан. отдѣленій. Любимецъ Екатерины Зоричъ, переселившись (1778) въ Шкловъ (Могилев. губ.), основалъ здѣсь училище на 300 дворянскихъ дѣтей, преобразов. при Павлѣ I въ кадет. корпусъ (нынѣ 1-й москов. кад. корп.).

[1]) Въ цар. Екатерины (за 1764—94 г.) въ Смольномъ воспитывалось 1316 дѣвицъ, а окончило курсъ: 440 въ благород. отдѣл. и 410 въ мѣщанскомъ.

Въ нѣмецкомъ уч. св. Петра, преобразованномъ въ глав. народ. учил. (1783), состояло свыше 250 учен. и до 100 ученицъ (безъ различія націй и званій).

[2]) Училище находилось въ вѣдѣніи М. Ливанова. Послѣдній посланъ былъ въ Англію вмѣстѣ съ другими лицами, предназначавшимися въ профессоры Екатериносл. ун-та, для изученія земледѣлія. Изъ нихъ Ливановъ и Комовъ извѣстны сочиненіями по земледѣлію и скотоводству.

[3]) Членъ ученыхъ общ. и академій, авторъ многихъ сочиненій, переводчикъ на греч. языкъ «Наказа» Екатерины и Виргилія.

[4]) Здѣсь же съ 1782—86 г. состоялъ преподавателемъ и префектомъ Гавріилъ Бодони, впослѣдствіи экзархъ молдав. и митр. кишиневскій.

скій и эллинистъ Мартыновъ (учившійся первоначально въ полтавской семин.), переводчикъ греческихъ писателей на русскій языкъ. Расширено было также преподаваніе (съ 1765 г.) въ Харьковскомъ коллегіумѣ (введеніемъ новыхъ языковъ и математики), въ которомъ учился извѣстный писатель и переводчикъ Иліады—Гнѣдичъ [1]).

Коммиссія училищъ намѣтила Псковъ, Черниговъ, Пензу, Екатеринославъ для открытія въ нихъ университетовъ. Уже 4 сент. 1784 г. Екатерина дала, согласно выраженному желанію Потемкина, повелѣніе основать въ Екатеринославѣ университетъ съ академіей художествъ и музыки, причемъ для подготовленія молодыхъ людей сдѣлано было распоряженіе объ открытіи училищъ по городамъ Екатеринославскаго намѣстничества и Таврической области. Для него приготовлялись профессора и собирались коллекціи (библ. Евгенія Булгариса, самого Потемкина, минералогич. кабинетъ ген. м. Каховскаго), получившія потомъ другое назначеніе. Несомнѣнно, что смерть Потемкина помѣшала осуществленію этого широкаго замысла; но важно то, что сознана была необходимость развитія у насъ системы университетскаго образованія, для котораго вскорѣ наступили болѣе благопріятныя времена. Московскій университетъ пополняется многими русскими профессорами, а преподаваніе въ немъ на русскомъ языкѣ становится преобладающимъ (съ 1767 г.). Въ самомъ преподаваніи отражается вліяніе идей Геттингена, глазговской школы (Третьяковъ и Десницкій), а также идей Адама Смита и Канта. Послѣдній въ 1794 г. былъ избранъ въ поч. члены Академіи наукъ. Медицинскій факультетъ получаетъ право присуждать докторскую степень обучавшимся врачебной наукѣ [2]). При университетѣ возникаетъ рядъ ученыхъ обществъ: Вольное россійское собраніе, Ученое дружеское Общество, Общество любителей учености. Первое изъ нихъ издавало (1774—1783) журналъ («Опытъ трудовъ»), заключающій въ себѣ рядъ статей и матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи. Въ своихъ рѣчахъ профессора развиваютъ темы по тѣмъ вопросамъ, которыми наиболѣе интересовалось правительство (объ оспопрививаніи, о народномъ здравіи, о воспитаніи и т. п.), а нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ участіе въ переводахъ выдающихся произведеній ученой литературы. Профес-

---

[1]) Въ 1785 г. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о введеніи въ дух. училищахъ «нормальной» системы.

[2]) Въ 1787 г. въ Москов. университетѣ считалось всего 82 студента.

соръ Маттеи издаетъ описаніе греческихъ рукописей Синодальной библіотеки и произведенія нѣкоторыхъ языческихъ и христіанскихъ писателей, найденныя въ ней, на средства Потемкина, И. И. Шувалова и гр. Ѳ. А. Остермана [1]). Между тѣмъ выработанъ былъ проектъ богословскаго факультета въ Москвѣ, для подготовки къ которому посланы (1765—72 г.) студенты семинарій (12) въ заграничные университеты (въ Англію, Лейденъ и Геттингенъ); но этотъ планъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не осуществился.

Еще въ 1766 г. Екатеринѣ удалось, послѣ продолжительныхъ настояній, перезвать изъ Берлина знаменитаго Эйлера, [2]) въ Петерб. акад. наукъ, которой принадлежитъ вся послѣдующая его ученая дѣятельность († 1783 г.), сопровождавшаяся цѣлымъ рядомъ капитальныхъ сочиненій. Подъ его руководствомъ образовалось нѣсколько учениковъ (Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Фуссъ и др.). Три сына Эйлера остались служить въ Россіи. Русскіе члены Академіи наукъ (Котельниковъ, Озерецковскій, Кононовъ, Захаровъ и др.) читаютъ публичныя лекціи по математикѣ, физикѣ, химіи, естественной исторіи [3]). Въ своихъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ академія знакомила съ успѣхами наукъ на Западѣ и отводила значительное мѣсто произведеніямъ отечественной исторіи и литературы.

Съ 1768—1774 г. были снаряжены четыре ученыя экспедиціи (2 оренбургскія и 2 астраханскія) изъ членовъ академіи и другихъ лицъ (Палласъ, С. Гмелинъ, Гильденштедтъ, Лепехинъ, Фалькъ, Зуевъ и др.), собравшія и издавшія обширные матеріалы по описанію Россіи въ разнообразныхъ отношеніяхъ, которые не потеряли и до сихъ поръ своей цѣны; а одинъ изъ участниковъ въ экспедиціяхъ—Георги издалъ (1776—80) «Описаніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи», на

---

[1]) Въ 1779 г. при университетѣ учреждается Вольн. благород. пансіонъ (на 50 учен.). Въ гимназіи при Московскомъ университетѣ въ 1760 г. считалось 100 учениковъ, а въ 1787 г. свыше 1000; но казанская гимназія находилась въ печальномъ состояніи, а въ 1789 г. (52 учен.) она присоединена была къ глав. нар. училищу. Съ 1769 г. въ ней введено преподаваніе татарскаго языка.

[2]) При переходѣ Эйлера возникъ было вопросъ о пожалованіи его чиномъ, соотвѣтственно другимъ; но Екатерина отвѣчала: «я дала бы ему, когда онъ хочетъ, чинъ, еслибы не опасалась, что этотъ чинъ сравняетъ его со множествомъ людей, которые не стоятъ Эйлера. *По истинѣ его извѣстность лучше чина для оказанія ему должнаго уваженія*».

[3]) Но въ академическомъ университетѣ было всего 2—9 студ; въ акад. гимназіи до 70 учениковъ (въ к. царств. Екатерины II).

нѣмецкомъ языкѣ (3 чч. и доп.) со множествомъ рисунковъ, переведенное на русскій и французскій языки. Академикъ Лаксманъ занимался изученіемъ Сибири въ естественно-историческомъ отношеніи.

Въ 1769 г. Россія принимала вторично (въ первый разъ въ 1761 г.) дѣятельное участіе въ наблюденіяхъ надъ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ. Съ этою цѣлью отправлены были три экспедиціи въ Лапландію, одна въ Якутскъ и нѣсколько наблюдателей къ Уралу. Сама императрица присутствовала при наблюденіяхъ въ Ораніенбаумѣ.

Въ 1783 г., по примѣру французской, основана была Россійская академія[1]), имѣвшая цѣлью разработку русскаго языка и составленіе словаря (Словарь Россійской академіи, I—V тт., Спб., 1789—1794)[2]).

По прежнему Екатерина всецѣло сохраняетъ интересъ къ умственной дѣятельности. «Теперь книгъ до шести читаю», сказала она однажды Храповицкому, по поводу чтенія сочиненій Фридриха II. «И для васъ нѣтъ теперь новаго въ литературѣ», отвѣчалъ онъ. Она читаетъ записки Юлія Цезаря и письма Плинія, соч. Плутарха и Тацита[3]); восхищается «Эпохами природы» Бюффона и вступаетъ съ нимъ въ сношенія[4]), при чемъ дѣлаетъ замѣчанія о древностяхъ Поволжья и Сибири; зачитывается надъ исторіей астрономіи Бальи и выписываетъ всѣ его сочиненія; увлекается «Первобытнымъ міромъ» Куръ-де-Жебелена,—и хлопочетъ о составленіи «всеобщаго словаря»[5]); подписывается (1778) на 100 экз. сочиненій Вольтера въ изданіи Панкука (Бомарше[6]). Про-

---

[1]) Съ 1841 г. она составляетъ отдѣл. рус. яз. и словесн. И. Ак. наукъ.

[2]) Въ послѣднемъ находится 43257 словъ.

[3]) Въ 1788 г. для нея пріобрѣтались переводы съ древнихъ писателей.

[4]) Русскій переводъ его «Естественной исторіи» предпринятъ былъ, по порученію Екатерины, при Академіи наукъ и издавался съ 1790—811 г. (10 частей in 4°).

[5]) Подъ вліяніемъ сочин. Куръ-де-Жебелена (9 тт., 1773—1782) и пользуясь своими учеными сношеніями и оффиціальнымъ положеніемъ, Екатерина предпринимаетъ собраніе матеріаловъ для всеобщаго словаря, изданіе котораго было поручено Палласу (Словарь сравнительный всѣхъ языковъ и нарѣчій, собран. Высоч. десницею имп. Екатерины II, 2 чч., Спб. 1787—89; 2-е пополн. изд. Янковича де-Миріево 4 чч., 1790—91). Въ обоихъ словаряхъ принято во вниманіе 272 языка.

[6]) «Дайте мнѣ творенія моего учителя, пишетъ она по этому поводу Гримму. Я хочу, чтобы они служили поученіемъ; хочу, чтобы ихъ изучали, вытверживали наизусть; чтобы умы питались ими: они образуютъ гражданъ, геніевъ, героевъ, авторовъ; отъ нихъ разовьется сотня тысячъ дарованій, которыя иначе затерялись бы во тьмѣ невѣжества».

изведенія современной философіи и политики не проходили для нея безслѣдно (Рейналь, Вольней, Боркъ и т. п.). «Опытъ о правахъ» Вольтера она желала знать наизусть. Она слѣдитъ за выходомъ въ свѣтъ извѣстнаго соч. Гиббона; а по поводу современныхъ событій дѣлаетъ обращеніе къ примѣрамъ исторіи. По словамъ де-Линя, она знала исторію всѣхъ странъ. Между тѣмъ занятія русской исторіей заставили Екатерину познакомиться съ самыми источниками: такъ, она интересуется древнѣйшими памятниками (Остромирово и Реймское Евангелія, Слово о полку Игоревѣ), справляется съ русскими и польскими лѣтописями [1]), читаетъ исторію Курбскаго и многотомные труды Татищева, Щербатова, Болтина, восхищается записками Герберштейна. Съ другой стороны, занимаясь своими драматическими произведеніями, она имѣла терпѣніе перечитать «всѣ нелѣпости» масонской литературы. Во время переѣздовъ за нею слѣдуютъ сундуки съ книгами и бумагами [2]). Въ печальные минуты она «топитъ свое горе—въ чтеніи». Но едва ли кто изъ государей умѣлъ цѣнить такъ книжныя собранія, какъ Екатерина. Такъ, ею были пріобрѣтены библіотеки Вольтера, д'Аламбера, Галіани, Бюшинга, берлин. книгопродав. Фр. Николаи, д-ра Циммермана, книги и бумаги кн. Щербатова и Болтина; а библ. Миллера и коллекціи Палласа—на тѣхъ же основаніяхъ, какъ нѣкогда библ. Дидро.

Но и область искусства не была позабыта. Въ концѣ царствованія Екатерины ея Эрмитажъ заключалъ въ себѣ, не считая картинъ и ложъ Рафаэля, около 10000 гравюръ и рисунковъ и 10000 камеевъ. Кабинетъ натуральной исторіи помѣщался въ двухъ большихъ залахъ. Въ

При этомъ она настаиваетъ на хронологическомъ изданіи его сочиненій, а не по матеріямъ. «Я педантъ, прибавляетъ она, и люблю видѣть ходъ ума автора въ его твореніяхъ, и повѣрьте мнѣ, что такое расположеніе гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ; я могу написать вамъ объ этомъ цѣлую диссертацію» и т. д.

[1]) Уже въ 1781 г. она писала Гримму: «Я прочитала съ полдюжины русскихъ лѣтописей». Ея кабинетъ представлялъ настоящій архивъ историческихъ матеріаловъ.

[2]) Въ составъ ея дорожной библіотеки входили почти все тѣже излюбленные ею авторы (Вольтеръ, Монтескье, Корнель, Севинье, Бэйль, Тацитъ, Авлъ Геллій, Мармонтель, Бюффонъ, Галіани—о торговлѣ хлѣбомъ, записки Сюлли и кард. Ретца; изъ англійскихъ писателей: Юнговы ночи, Робертсонъ и Юмъ (историки), Локкъ, исторія жизни Цицерона Мидльтона, Блэкстонъ. При этомъ она дѣлаетъ замѣчаніе: «Сочиненія Вольтера: *не выключая и малѣйшихъ бездѣлокъ, потому что они избавляютъ отъ рода скучнаго—изъ всѣхъ самаго худшаго*». И она рекомендуетъ этотъ реестръ вел. кн. Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ. Въ своихъ письмахъ Екатерина называетъ Вольтера «божествомъ веселости»

библіотекѣ считалось до 38000 книгъ. Петербургъ обязанъ Екатеринѣ многими изъ своихъ замѣчательныхъ зданій [1]).

Екатерина питала живой интересъ къ успѣхамъ знанія. Получивъ извѣстіе объ изобрѣтеніи во Франціи «нетонущаго морскаго судна», она добивается пріобрѣсть его проектъ (1771); а узнавъ о результатахъ опытовъ братьевъ Монгольфьеровъ (1783), она пишетъ Гримму: «Поздравляю васъ съ воздушными колесницами, летающими вокругъ вашихъ головъ. Когда онѣ усовершенствуются, очень пріятно будетъ съѣздить отсюда въ Парижъ въ три дня». Въ 1765 г. она отправляетъ изъ Колы экспедицію В. Я. Чичагова къ сѣверному полюсу для отысканія ближайшаго пути въ Индію. Знаменитаго Георга Форстера Екатерина приглашала принять участіе въ экспедиціи для изслѣдованія Юж. ледовитаго океана, не состоявшейся по причинѣ второй турецкой войны, а потомъ на службу въ Россію. Въ 1785—93 гг. была снаряжена экспедиція Биллингса и Сарычева, имѣвшая цѣлью изслѣдованіе сѣверовост. береговъ Сибири и ближайшихъ земель Америки.

Естественно, что литературный кругозоръ Екатерины былъ весьма широкъ. Тассъ и Мильтонъ, Локкъ и Ньютонъ [2]), Руссо и аббатъ С.-Пьеръ [3]), Ричардсонъ и Фильдингъ, Стернъ и Альгаротти были ей извѣстны. Она читала (1785) Гомера въ переводѣ Штольберга, Шекспира въ переводѣ Эшенбурга и рѣшилась подражать ему въ своихъ пьесахъ, что было своего рода смѣлостью при ея поклоненіи Вольтеру, который неблагосклонно относился къ англійскому писателю (иначе судилъ Гриммъ, а Дидро назвалъ Ш-ра «готическимъ колоссомъ», какъ онъ съумѣлъ оцѣнить народныя пѣсни и русскую музыку [4]). Но, ни въ ея письмахъ, ни

[1]) Она любила изданія по архитектурѣ и въ ея кабинетѣ находились соч. М. Витрувія, Пиранези († 1778), посвященное памятникамъ древняго и новаго Рима, въ 16 тт., и др.

Георги составилъ обстоятельное описаніе Петербурга (нѣм. изд. 1790), перевед. на русскій и франц. языки.

[2]) Вслѣдствіе событій въ Даніи она пишетъ Бьельке (1771): «Слыхали ли ихъ велич-ва о Ньютонѣ и Локкѣ? Врядъ ли они просвѣщеннѣе этихъ великихъ людей, которые основывали свои знанія на неоспоримомъ правилѣ, что дважды два четыре».

[3]) Защитникъ равнаго воспитанія мужчинъ и женщинъ. Его Annales Екатерина брала съ собою въ дорогу: «прекрасная книжечка», по ея выраженію.

[4]) Сумароковъ, называетъ Шекспира «непросвѣщеннымъ» и отказывается отъ заимствованій у него; но въ Россіи были уже поклонники послѣдняго, ставившіе въ образецъ его и англійскихъ поэтовъ (Жизнь и смерть Ричарда III, перевед. въ Н. Новгородѣ, 1787; Юлій Цезарь, изд. въ Москвѣ Карамзинымъ, 1787). Какъ извѣстно, Фридрихъ II сурово отзывался на счетъ Шекспира и «Гёца» — Гёте.

въ запискахъ не видно знакомства съ произведеніями Лессинга[1]), Шиллера[2]) и Гёте[3]), хотя они переводились тогда и на русскій языкъ. Она съ удовольствіемъ читала романы Фр. Николаи[4]), Тюммеля, Виланда (Абдериты) и вообще отзывалась съ похвалою о нѣмецкой литературѣ[5]). Она интересовалась Винкельманомъ и ссылалась на Лафатера; но незнала о Гердерѣ, пока не сообщилъ ей о немъ д-ръ Вейкардъ. Единственнымъ мѣриломъ правильной оцѣнки понятій она продолжала считать философскій взглядъ на вещи[6]). «Философскій духъ нуженъ вездѣ», говоритъ она. Это неуклонное настаиваніе Екатерины на премущественно философскомъ направленіи своего ума, на философской оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій, заставляетъ насъ прослѣдить, на сколько она осталась вѣрной этимъ началамъ и признаннымъ ею авторитетамъ.

Если m-me Жоффренъ не рѣшилась, по преклонности лѣтъ, побывать въ Россіи, то Дидро, не смотря на всѣ опасности пути, «исполнилъ этотъ долгъ благодарнаго сердца» въ 1773—74 гг. На него была возложена отдѣлка (стилистическая) «плановъ и уставовъ» воспитательныхъ учрежденій въ Россіи, на франц. языкѣ (рус. изд. 1774 г., 2 ч.; 2-е изд. 1789—91, 3 ч.), что̀ онъ и выполнилъ (2 т. Амстердамъ, 1775; 2-ое изд. Невшатель, 1777). Кромѣ того, Екатерина поручила ему выработать проектъ организаціи народнаго образованія въ Россіи, который онъ представилъ въ 1775 г. Отдавая должное изученію древнихъ языковъ, какъ образовательному элементу, Дидро является здѣсь горячимъ защитникомъ педагогическаго *реализма*. Но Дидро оказалъ услугу Екатеринѣ и своимъ друзьямъ и въ другомъ

---

[1]) На русск. языкѣ въ 1765 г. издается его „Молодой ученый"; въ 1784 и 88 гг. „Эмилія Галотти" (2-е изд. перев. Карамзина); „Кладъ" въ 1779 и 1788 гг.

[2]) Разбойники, перев. 1793.

[3]) Клавиго 1780; Страсти молодаго Вертера, 1781.

[4]) Въ его сатирическомъ романѣ „Sebaldus Nothanker" отстаивалась свобода мысли и совѣсти противъ формализма и лицемѣрія.

[5]) На нее иногда нападала страсть читать нѣмецкія книги, а офранцуженному нѣмцу Гримму ей приходилось совѣтовать, что̀ прочесть по-нѣмецки и между прочимъ многотомную „Нѣмецкую Библіотеку" Николаи. Она чаще, чѣмъ Гриммъ, вставляетъ нѣмецкія фразы, а въ успѣхѣ нѣмецкой литературы готова была видѣть вліяніе Вольтера: „кто бы могъ думать, что этотъ жесткій языкъ способенъ къ такой пріятности", замѣчаетъ она.

[6]) Узнавъ, что Гердеръ духовное лицо, Екатерина выразила удивленіе, какъ „онъ можетъ быть философомъ".

отношеніи. Онъ старался доказать ей опасность союза съ королемъ прусскимъ и пользу сближенія съ Франціей.

Конечно, Дидро былъ принятъ въ Петербургѣ такъ, какъ одна Екатерина умѣла принимать, по отзывамъ самого Дидро и многихъ другихъ, а когда онъ не рѣшался что-нибудь досказать, то она говорила ему: «продолжайте: между мужчинами все позволяется» [1]). И хотя она откровенно высказывала ему замѣчанія о несбыточности его теорій, но онъ писалъ въ Парижъ изъ Гаги: «Ахъ, друзья, что за государыня, что за необыкновенная женщина: это душа Брута во образѣ Клеопатры»! [2])—выраженіе, употребленное имъ и въ письмѣ къ Дашковой [3]). Гриммъ дважды побывалъ въ Петербургѣ (1773—74 и 1776—77 гг.) и до конца жизни Екатерины оставался вѣрнымъ исполнителемъ ея порученій. Въ 1782 г. посѣтилъ Петербургъ сынъ знаменитаго Бюффона [4]); а въ 1791 г. Сенакъ де-Мельянъ, переводчикъ лѣтописей Тацита, авторъ сочиненій по исторіи Франціи и общественнымъ вопросамъ, пожелавшій писать исторію Россіи въ XVIII стол. (сынъ его остался здѣсь на службѣ). Мельянъ написалъ сравненіе, въ стихахъ, между Екатериной II и храмомъ св. Петра въ Римѣ; но удовлетворить ея историческихъ требованій онъ не могъ [5])... Въ 1786 г. Лафайэтъ писалъ Гримму: «Она—императрица всего міра во всемъ, что касается до наукъ, до открытій, до словесности, до философіи и до славы» [6]).

Мы упоминали, что Екатерина предлагала Дидро перенести изданіе его энциклопедіи въ Ригу; но это не понадобилось.... Между тѣмъ,

---

[1]) Бьельке Екатерина писала: «признаюсь вамъ, что есть только двѣ женщины на свѣтѣ, съ которыми я могу говорить по получасу сряду; привычка-ли это или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ мужчинами».

[2]) Франц. послан. Беранже допускаетъ сравненіе Дашковой съ Корнеліей.

[3]) По смерти Дидро († 1784) Екатерина нашла въ его библіотекѣ тетрадь, озаглавленную: «Замѣчанія на Наказъ», которыя вызвали съ ея стороны новыя похвалы послѣднему (въ письмѣ къ Гримму) и нѣсколько горькихъ строкъ по адресу Дидро.

[4]) Дидро, Гриммъ (оба съ 1773 г.), Бюффонъ (съ 1776 г.), Галіани (съ 1782 г.) состояли пп. членами Пет. акад. наукъ.

[5]) Екатерина выразилась: «Il tient trop aux principes français». (Храповицкій).

[6]) Изъ другихъ лицъ, посѣтившихъ Россію въ цар. Екатерины II, заслуживаютъ вниманія: Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ (1762—64), извѣстный потомъ писатель, авторъ «Павла и Виргиніи» и «Инд. хижины» (рус. перев. 1793 и 1794 гг.), I. Форстеръ-отецъ (1765), ученикъ Страсб. унив. и писатель Л. Г. Николаи (въ 1769 г., потомъ презид. Пет. акад. наукъ), англ. путеш. Коксъ (1778), поэтъ Клингеръ (въ 1780 г.), оставшійся на русской службѣ, пр. де-Линь (въ 1780 и 1787—88 гг.) и др.

съ 1764 г. (—1769 г.) здѣсь поселился Гердеръ. Въ Ригѣ, которая представлялась ему, подъ правленіемъ Екатерины, второй Женевой, онъ проникся уваженіемъ къ автору «Наказа» и сочувствіемъ къ Россіи... Здѣсь же съ 1781—93 г. былъ напечатанъ рядъ сочиненій Канта, начиная съ «Критики чистаго разума».... Будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, Вольтеръ выражалъ желаніе побывать въ Петербургѣ, но Екатерина отклонила его предложеніе (какъ и Франклина): «Это было бы въ родѣ пріѣзда короля шведскаго, писала она Гримму. Помните мои тревоги.... Вы можете ему представить, что Като хороша только издали», прибавляетъ она[1]). Смерть Вольтера (1778 г.) произвела сильное впечатлѣніе на Екатерину. Русскій посланникъ въ Парижѣ, кн. И. Ѳ. Барятинскій, доставилъ ей подробное описаніе послѣднихъ дней жизни Вольтера и обстоятельствъ, сопровождавшихъ его погребеніе. Записка эта найдена была въ наше время въ Моск. архивѣ иностр. дѣлъ и напечатана; а въ 1780 г. Екатерина извѣщаетъ Гримма, что Іосифъ II, въ бытность свою въ Петербургѣ, заказывалъ торжественную обѣдню за упокой души Вольтера, «но я не люблю подражать», говоритъ она съ очевидной ироніей. Статуя Вольтера, работы Гудона, была поставлена въ «утренней залѣ». «Съ тѣхъ поръ какъ тамъ Вольтеръ, въ утреннюю залу ходятъ караваны», писала она. Въ самый разгаръ французской революціи Екатерина выдѣляла изъ среды писателей, обвиняемыхъ въ ней, Вольтера. Принцу де-Линю Екатерина говорила: «Я сѣверная галла; я хорошо понимаю только *старую Францію*; новая мнѣ непонятна». Одного Вольтера она называла своимъ добрымъ другомъ и открыто заявляла, что она обязана ему своимъ образованіемъ... Руссо, напротивъ, не пользовался расположеніемъ Екатерины, хотя она и не обошлась безъ вліянія его идей. Смерть его, почти одновременная съ кончиною Вольтера (1778 г.; о лордѣ Чатамѣ, умершемъ тогда же, она упоминаетъ), прошла для нея не замѣченной[2]). Оно и понятно. Изъ

[1]) «Всѣ привыкли говорить Великая Екатерина, а Вольтеръ говорилъ «божественная Като» (Catau), что соотвѣтствуетъ Дивѣ, слову, которое римляне прилагали къ императрицамъ», пишетъ Гриммъ.

[2]) «Я лишилась двухъ людей, которыхъ никогда не видала, которые меня любили и я ихъ почитала: Вольтера и Чатама», и т. д., пишетъ Екатерина Гримму. Въ 1782 г. она переносится мыслями къ Вольтеру и восклицаетъ: «Ахъ мой учитель, мой учитель! не таковы твои творенія (по сравненію съ критикомъ Лагарпомъ). Они запоминались невольно и даже несогласный съ тобой въ мнѣніи твердилъ тебя и подражалъ тебѣ. Вотъ что называется овладѣть умами и мнѣніями на перекоръ людямъ»!

всѣхъ философовъ прошлаго вѣка Руссо наиболѣе скептически относился къ Екатеринѣ и Россіи....[1])

Преданность Екатерины II современнымъ философскимъ идеямъ подтверждается и опредѣленіемъ въ наставники къ вел. кн. Александру Павловичу (род. 1777 г.) швейцарца Ц. Лагарпа (съ 1784 г.), «который вовсе не изъ льстецовъ и заставляетъ его въ большихъ пріемахъ глотать всякія горькія истины изъ исторіи и другаго рода», пишетъ она Гримму. Лагарпъ оставался наставникомъ Александра до к. 1794 г., и никакія инсинуаціи не успѣли подѣйствовать въ ущербъ его положенію; оставилъ же онъ Россію по другимъ причинамъ. «Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно», сказала она однажды Лагарпу. Переписка и учебныя тетради его ученика подтверждаютъ, что образованіе Александра велось въ духѣ той же философіи, а образцами историческаго героизма и добродѣтели выставляются въ нихъ лучшіе люди древняго міра. И вліяніе это казалось неотразимымъ... Въ настоящее время выяснено, что Екатерина рѣшилась передать престолъ вел. кн. Александру Павловичу, устранивъ отъ него Павла Петровича, и что въ такомъ духѣ составлено было ея завѣщаніе. Вступивъ на престолъ, Александръ объявилъ, что будетъ царствовать «по законамъ и сердцу августѣйшей своей бабки Екатерины Великія и шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ».

Завязавъ сношенія (1785—1791) съ докторомъ Циммерманомъ («философомъ»)[2]), Екатерина снабжаетъ его реляціями на нѣмецкомъ

Она хотѣла пріобрѣсть всѣ мелочи пера Вольтера, чтобы помѣстить его произведенія въ особой залѣ, и планъ фернейскаго замка, для воспроизведенія послѣдняго въ Царскосельскомъ паркѣ.

[1]) Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ его «Эмиля» (1762) Екатерина наложила запрещеніе на эту книгу, какъ писанную «противъ закона и добраго права» (1763). Тѣмъ не менѣе ей нравилась мысль (въ 1779 г.) быть погребенной «въ саду, на острову, какъ Ж. Ж. Руссо въ Эрменонвиллѣ».

[2]) Лейбъ-медикъ при ганноверскомъ дворѣ, врагъ мистицизма и масонства, авторъ соч. «Объ уединеніи» (рус. перев. 1791, 1796; 2-е изд. 1803), понравившагося Екатеринѣ. Она познакомилась и съ другимъ соч. Циммермана: «О народной гордости», переводъ котораго (рукоп.?) посылала ему въ 1785 г. Впослѣдствіи Новиковъ подвергся обвиненію за изданіе этой книги. Ц-нъ рекомендовалъ Екатеринѣ врачей и техниковъ, которыхъ она посылала въ губерніи, находившіяся подъ управл. Потемкина. Почти одновременно она приняла на службу докт. Вейкарда, автора сочин. «Врачъ-философъ, а черезъ Циммермана вступила въ сношенія съ извѣстнымъ художникомъ Рейнольдсомъ, директ. Лонд. акад. худ., присылавшимъ ей свои картины

языкѣ о военныхъ дѣлахъ, возраженіями на политическія нападки (иногда одновременно съ письмами къ Гримму), своими законодательными актами и драматическими произведеніями, направленными противъ Каліостро и масоновъ.

Такое близкое отношеніе Екатерины къ представителямъ современной мысли на Западѣ не могло не отразиться на русской литературѣ. Такъ, съ начала ея царствованія (съ 1763 г.) идетъ длинный рядъ переводовъ на русскій языкъ сочиненій Вольтера, то въ отдѣльномъ видѣ, то въ сборникахъ, большинство которыхъ приходится на 70-ые и 80-ые годы [1]). Общее количество ихъ насчитываютъ свыше 60 названій (изданій), а въ 1789 г. въ Москвѣ предположено было изданіе полнаго перевода его сочиненій, впрочемъ неосуществившееся. Кромѣ того, переводились соч. Монтескье [2]), Дидро [3]), д'Аржанса, Мерсье [4]), Гельвеція [5]), Мопертюи [6]), Руссо [7]), д'Аламбера [8]), Бюффона, Кондильяка (Логика), Мармонтеля [9]), Мабли, Юма, Робертсона и др. Въ

и рѣчи. Въ моментъ политическихъ затрудненій (1791), Екатерина направляла свои письма къ Циммерману черезъ Берлинъ, «чтобы тамъ, раскрывъ (перлюстрація писемъ и донесеній была распространена въ XVIII в.), увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣды»; «хочу доказать пруссакамъ, что ихъ не боимся» и «дабы чрезъ то дать знать прусскому королю, что турокъ спасти не можетъ», говоритъ она (Храповицкій).

[1]) См. Языковъ: «Вольтеръ въ русской литературѣ» (Древ. и Н. Рос. 1878).

[2]) Размышленія о причинахъ величества Рим. народа и его упадка, Спб. 1769; Персидскія письма, Спб. 1789, 1792 и др.

[3]) Побочный сынъ или искушеніе добродѣтели, ком. (1765, 1788), Чадолюбивый отецъ, ком. (1765, 1788), Мщеніе, нравоуч. пов. (1796).

[4]) Женеваль, драма (1778, 1788), Сны философическіе (1780), Бѣглецъ, драма (1784), Уксусникъ, драма (1785), Картина Парижа, обширное нравоописат. сочиненіе (ч. I, 1786), Судья, драма (1788), Мой спальный колпакъ (1789), Зоя, драма (1789), Наталья, драма (1794). Пьесы его имѣли большой успѣхъ на русской сценѣ (Драматическій словарь, М. 1787).

[5]) Духъ Гельвеція, Тамб. 1788.

[6]) Опытъ нравоучительной философіи, Сп. 1777.

[7]) Разсужденіе на вопросъ о томъ, возстановленіе наукъ и худож. способствовало ли исправленію нравовъ (1767, 1787, 1792), Новая Элоиза (1769), Разсужд. о началѣ и основаніи неравенства между людьми (1770, 1782), Эмиль и Софія (1779), Исповѣданіе (1797) и др.

[8]) Сочиненія. Спб. 1784; М. 1790 и др.

[9]) Его «Велизарій» имѣлъ нѣсколько переводовъ и изданій, не считая другихъ сочиненій.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что переводы того времени не отличались полнотою и не всегда давали важнѣйшія произведенія авторовъ.

1767 г. Херасковъ издаетъ въ Москвѣ собраніе «Переводовъ изъ Энциклопедіи» (3 чч.); Болтинъ перевелъ «Энциклопедію» до буквы *К*, а Веревкинъ собирался перевести всю «Энциклопедію». Русскій читатель могъ въ то время читать на своемъ языкѣ разсужденіе Руссо «о неравенствѣ между людьми» (1770) и проектъ аббата Сенъ-Пьера «о всеобщемъ и вѣчномъ мірѣ» (1771), соч. Гоббза «о гражданинѣ» (1776), и «Утопію» Томаса Моруса (1789). Въ русскомъ обществѣ появляются такъ наз. «вольтеріанцы» (Каринъ, Рахманиновъ, кн. Горчаковъ, Карцовъ, Опочининъ, Клушинъ), и не только въ средѣ болѣе культурной, но и въ среднемъ классѣ, распространяются печатныя и рукописныя сочиненія названныхъ корифеевъ, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ современные мемуары и литературныя произведенія. Французскій повѣренный въ дѣлахъ при петербургскомъ дворѣ Жене («онъ ярый демагогъ», по выраженію Екатерины) сообщаетъ о сочувственномъ пріемѣ на сценѣ «Свадьбы Фигаро» Бомарше [1]) и отсюда дѣлаетъ слишкомъ широкія заключенія о вліяніи современныхъ политическихъ идей въ Россіи [2]). Воспитаніе часто ведется въ томъ же духѣ. Сынъ гр. А. С. Строганова (другъ импер. Александра) воспитывался (съ 1779 г.) подъ руководствомъ Жильбера Ромма, впослѣдствіи одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ конвента; въ домѣ П. А. Толстого находился Сеже, — потомъ секретарь женевскаго революціоннаго комитета; въ домѣ Куракиныхъ—пруссакъ Брюкнеръ, истый вольтеріанецъ; въ домѣ В. П. Салтыкова—Маратъ, братъ члена конвента, перемѣнившій потомъ свою фамилію въ де-Будри, и т. п. Воспитаніе гр. П. А. Строганова началось съ чтенія Мармонтеля (Велисарій) и древнихъ писателей. Роммъ цѣловалъ руку Екатеринѣ, написалъ сочувственный о ней отзывъ (про себя), поднесъ ей своего изобрѣтенія чернильницу съ искуснымъ механизмомъ. Наконецъ, онъ путешествовалъ со своимъ вос-

[1]) Сочиненія Бомарше («лучшаго сочинителя комедій нашего времени») переводятся и на русскій языкъ (Евгенія, ком. въ 5. д., М. 1770; Севильскій цирюльникъ, Спб. 1780, Калуга 1794; Фигарова женитьба, М. 1787, изд. Новикова). Они имѣли большой успѣхъ, «какъ въ переводѣ, такъ и въ представленіи», по отзыву современника (Драматической словарь). Второе изъ нихъ «очень любила» Екатерина; послѣднее ей не понравилось. «Вѣроятно подражаніе древнимъ вывело на сцену этотъ дурной вкусъ», пишетъ она Гримму. Похваливъ Мольера за «неподдѣльную веселость», «свободу выраженій» и «отсутствіе двусмысленностей», о «Свадьбѣ Фигаро» она замѣчаетъ: «это сѣть интригъ, на которую потрачена продолжительная работа и нѣтъ ни капли правдоподобія. Я ни разу не засмѣялась при чтеніи; можетъ быть игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ».

[2]) Благопріятныя для того условія онъ готовъ былъ видѣть въ умноженіи «нормальныхъ» школъ, въ недовольствѣ крестьянъ, обнадеженныхъ свободою, и т. п.

питанникомъ по Россіи и за границею (съ 1787 г.), гдѣ и застала ихъ революція, пока Екатерина не обратила вниманія на поведеніе молодого Строганова въ Парижѣ.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ предпринимался (въ 1789 г.) переводъ всего Вольтера, стало извѣстно (черезъ того же прот. Алексѣева, который думалъ причинить непріятности Платону въ дѣлѣ Новикова), что м. Платонъ неблагопріятно отозвался о перепискѣ съ нимъ императрицы. Но, узнавъ объ этомъ, Екатерина поручила передать послѣднему, «что сама собою та переписка весьма невинна, когда тотъ 80-тилѣтній старикъ старается своими сочиненіями прославить Россію и унизить враговъ ея; а потому, прибавляетъ она, письма, писанныя къ безбожнику, кажется не нанесли вреда ни церкви, ни отечеству»[1]). И она распорядилась, чтобы переводъ сочин. Вольтера печатался не иначе, какъ съ одобренія митр. Платона.

Достаточно здѣсь сказать, что значеніе литературы въ цар. Екатерины II должно было значительно подняться, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, и расшириться въ своемъ вліяніи. Сама Екатерина писала и печатала весьма много, въ разнообразныхъ родахъ, заботясь притомъ, чтобы не только ея сочиненія, но и законодательные акты, были переведены на иностранные языки, а затѣмъ обыкновенно она разсылала ихъ своимъ друзьямъ и агентамъ. Означенные акты нерѣдко весьма обширны и снабжены историческими примѣрами и нравственными сентенціями, въ интересахъ болѣе широкаго распространенія излюбленныхъ ею идей. Не менѣе важны ея переписка и записки по разнымъ вопросамъ, далеко еще не изданныя вполнѣ.[2])

Къ этому времени относятся имена многихъ выдающихся писателей; но здѣсь важно то, что литература отзывалась на важнѣйшіе вопросы, затронутые Екатериною или связанные съ ея царствованіемъ. Екатерина умѣла вселять любовь къ литературѣ и лицамъ, ея окружавшимъ (Гр. Орловъ, Потемкинъ, Ланской и др.),

---

[1]) Екатерина не преминула похвалиться, что перепискою съ Вольтеромъ она смѣнила Шуазеля, а по корреспонденціи съ Циммерманомъ—Герцберга (Храповицкій).

[2]) Екатерина выражалась, что она дня не можетъ прожить, не писавши, или видѣть вновь очиненнаго пера, чтобы не обмакнуть его, и отказывалась отъ совѣта диктовать другому («тогда прощай и перо и мысли»). А на похвалы Гримма ея стилю, она отвѣчала: «Французская проза моя плоха, а нѣмецкая еще хуже. Знаете ли, въ чемъ источникъ языка Екатерины? Въ томъ, что она не знаетъ основательно ни одного языка».

которыя старались вторить ея вкусамъ, а ея статсъ-секретари были прекрасные стилисты, принимавшіе близкое участіе въ ея литературныхъ трудахъ и правительственныхъ актахъ. Переводная литература ея времени знакомила читателей съ лучшими произведеніями французской и англійской беллетристики (нравоучительный, комическій и сатирическій романъ) [1]), мѣщанской драмы и комедіи [2]), оказавшихъ свое вліяніе на развитіе русскаго театра [3]). Рядомъ съ этимъ въ широкихъ размѣрахъ развивается журнальная дѣятельность и Екатерина сама принимаетъ въ ней дѣятельное участіе (Собесѣдникъ, Всякая Всячина); появляются журналы въ провинціяхъ (въ Ярославлѣ, въ Тобольскѣ), ученыя изданія и сборники (Древняя Рос. Вивліоѳика и ея Продолженіе; Спб. ученыя Вѣдомости, Повѣствователь древностей россійскихъ и т. п.) [4]). Чтобы судить объ этомъ литературномъ движеніи, достаточно сказать, что до Екатерины II насчитывается всего ок. 15 періодическихъ изданій и сборниковъ, а въ ея царствованіе до 90.

Значеніе Н. И. Новикова, какъ издателя сатирическихъ журналовъ въ первую половину цар. Екатерины, хорошо извѣстно. Не напрасно поэтому отзывался о немъ И. В. Кирѣевскій, что Новиковъ—это тотъ человѣкъ, который подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа. Но, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, наступившихъ потомъ, сатира не умерла совсѣмъ. Въ 1789 г. является «Почта духовъ», изд. И. А. Крыловымъ, въ которой, какъ полагаютъ, принималъ участіе и Радищевъ, а затѣмъ «Сатирическій Вѣстникъ (1790—92; 2-е изд. 1795 г.) Н. И. Страхова, въ которомъ видятъ издателя, принадлежавшаго къ благородной группѣ гуманистовъ прошлаго вѣка, во главѣ которыхъ стоялъ Новиковъ. Въ 1793 г. Крыловъ и Клушинъ издавали «С.-Петербургскій Меркурій», въ предисловіи къ

[1]) Ричардсонъ, Фильдингъ, Гольдсмитъ, Смоллетъ, Свифтъ и Стернъ; Мариво. При Екатеринѣ же большой успѣхъ имѣло соч. Прево д'Экзиля: «Жизнь мистера Клевеланда» (Болотовъ), афоризмами котораго пользуется она сама въ одной изъ своихъ комедій.

[2]) Детушъ, Дидро, Бомарше; Лилло, Муръ, Шериданъ и др.

[3]) Въ 1765 г. въ Петербургѣ открывается частный народный театръ, а въ 1773 г. учреждается «публичный театръ», т. е. открытый для каждаго за установленную плату. Дмитревскій, во время своего пребыванія за границей, вступилъ въ близкія отношенія съ Лекеномъ и Гаррикомъ.

[4]) На изданіе Новиковымъ историческихъ памятниковъ Екатерина назначала не разъ щедрыя суммы.

которому говорятъ о множествѣ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, но заявляютъ, что они намѣрены издавать журналъ, «подобный журналамъ иностраннымъ, посвященнымъ литературѣ, критикѣ и театру, а также переводамъ изъ иностранныхъ писателей» (Вольтера, д'Аламбера, Руссо). Въ одной изъ его книжекъ (за апр.) находимъ оду Клушина («Человѣкъ»), проникнутую, какъ и оды Державина, уваженіемъ «къ сану человѣка», а въ другой (августъ)—выдержки изъ «Вадима Новгородскаго».

Не считая ученыхъ академическихъ изданій, появляются журналы по естественной исторіи (Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи 1788—1790), медицинѣ (Спб. Врачебныя Вѣдомости, еженедѣльно, 1792—1794—первый медицинскій журналъ), сельскому хозяйству (Экономич. Магазинъ 1780—1789), собраніе драматическихъ произведеній (Россійскій Ѳеатръ 1786—1794) и т. п. Въ 1789 г. предпринимается изданіе, имѣвшее цѣлью «чрезъ разные роды твореній открыть путь къ ясному познанію главнѣйшихъ обязанностей человѣка въ особенности, а наипаче гражданина» («Бесѣдующій Гражданинъ», 3 части, съ эпиграфомъ изъ Наказа). Сдѣлана была попытка обсужденія судебныхъ дѣлъ въ литературѣ при посредствѣ спеціальнаго органа (Театръ судовѣдѣнія 1791, 6 частей), посвященнаго императрицѣ и представляющаго собраніе иностранныхъ и русскихъ судебныхъ процессовъ съ критическими замѣчаніями издателя (Вас. Новикова), проникнутыми сочувствіемъ къ отмѣнѣ пытки, улучшенію тюремъ (согласно съ Говардомъ), народному образованію и судебной гласности, которая, по мысли издателя, должна была оказать вліяніе на улучшеніе судопроизводства.[1]) Съ 1790 г. (по 1830), подъ редакціей и при участіи московскихъ профессоровъ, сталъ выходить переводъ «Политическаго журнала», издававшагося въ Гамбургѣ «обществомъ ученыхъ мужей» и обстоятельно знакомившаго публику съ политическими событіями во всѣхъ странахъ.

Въ значительной степени этому литературному движенію содѣйствовалъ указъ 1783 г., дозволившій заводить частныя типографіи,

---

[1]) Князь Щербатовъ былъ также сторонникомъ судебной гласности; а Радищевъ въ извѣстномъ «Путешествіи» говоритъ: «Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть книгу Блэкстона вмѣсто святцовъ и принуждать ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь».

на правахъ фабрикъ и становъ [1]). Такимъ образомъ появляются типографіи во многихъ городахъ, при намѣстническихъ управленіяхъ и разныхъ учрежденіяхъ, не исключая Сибири (въ 1789 г. открыта была типографія въ Тобольскѣ), и даже въ селахъ—у любителей помѣщиковъ. Нѣкоторое время существовала типографія у раскольниковъ въ Клинцахъ (Черниговъ. губ.). Въ свою очередь, развитіе типографскаго дѣла отражается на умноженіи книжныхъ лавокъ.

До времени Екатерины II встрѣчается уже нѣсколько именъ женщинъ-писательницъ; но расцвѣтъ ихъ дѣятельности относится къ ея вѣку, а именно насчитываютъ до 70 именъ писательницъ, выступившихъ на литературное поприще въ это время, о которыхъ современники говорятъ иногда, какъ о «любительницахъ свободныхъ наукъ и художествъ». Многія изъ нихъ примыкали къ плеядѣ извѣстныхъ писателей или принимали участіе въ тогдашнихъ журналахъ. Въ Тамбовѣ кружокъ женщинъ-писательницъ группировался около Державина; а въ Рязани кн. Волконская образовала нѣчто въ родѣ литературнаго общества, въ которомъ произнесла рѣчь «О вліяніи женщинъ на изящныя искусства» и т. п. Само собою ясно, что почти всѣ русскія писательницы XVIII стол. принадлежали къ высшему кругу. Назначеніе кн. Дашковой директоромъ Академіи наукъ и презид. Рос. академіи подало поводъ иностранцамъ дѣлать замѣчанія относительно широкихъ правъ женщинъ въ Россіи. Не менѣе любопытно, что въ 1784 г., на счетъ Академіи наукъ, при участіи Дашковой, была напечатана книга «О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола» (перевед. въ Москвѣ, подъ руковод. прот. П. Алексѣева [2]).

Вліяніе новыхъ идей отражается и въ духовной литературѣ. Такъ, въ 1772 г., по желанію Екатерины, синодомъ предпринято было, при участіи архіеп. Гавріила и Платона изданіе сборника лучшихъ словъ

[1]) Со времени Петра В. до 1783 г. насчитываютъ до 20 типогр. при гражданскихъ, ученыхъ и воен. учрежденіяхъ въ столицахъ, а также въ нѣкоторыхъ городахъ. Съ 1771 г. стали выдаваться разрѣшенія на открытіе «вольныхъ» типографій.

[2]) Подлинникъ писанъ на латинскомъ языкѣ герметическимъ философомъ Г. К. Агриппою († 1534) и посвященъ Маргаритѣ Австрійской. Авторъ доказываетъ преимущество женщины передъ мужчиною и называетъ ее какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи вѣнцомъ созданія.

Въ «Московскомъ Ежемѣсяч. изданіи» 1781 г. Новиковъ проводилъ идею равнаго образованія мужчинъ и женщинъ (Разговоръ Аспазіи съ Аристиппомъ о томъ, прилично ли женщинамъ быть учеными).

на воскресные и праздничные дни, направленныхъ къ тому, чтобы содѣйствовать развитію чувства нравственнаго долга, сознанію общественныхъ обязанностей, искорененію суевѣрія и лицемѣрія, обмана, взяточничества, «жестокаго обращенія» съ рабами и т. п., при чемъ требовалось, чтобы сочиненія эти облечены были въ форму простую и общедоступную, которая привлекала бы слушателей живостію и легкостію изложенія; а источниками и пособіями должны были служить лучшія произведенія духовныхъ писателей, древнихъ и новыхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Такимъ образомъ, на страницахъ этого изданія помѣщены были сочиненія Іоанна Златоуста, Миніата, Сорена, Бурдалу, Мосгейма, Геснера [1]). Изъ русскихъ сочиненій здѣсь находятся поученія Гавріила, Гедеона Криновскаго и Платона, на долю котораго приходится болѣе одной трети всего собранія [2]).

Но никто, безъ сомнѣнія, не оказалъ такого сильнаго вліянія на издательскую дѣятельность, какъ Н. И. Новиковъ. Онъ, по справедливому выраженію И. В. Кирѣевскаго, не распространилъ, а создалъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10000 р. с., а черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было 20 и книгъ продавалось на 200000 р. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; распускалъ почти даромъ (отсюда долги на типографіи) тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда Россія была, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: появленія *общественнаго мнѣнія* [3]). Теперь возникаютъ литературныя общества, общественныя библіотеки (Тула, Калуга); развивается, по свидѣтельству Болотова, страсть къ газетамъ, чтенію, обширная рукописная литература. Въ помѣщичьихъ домахъ появляются библіотеки и коллекціи картинъ и эстамповъ.

---

[1]) Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, 3 чч., in fol., славян. шрифт. Спб. 1775 г., М. 1776 и нѣск. др. изданій. Синодъ распорядился, чтобы поученія эти читались во всѣхъ церквахъ.

[2]) Сочиненія Платона переводились и на иностр. языки. Вольтеръ отзывался о немъ: «qui a fait des sermons que l'ancien Platon grec n'aurait pas désavoués».

[3]) Кирѣевскій сравниваетъ дѣятельность Новикова въ этомъ отношеніи съ дѣятельностью «его славнаго современника» — Франклина, но «послѣдствія ея, говоритъ онъ, столь жа различны, сколь отлична Россія отъ Соедин. Штатовъ».

Къ концу царствованія Екатерины относится проектъ публичной библіотеки—въ Петербургѣ; но той же цѣли служили здѣсь и частные клубы съ кабинетами для чтенія[1]). Въ Москвѣ возникновеніе вольной публичной бибіотеки (безплатной) связано съ дѣятельностью того же Новикова.

Любопытный примѣръ помѣщика-литератора представляетъ А. Т. Болотовъ, авторъ многотомныхъ записокъ, находившійся въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ В. экономич. обществомъ и Новиковымъ, а также состоявшій членомъ Лейпцигскаго экономич. общества. Онъ со вниманіемъ слѣдилъ за улучшеніями въ сельскомъ хозяйствѣ и успѣхами въ области электричества. Въ 1778—79 гг. онъ предпринялъ въ Москвѣ изданіе сельско-хозяйственнаго характера («Сельскій Житель»), а съ 1780—89 гг. издавалъ «Экономическій Магазинъ», въ видѣ приложенія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», издателемъ которыхъ былъ Новиковъ. Съ любопытствомъ слѣдилъ также Болотовъ за современными событіями, при чемъ составлялъ, по иностраннымъ извѣстіямъ (изъ гамбургскихъ газетъ) «исторію французской революціи», которую и читалъ потомъ въ кругу своихъ деревенскихъ пріятелей [2]). Вотъ какъ Болотовъ заканчиваетъ 1791 годъ своихъ записокъ: «Библіотека моя никогда не имѣла столь дружнаго и многаго приращенія, какъ въ сей годъ. Къ ней прибавилось болѣе 300 волюмовъ; а чтеніе мое въ сей годъ было такъ многочисленно, что въ теченіе всего года, по запискамъ моимъ, прочтено мною до 220 книгъ».

Примѣръ вліянія идей изъ другой сферы—даровитый самоучка (архіерейскій пѣвчій, а потомъ губерн. прокуроръ) Добрынинъ, авторъ оригинальныхъ записокъ. «Пользуясь свободою времени, читалъ я разныя книги, говоритъ онъ. Я сердился на пространство древне-греческой и римской исторіи, но былъ доволенъ *переводившимъ оныя* (соч. Ролленя и Кревьера) господиномъ Тредьяковскимъ... Квинтъ Курцій не меньше плѣнилъ меня, какъ на девятилѣтнемъ возрастѣ Бова-Королевичъ... Прочитавъ нѣкоторые *переводы* Лесажа, Вольтера и Монте-

---

[1]) Англійскій клубъ (съ 1770 г.), музыкальный (съ 1772), мѣщанскій (съ 1776) дворянскій (съ 1790). Со времени гр. Ангальта библ. Сухопут. кадет. корпуса была открыта для публики (Георги, Опис. Петербурга).

[2]) Тульскій намѣстникъ (Е. П. Кашкинъ) въ 1791 г. давалъ ему читать «революціонный альманахъ», бесѣдовалъ съ нимъ о книгахъ и политическихъ происшествіяхъ и читалъ съ нимъ же «Минерву» Архенгольца, которую выписывалъ.

скю, *мнѣ внушилось*, что проповѣди епископовъ греческаго Менятія, россійскаго Гедеона псковскаго (конечно въ указанномъ выше сборникѣ) суть спасительныя нравоученія, произведенныя усиліемъ навыка, ограниченнаго властью закона, но произведенія первыхъ трехъ суть явленія, отверзающія умственной глазъ подобныхъ имъ человѣковъ и оживотворяющія ощутительно душу *мыслящаго существа*» [1]).

Понятно, что міросозерцаніе, усвоенное вмѣстѣ съ этими идеями, не всегда удовлетворяло ихъ послѣдователей одною своею теоретическою стороною. Интересный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ, несомнѣнно образованный, ярославскій дворянинъ И. М. Опочининъ. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи. «Книги! Мои любезныя книги! Не знаю кому оставить ихъ? Я увѣренъ, что *въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны*. Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню. Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни; онѣ были главнымъ пунктомъ моего удовольствія. Напослѣдокъ, если бы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ въ презрѣніи сей свѣтъ». И затѣмъ, рѣшивши покончить съ собою (въ 1793 г.), онъ продолжаетъ: «Послѣ смерти нѣтъ ничего!... *Я никакой причины* не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоропостижно. А напослѣдокъ *самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе*, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу». Въ заключеніе, помѣстивъ переводъ одного изъ стихотвореній Вольтера, онъ прибавляетъ: «Безъ всякаго смущенія взираю я на смерть, предстоящую предъ моими очами» [2]).

Мы подошли къ тому моменту, когда совершается очевидный поворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ Екатерины, сопровождающійся явленіями, извѣстными въ исторіи подъ именемъ реакціи. Чѣмъ же вызывается этотъ переломъ, какъ онъ проявился у насъ и

---

[1]) Сперанскій говоритъ: «Въ Главной семинаріи (т. е. Александроневской) мы попали (послѣ 1790 г.) къ такому учителю, который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдывалъ намъ Вольтера и Дидерота». Въ Бугульмѣ читали соч. Мерсье и Вольтера (Винскій). И въ средѣ духовныхъ лицъ были поклонники и переводчики Вольтера, д'Аламбера и Руссо.

[2]) Историч. Вѣстникъ 1883, т. XI, 224—226.

почему Екатерина не устояла противъ общаго теченія? Вотъ вопросы, заслуживающіе вниманія и объясненія.

IV.

Связанная на первыхъ порахъ извѣстными отношеніями къ Фридриху II, Екатерина никогда не была расположена ни къ нему, ни къ его принципамъ. Уже въ 1765 г. она писала Жоффренъ: «Что бы вы не говорили, а я думаю, что я и король прусскій не ужились бы вмѣстѣ[1])». Постоянныя «интриги» Фридриха, которыми онъ самъ такъ хвалится («шалунъ въ политикѣ», по выраженію Екатерины), возвышеніе Потемкина (1775) и смерть Панина (1783) содѣйствовали сближенію Россіи съ Австріей, которое сопровождалось широкими планами о раздѣлѣ Турціи и дѣйствительными пріобрѣтеніями на югѣ. Съ этого времени отношенія къ Пруссіи не улучшались болѣе и даже грозили не разъ перейти въ прямо враждебныя. За то импер. Іосифъ II называется уже «нашимъ лучшимъ другомъ». Только въ кратковременное пребываніе въ Россіи гр. Сегюра (1785—1789) отношенія къ Франціи значительно смягчились[2]). Но съ 1787 г. до пол. 1791 г. Екатерина была отвлечена войнами съ Турціей и Швеціей, а потому она не могла сосредоточиться на событіяхъ во Франціи. Ей нравилось созваніе нотаблей (1787), которое она сравниваетъ со своею коммиссіею; она привѣтствуетъ вступленіе въ управ-

---

[1]) Хотя Екатерина выражалась: «Je peux m'accomoder de tous les caractères. Je suis comme Alcibiade à Sparte et dans Athènes». Тѣмъ не менѣе о Фридрихѣ II (по поводу его «Oeuvres posthumes») она отозвалась: «Покойникъ († 1786) былъ уменъ и постигалъ всѣ причины, а теперь трудно ладить съ глупымъ преемникомъ его престола» (Храповицкій).

[2]) Екатерина говорила, что Франція «болѣе другихъ державъ любитъ турокъ». Она помнила дѣйствія гр. Бонневаля и бар. Тотта въ Константинополѣ, посылку французскихъ инженеровъ и офицеровъ на помощь туркамъ и т. п., а Франція, преслѣдуя свои торговые интересы на Востокѣ, опасалась возможности раздѣла Турціи. Но Сегюру удалось въ 1786 г. заключить съ Россіей благопріятный торговый договоръ въ тотъ моментъ, когда англ. министръ считалъ безполезнымъ возобновленіе своего торговаго трактата (Англія присоединилась къ лигѣ прусскаго короля и курфирстовъ). Такимъ образомъ на долю Франціи доставались тѣ выгоды, которыя утрачивала Англія. Договоръ этотъ сохранялъ силу до смерти Людовика XVI. Екатерина думала уже воспользоваться услугами французскихъ инженеровъ, отозванныхъ изъ Турціи. Она утверждала, что Сегюръ понимаетъ силу Россіи и нигдѣ, кромѣ послѣдней, министромъ быть не желаетъ (Храповицкій).

левіе (вторично) Неккера и даже съ похвалою отозвалась о рѣшеніи короля созвать государственные чины, для котораго опять находитъ оправданіе въ своихъ дѣйствіяхъ [1]); но затѣмъ и къ Неккеру, и къ національному собранію она относится съ полнымъ негодованіемъ, а со времени взятія Бастиліи (14 іюля 1789 г.) со вниманіемъ начинаетъ слѣдить за событіями во Франціи, при чемъ не сочувствуетъ двойственному поведенію короля. Она утверждаетъ, что не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: «(Ла)Фаэта, какъ честолюбца, взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ! Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествія», говоритъ она своему ст. секретарю [2]). И вслѣдъ за тѣмъ (съ сент. 1789 г.) она предсказываетъ уже дурныя послѣдствія для королевской власти. Она взываетъ къ мужеству Генриха IV, котораго такъ превозноситъ, къ тѣнямъ Буало и Вольтера; предвѣщаетъ Людовику (послѣ того какъ чернь принудила его поселиться въ Тюльери) участь Карла I англійскаго; ссылается на мнѣніе Кромвеля о бунтахъ и даже на отзывы Руссо о вольности (въ Польшѣ) [3]). Тѣмъ

---

[1]) «Онъ (король) такъ поступилъ въ разрѣшеніи затрудненій, какъ я въ положеніи о дворянствѣ, всѣ неясности отнесены къ милости», выразилась Екатерина въ янв. 1789 г. (Храповицкій); но почти одновременно (дек. 1788) она писала пр. де-Линю: «Я была воспитана въ любви и уваженіи къ республикамъ, но опытъ убѣдилъ меня, что чѣмъ болѣе собирается народу для разсужденія, тѣмъ болѣе слышно безразсудныхъ рѣчей». Историки (Токвиль, Сорель) указываютъ, какъ современныя правительства неясно представляли все значеніе современнаго движенія. И Екатерина готова была думать, что здѣсь «галлы силятся изгнать франковъ, но франки снова возвратятся», и «что изгнаніе дворянства—это изгнаніе галлами франковъ-побѣдителей» (письма къ Гримму 1793 г.), какъ бы въ соотвѣтствіе извѣстной теоріи Буленвилье. Національное собраніе представляется ей гидрою о 1200 головахъ; она соглашается относительно положенія дѣлъ съ мнѣніемъ Эдм. Борка—«англійскаго Демосѳена»; а защищая (1793) философовъ отъ упрека въ подготовкѣ революціи, всю вину взваливаетъ на адвокатовъ, прокуроровъ и т. п. людей, которые лишь прикрываются ихъ принципами; но нѣсколько позже (1794) она уже одинаково говоритъ объ «иллюминитахъ, мечтателяхъ и философахъ». Напрасно, однако, Гриммъ радовался, что Вольтеръ не дожилъ до настоящаго момента, а Екатерина негодовала на погребеніе его въ Пантеонѣ рядомъ съ Мирабо. Въ письмѣ къ аббату Шовелену (1764 г.) Вольтеръ ясно выразилъ свой взглядъ на предстоявшія событія.

[2]) Припомнимъ Румянцева, Мельгунова и др. Гримму она писала: «Что касается до Франклина, онъ долженъ былъ выдти, чѣмъ есть, коль скоро природа обдѣлила его государя способностью сдѣлать изъ него себѣ ближайшаго друга».

[3]) По поводу слуховъ о возможности отмѣны парламентовъ во Франціи она дѣлаетъ заключеніе, тождественное съ мнѣніемъ бывшаго тамъ американ. послан. Джефферсона.

не менѣе до самаго заключенія мира съ Швеціей она ограничивалась одними общими сужденіями на тему о бѣдствіяхъ Франціи и предсказаніями о неизбѣжномъ появленіи новаго Цезаря или Чингисъ-хана [1]), пока не взялъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ Густавъ III. Принимая эмигрантовъ, Екатерина естественно поддавалась ихъ внушеніямъ, но и въ самой коалиціи она участвовала только денежными средствами или наставленіями; а на всѣ, шедшія къ ней, приглашенія взять на себя руководящую роль и оказать дѣятельную помощь войскомъ, она отвѣчала указаніями на свои затрудненія на Востокѣ и въ Польшѣ, или на интриги противъ нея Англіи и Франціи. Съ половины 1790 г революціонная агитація принимаетъ космополитическій характеръ, который долженъ былъ выразиться въ переводѣ прокламацій на всѣ языки, не исключая и русскаго, въ разсылкѣ эмиссаровъ и въ привлеченіи къ этой агитаціи иностранцевъ, жившихъ въ Парижѣ. Къ этому именно времени относится слѣд. замѣтка въ дневникѣ Храповицкаго (26 августа): «Повелѣніе къ Симолину, чтобъ въ Парижѣ всѣмъ русскимъ объявилъ приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію. Тамъ сынъ гр. Ал. Серг. Строганова съ учителемъ своимъ Роммомъ вошли въ члены клуба Жакобиновъ de propaganda libertate» [2]). До Екатерины доходили слухи, что на ея жизнь намѣревались посягнуть, то якобинцы, то поляки-анархисты... «Въ концѣ XVIII в. должно быть убійство человѣка стали считать дѣломъ похвальнымъ, а потомъ увѣряютъ меня, будто Вольтеръ проповѣдывалъ такое ученіе. Вотъ какъ клевещутъ на людей», писала она Гримму... Дѣйствительно, въ дневникѣ Храповицкаго за 8 и 13 апрѣля 1792 г. читаемъ, что сдѣлано было распоряженіе о разысканіи франц. Бассевиля (о немъ писано изъ Германіи), проѣхавшаго черезъ Кенигсбергъ. Стало извѣстнымъ, что въ томъ же 1792 г. гр.

---

[1]) Приводимъ мнѣніе Екатерины о Юл. Цезарѣ: «Цезарь не былъ эгоистъ, пишетъ она Гримму. Геніемъ и отвагою онъ увлекался за предѣлы посредственности и становился выше самого себя. Онъ искалъ славы, во чтобы ни стало; она была его кумиромъ; онъ не давалъ себѣ пощады, а эгоистъ всегда щадитъ себя». «Когда же придетъ Цезарь?» взываетъ не разъ она.

[2]) Впрочемъ, и послѣ того русскіе посылались за границу: въ 1793 г.—Клушинъ (онъ не поѣхалъ) и др. Къ 1789 - 90 гг. относятся «письма русскаго путешественника» Карамзина, которыя, какъ и письма Фонъ-Визина (1778 г.), даютъ матеріалъ для характеристики другого теченія въ жизни русскаго образованнаго общества относительно идей и событій, имѣвшихъ мѣсто во Франціи.

Монтегю, подъ видомъ эмигранта, былъ принятъ въ черноморскій флотъ, а потомъ открылось, что онъ былъ якобинецъ и ему поручено было сжечь этотъ флотъ. Его отправили въ Петербургъ, на эшафотѣ надъ нимъ сломали шпагу и сослали на работы въ Сибирь[1]). Въ 1794 г. допрашивали какого-то эмигранта Дебру и т. п. Убійство Густава III (въ мартѣ 1792 г.) и замыслы революціонной партіи (1793) на жизнь короля прусскаго и герцога іоркскаго не могли не оказывать извѣстнаго вліянія и на Екатерину. Послѣ казни Людовика XVI она повелѣла истребовать отъ французовъ, пріѣзжающихъ въ Россію, присягу на вѣрность Людовику XVII и выслать тѣхъ изъ нихъ, которые откажутся отъ присяги. Къ этому присоединяется революціонное движеніе въ Польшѣ, сопровождавшее послѣдніе годы ея независимости.

Избраніе на престолъ Станислава Понятовскаго означало подчиненіе Польши—Россіи, и вполнѣ понятно, что Екатерина была недовольна колебаніями короля и уклоненіемъ его отъ извѣстнаго образа дѣйствій[2]). Проектъ вѣчнаго союза Польши съ Россіей $^{5}/_{16}$ окт. 1793 г. былъ дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же отношеній. Но тотчасъ послѣ принятія этого договора Екатерина потребовала уже распространенія присяги и на французовъ, проживавшихъ въ Польшѣ, такъ какъ тогдашняя дипломатія объясняла извѣстныя явленія въ политической жизни Польши вліяніемъ якобинскихъ принциповъ, усвоенныхъ поляками, и указывала на существованіе въ Варшавѣ тайнаго якобинскаго клуба.

Не станемъ судить о томъ, какъ отнеслись бы къ этимъ событіямъ Фридрихъ II († 1786) и Іосифъ II († 1790)[3]), но преемники ихъ обоихъ примкнули къ коалиціи. И въ Австріи, и въ Пруссіи насту-

---

[1]) Записки Энгельгардта. По оффиц. даннымъ, онъ былъ обвиненъ въ шпіонствѣ.

[2]) Въ одной изъ своихъ записокъ Екатерина писала: «Польша должна остаться какъ есть по конвенціямъ съ нею трехъ державъ». И впослѣдствіи, жалуясь Гримму (1792) на непостоянство польскаго короля, оскорбившаго «свою благодѣтельницу», она заявляла (полякамъ), что защищаетъ «польскую республику».

[3]) Впрочемъ, его непріязненное отношеніе къ дѣлу Соединенныхъ Штатовъ извѣстно. Екатерина по этому поводу писала: «Франклинъ, Динъ (Dean) за то, что выставляли вещи такими, какими они были, когда они находились въ Англіи, отнюдь не заслуживали быть повѣшенными: ихъ надлежало слушать и поступать по-англійски, не надлежало возбуждать американцевъ и потомъ дать перевѣсъ монарху, говорю это однимъ словомъ и всегда» (1778). Но въ другомъ мѣстѣ она заявляетъ: «Je ne l'aime pas—portrait de Franklin» (Храповицкій).

пили вполнѣ реакціонныя времена, сопровождавшіяся весьма печальными явленіями. Суровая цензура наблюдала за книгами и рѣчами; философскія и медицинскія сочиненія подвергались спеціальному просмотру. Обращеніе въ Пруссіи «Всеобщей Нѣмецкой библіотеки», издав. Николаи, было одно время воспрещено. Репрессія распространилась и на университеты. Уложеніе Фридриха II, которое должно было войти въ силу въ 1792 г., подверглось (1793 — 94) искусственнымъ искаженіямъ. Участь крестьянъ была значительно отягощена. Реакція коснулась Венеціи и Англіи, гдѣ также принимались репрессивныя мѣры. Habeas corpus актъ, по предложенію Питта младшаго, былъ отмѣненъ (въ нач. 1795 г.),—вызвавъ, правда, сильную оппозицію, во главѣ которой стоялъ Фоксъ,—и билль объ его отмѣнѣ примѣнялся съ большою суровостью.

Россія не осталась въ сторонѣ отъ вліянія этой политики..... 23 сент. 1792 г. Кондорсе былъ исключенъ изъ членовъ Академіи наукъ [1]). Говорятъ, что бюсты Вольтера и Фокса (противившагося участію Англіи въ коалиціи) были вынесены изъ галлереи Екатерины [2]). Въ настоящее время отвергнута легенда о преслѣдованіи Княжнина († 1791) за трагедію «Вадимъ Новгородскій», напеч. въ 1793 г., въ Россійскомъ Ѳеатрѣ (ч. XXXIX), Дашковой; но она была изъята оттуда, какъ опасная для власти и порядка, и уничтожена, а между тѣмъ, когда въ 1786 г. явилась трагедія Николева «Сорена и Замиръ», въ которой находились болѣе рѣзкія республиканскія мѣста, такъ что моск. главнокомандующій гр. Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ Екатеринѣ, то она замѣтила ему,

---

[1]) Какъ равно и Берлинской академіи, что объясняется его отношеніемъ къ событіямъ 1792 года.

[2]) Послѣ извѣстнаго акта о нейтралитетѣ (1780), Екатерина чувствовала, что «Англія намъ вездѣ мѣшаетъ» (Храповицкій), а вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала всю трудность вести дѣло съ англійскимъ парламентомъ («довольно знаю исторію Англіи»). «Впрочемъ, прибавляетъ она, во всю мою жизнь я очень дорожила почтеніемъ англійскаго народа» (письмо къ Циммерману 6 іюня 1791 г.). И въ томъ же іюнѣ 1791 г. она распорядилась заказать въ Англіи мраморный бюстъ Фокса, который былъ поставленъ на колоннадѣ въ Эрмитажѣ, подлѣ Демосѳена. «Онъ краснорѣчіемъ своимъ не допустилъ Англію до войны съ Россіей», выразилась она. Другой же бюстъ, бронзовый, сдѣланный съ него, помѣщенъ былъ на колоннадѣ въ Ц. Селѣ «между Демосѳена и Цицерона».... «А мнѣ сказали, что Питтъ тому завидуетъ», замѣчаетъ Храповицкій. Любопытны также мнѣнія Екатерины по этому поводу въ письмахъ къ Гримму.

что этого дѣлать не слѣдовало, «ибо авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью», и сама распорядилась, чтобы Дашкова напечатала пьесу въ Рос. Ѳеатрѣ (ч. V)[1]. Точно также Державинъ, будучи уже сенаторомъ, навлекъ на себя въ 1795 г. неудовольствіе императрицы за поднесеніе ей тетрадки своихъ стихотвореній, въ которой находилось переложеніе 81 псалма, подъ заглавіемъ «Властителямъ и судьямъ»; но онъ успѣлъ оправдаться. Въ томъ же 1795 г. былъ удаленъ изъ Россіи ученикъ Канта, профессоръ древней словесности и эстетики въ Москвѣ — Мельманъ, по поводу высказанныхъ имъ мнѣній о независимости философіи и разума отъ религіи и за толкованіе нравственныхъ идей Канта. Указомъ 16 сент. 1796 г. повелѣвалось учредить цензуру въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и Радзивиловѣ, а частныя типографіи, исключая особо дозволенныхъ, упразднить[2]). Выписка изъ-за границы книгъ была значительно стѣснена. Пѣвецъ «Фелицы» Державинъ признается, что онъ не могъ болѣе писать ей похвальныхъ одъ...

---

[1]) Гр. Завадовскій въ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову (17 нояб. 1793 г.), излагая дѣло о трагедіи «Вадимъ», прямо говоритъ: «Въ самой вещи изданіе *не ко времени*. Она была извѣстна городу и въ уборной государыни долго лежала, по обыкновенію, какъ всѣ новыя книги кладутся. На сихъ дняхъ *кому-то* захотѣлось *протолковать* заключаемый въ ней ядъ».

[2]) Въ указѣ 15 янв. 1783 г. выражено: «типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій», а какъ легко въ это время разрѣшалось открытіе типографій можно судить по слѣд. случаямъ. Бригадиръ И. Г. Рахманиновъ, прозванный «большимъ вольтерьянцемъ», по выходѣ въ отставку (1791), переноситъ свою типографію изъ Петербурга въ с. Казинку Козловскаго уѣзда, Тамб. губ., гдѣ печатаетъ «Полное собр. всѣхъ донынѣ переведенныхъ и въ печать изд. соч. Вольтера» (3 ч. Козловъ, 1791; 1-е изд. его перевода напеч. въ Петерб. 1785—89), и единственнымъ цензоромъ ихъ оказывается козловскій городничій Сердюковъ. Дѣло это обстояло благополучно, пока они не поссорились (1793), послѣ чего, вслѣдствіе доноса, что типографія находится не въ Козловѣ, а въ с. Казинкѣ, и книги печатаются безъ разрѣшенія, возникло дѣло; книги были конфискованы (а ихъ оказалось свыше 5000, преимущ. сочин. Вольтера) и т. д.; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе искусной защиты обвиненнаго, дѣло это протянулось до цар. Павла: въ 1797 г. типографія сгорѣла съ запечатанными въ ней книгами, а остальныя книги, находившіяся у разныхъ лицъ, повелѣно было (1800 г.) собрать и «безъ изъятія сжечь». Рахманиновъ издалъ еще въ Петербургѣ «Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ» (Миллера), поднесенное черезъ гр. П. А. Зубова имп. Екатеринѣ.

Точно также Радищевъ, чтобы напечатать свою книгу: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» пріобрѣтаетъ печатный станокъ у Шнора и печатаетъ ее на дому съ помощью своихъ рабочихъ (крѣпостныхъ и служителей при таможнѣ).

Внѣшняя политика Екатерины II отличалась блестящими результатами. Въ этомъ ей не отказываютъ даже ея рѣшительные противники. Политику Екатерина считала своею стихiей [1]). Ея влiянiе въ нѣмецкихъ дѣлахъ, актъ о вооруженномъ нейтралитетѣ (1780), объявленный въ интересахъ мира и торговли и снова привлекшiй къ себѣ вниманiе въ послѣднее время, мирное присоединенiе Курляндiи хорошо извѣстны [2]). Только ей удалось уничтожить послѣднiе остатки татарскаго владычества на сосѣдней территорiи съ присоединенiемъ Крыма (1783) и упрочить русское владычество на берегахъ Чернаго моря [3]), открывавшее широкiя перспективы торговому и промышленному развитiю этого края [4]). А въ занятiи Крыма и успѣхахъ русскихъ на Кавказѣ многiе тогда справедливо видѣли шагъ къ завладѣнiю Константинополемъ [5]). Если Екатерина подавала къ тому поводъ и войнами съ Турцiею, и нѣкоторыми своими дѣйствiями болѣе

---

[1]) «Дворъ Екатерины—средоточiе политики» (1787), замѣчаетъ Сегюръ.

[2]) Территорiя Европ. Россiи (съ Кавказомъ) при Екатеринѣ II возросла съ 83876 кв. миль до 95173 кв. м. (въ Азiи она равнялась — 210621 кв. м.). Населенiе увеличилось съ 19 мил. до 36 миль. Уже въ 1781 г. она могла насчитать 78 одержанныхъ побѣдъ, 30 трактатовъ и конвенцiй, 88 замѣчательныхъ указовъ и 123 указа, изданныхъ для облегченiя народа. Русскiй флотъ увеличился болѣе, чѣмъ втрое (67 лин. кораблей и 40 фрегатовъ). Но госуд. долгъ въ 1796 г.=свыше 200 мил.

[3]) Екатерина любила помѣчать иногда акты своего правленiя отъ времени присоединенiя Таврическаго царства. Послѣ этого она заинтересовалась исторiей генуэзскихъ колонiй, результатомъ чего явилось сочиненiе (Travail entrepris pour l'impèratrice Catherine II) Gaspar Luigi Oderico, Lettere Ligastiche, ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria, Bassano 1792, не исчерпывающее впрочемъ всего матерiала, собраннаго авторомъ. Уже въ 1788 г. кн. Д. А. Голицынъ издалъ: «Description physique de la Tauride relativement aux trois regnes de la nature, trad. du russe en français» (La Haye); а извѣстный митр. рим. катол. церквей Сестренцевичъ-Богушъ принимается за «исторiю Тавриды», вышедшую въ 1800 г. въ 2-хъ томахъ».

[4]) Въ интересахъ развитiя торговли съ Константинополемъ въ 1776 г. послѣдовало учрежденiе тамъ русскаго торговаго дома (Сидневъ, Джемсъ и комп.); купецъ Фалѣевъ завязываетъ сношенiя изъ Херсона съ Францiей на своихъ корабляхъ; присоединенiе Крыма (1783) сопровождалось цѣлымъ рядомъ торговыхъ трактатовъ, предоставившихъ (1784—87) выгодныя условiя для иностранныхъ государствъ съ черноморскими портами. Торговый оборотъ въ 1785 и 86 гг. въ этихъ послѣднихъ простирался до 1112500 р., а въ перiодъ 1793—97 среднимъ числомъ до 1877871 р. (вывозъ 1146563 р., привозъ—718198 р.). Въ русскiе порты приходило ежегодно 370 кораблей, изъ числа которыхъ—164 подъ русскимъ флагомъ.

[5]) Въ дневникѣ Храповицкаго читаемъ: «Суворовъ и Мордвиновъ спятъ и видятъ, чтобъ войти съ флотомъ въ Царьградъ. Турки тотчасъ убѣгутъ; тамъ останется до 300000 грековъ—и вотъ наслѣдство в. к. Константину Павловичу» (ноябрь 1792).

интимнаго свойства[1]), то нельзя сказать, чтобы она не находила сочувствія этимъ планамъ и можно пожалѣть только, что они въ томъ или иномъ видѣ не осуществилась въ свое время. Тогда Гладстону не пришлось бы повторять упрековъ и пожеланій Вольтера. Если она могла жаловаться на французское правительство, находившее сочувствіе и въ общественномъ мнѣніи, за систематическую поддержку «марабутовъ» и обученіе турецкихъ солдатъ на европейскій образецъ, то все же она могла утѣшиться тѣмъ, что съ высшей точки зрѣнія не только въ лагерѣ ея друзей во Франціи (Вольтеръ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ турокъ[2]) и сочувствовалъ греческому проекту, а Вольней прислалъ ей свои «Considérations sur la guerre actuelle des Turcs» (Londres, 1788), запрещенныя во Франціи, какъ

[1]) Воспитаніе и самое имя вел. кн. Константина Павловича; изображеніе его въ костюмѣ кесарей и греческій костюмъ самой Екатерины; надпись на одной изъ тріумфальныхъ арокъ (во время путешествія Екатерины) въ Херсонѣ: «дорога въ Константинополь»; медаль, выбитая въ честь предполагавшагося взятія Константинополя; покровительство многимъ греческимъ выходцамъ, въ надеждѣ «оживить грековъ», политическое паденіе которыхъ еще ранѣе признавала Екатерина и т. п. Въ учебныхъ атласахъ времени Екатерины (1790, для народныхъ училищъ) нѣтъ Турціи, а только ея области: Албанія, Ливадія, Морея, Молдавія, Булгарія, Бессарабія, Сербія, Македонія и т. д., съ очевидною цѣлью избѣгнуть названія «Турція». Но, намѣчая будущія границы «между трехъ имперій» (о судьбѣ славянъ еще мало думали): «Россійской, Римской и Греческой», Екатерина негодовала на другіе проекты, составлявшіеся въ противовѣсъ ея собственнымъ. Въ 1783 г. она писала Потемкину: «Французы посылаютъ Шуазеля Гуфьера (гр. Габріэль Флоранъ Огюстъ Шуазель Гуфье) посломъ въ Царьградъ; это тотъ, который «Voyage pittoresque de la Grèce» выдалъ (появлявшійся сначала выпусками, а въ 1782 г. изданный отд. томомъ) и къ оному предисловіе, гдѣ предлагаетъ изъ Греціи составить *республику*....; онъ весьма раздраженъ противъ насъ и описываетъ нашу войну противъ турокъ съ величайшею враждебностью. Тутъ на каждомъ шагу видна вражда Шуазеля съ товарищами противъ Россіи», замѣчаетъ она Гримму. Циммерману Екатерина писала: «Никогда не было у меня въ головѣ сдѣлаться императрицею грековъ или Греціи; я умѣю себя ограничивать. Но я желаю, чтобъ греки сдѣлались свободными и счастливыми *подъ властью государя христіанскаго, ихъ исповѣданія, и чтобы они перестали стенать подъ игомъ ужаснымъ и безчеловѣчнымъ»* и т. д.

[2]) Въ 1772 г. онъ писалъ: «Скоро уже четыре года, какъ я проповѣдую крестовый походъ противъ турокъ. Я убѣжденъ, что св. Марія Терезія, въ согласіи со св. Екатериной, также легко овладѣютъ Босфоромъ, какъ онѣ овладѣли Польшей (1-й раздѣлъ), освободятъ всѣхъ прелестницъ султанскаго короля и водрузятъ крестъ на св. Софіи. Какое прелестное зрѣлище: двѣ императрицы, взявъ за уши Мустафу, уводятъ его въ Азію».

направленныя въ пользу притязаній Россіи [1]), но и въ другихъ странахъ Европы раздавались тогда голоса за изгнаніе турокъ [2]).

Иное дѣло польскій вопросъ. Въ то время въ средѣ представителей русской политики были противники польскихъ раздѣловъ: Н. И. Панинъ, С. Р. Воронцовъ, Потемкинъ и др.; а планы о раздѣлѣ Турціи и Польши шли не отъ одной Россіи: въ 1791 г. они предлагались даже во Франціи. И Екатерина могла найти поддержку въ мнѣніяхъ болѣе независимыхъ людей, не говоря уже о «философахъ». Французскій представитель въ Россіи де-Кабръ, явно враждебный послѣдней, не находилъ въ фактѣ 1-го раздѣла Польши ничего безнравственнаго. Віомениль и Дюмурье, близкіе свидѣтели событій перваго раздѣла, сурово отзываются о конфедератахъ и Польшѣ, а д'Аламберъ, по поводу жалобъ послѣднихъ объ угнетеніи ихъ русскими войсками, указываетъ на болѣе ужасное положе-

[1]) Авторъ болѣе трехъ лѣтъ путешествовалъ по Востоку и въ 1787 г. напечаталъ „Voyage en Egypte et en Syrie", перевед. и на рус. яз. (М. 1791 2 чч., съ рисунк.). Другой француз. путешественникъ (Mémoires hist., polit. et géogr. des voyages du comte de Ferrières Saufeboeuf, faits en Turquie, en Perse et en Arabie 1782—89 2 vv. P. 1790), также признаетъ неизбѣжность раздѣла Турціи.

[2]) Еще въ 1684 г. императорскій посолъ въ рѣчи своей къ цц. Іоанну и Петру говорилъ: „Черное море страстно желаетъ принять васъ въ свои распростертыя объятія; вся Греція и Азія ожидаютъ васъ. Какъ прежде Россіи трудно было стать твердою ногою въ Крыму, такъ въ настоящее время вамъ легко это исполнить... Возьмите Константинополь, въ которомъ долженъ находиться престолъ вашихъ патріарховъ». Со времени 1-й тур. войны при Екатеринѣ II (1769—74) появляется цѣлый рядъ брошюръ на нѣмецкомъ языкѣ въ подобномъ же духѣ: ожидали окончательнаго разгрома Турціи и изгнанія турокъ изъ Европы, а многіе видѣли въ самой войнѣ исполненіе пророч. Даніила и Апокалипсиса; между тѣмъ какъ Фридрихъ II требовалъ умѣренности и уступчивости при заключеніи мира и даже могъ думать о союзѣ Россіи, Пруссіи и Турціи (1779). Сближеніе съ Австріей при Іосифѣ II было дальнѣйшимъ развитіемъ восточной политики Россіи: предоставляя Іосифу II гегемонію въ З. Европѣ, Екатерина хотѣла имѣть такую же свободу въ дѣлахъ на Востокѣ. За то самыми опасными противниками русской политики въ Константинополѣ являются теперь прусскіе дипломаты. Въ 1789 г. на письмѣ Потемкина Екатерина сдѣлала слѣд. приписку: „наипаче же прусаки враги особы Екатерины II, и гдѣ могутъ умалять ея славу и честь.., тутъ не оставятъ приложить труда, а есть ли сыскать могутъ, ктобъ ее убилъ, то и сіе не оставятъ». Англичане позже (1790) выступили въ литературѣ въ защиту турокъ; но и въ Англіи появлялись соч., направленныя въ пользу политики Екатерины II, присоединенія Крыма и изгнанія турокъ, какъ Вил. Этона (Survey of the Turkish Empire etc.), быв. англ. конс. въ Константинополѣ и секр. англ. посольства въ Петербургѣ (Lond. 1799).

ніе крестьянъ въ Польшѣ, угнетаемыхъ тѣми же конфедератами [1]). Вольтеръ разсматривалъ этотъ вопросъ съ своей преобладающей точки зрѣнія—религіозной терпимости и привѣтствовалъ водвореніе порядка въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла [2]). Рейналь говоритъ: «Феодальное устройство Польши, какое существовало въ остальной Европѣ нѣсколько вѣковъ назадъ, рабство народа, охраняемое мнимою свободою, ея политическій строй—вотъ тѣ причины, которыя должны были повести къ паденію государства. Эта конституція можетъ разсматриваться не иначе, какъ собраніе деспотовъ противъ народа». Точно также смотрѣли на этотъ вопросъ извѣстный экономистъ, аббатъ Бодо, англійскій путешественникъ Коксъ, посѣтившіе Польшу, и мн. другіе. Руссо, на основаніи бѣдствій Польши, дѣлаетъ общее заключеніе о тягости ига свободы, которымъ пользуется Екатерина противъ французскихъ «демократовъ». И Руссо, и его поклонникъ принцъ де-Линь предостерегали поляковъ на счетъ ихъ «національнаго зла» и указывали на грозившія бѣдствія государству, если они не будутъ устранены. На той же точкѣ зрѣнія стояли и нѣкоторые политическіе дѣятели Польши (напр. извѣстный Сташицъ). Въ самой Польшѣ появляются брошюры (1791) въ защиту правъ диссидентовъ и политики Екатерины... Но всѣ эти добрые совѣты остались тщетными [3]). Конституція 1791 г. едва задѣла положеніе крестьянина. Безслѣдно промелькнула надежда на осво-

---

[1]) Уже Вико старался, съ своей точки зрѣнія, объяснить причины продолжительности „героическаго" періода въ Польшѣ, характеризуемаго господствомъ аристократіи, и противодѣйствія появленію „человѣческой эпохи", которая влечетъ за собою чистую монархію: «Кметы, говоритъ онъ, въ глазахъ высшаго сословія Польши не имѣли человѣческой природы и необходимость удержать ихъ въ этомъ состояніи заставила сохранять всѣми силами аристократію».

[2]) Вотъ почему Екатерина такъ любила обращаться къ памяти Вольтера. Указывая на отраженіе французскихъ событій въ Польшѣ (авг. 1790), она пишетъ: „Я думаю, что Вольтеръ и его сочиненія отвлекли бы отъ фанатизма и нелѣпостей настоящаго времени, которыя не могутъ продержаться; Вольтеръ не любилъ никакого фанатизма". Напомнимъ, что Вольтеръ, въ извѣстномъ своемъ панегирикѣ, по поводу созванія Екатерининской коммиссіи (1767), болѣе всего радовался тому, что „въ ней сошлись послѣдователи греческой и латинской церкви, лютеране и кальвинисты, магометане и язычники, которые могли вмѣстѣ ужинать и брать съ одного блюда—какой матеріалъ для упрека католическимъ фанатикамъ Франціи и самой Сорбоннѣ, которой кстати было бы прогуляться въ Москву, да и остаться тамъ!» прибавляетъ онъ.

[3]) Также безнадежно смотритъ на положеніе дѣлъ въ Польшѣ и Глеръ, въ недавно издан. перепискѣ его съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ.

божденіе и вѣротерпимость и въ манифестахъ Костюшки. Да и не могло быть иначе, если въ самый моментъ опасности серьезно могли говорить о «фотіевской схизмѣ» и скорѣе соглашались отдать противнику милліонъ населенія, нежели «Ченстоховскую». А Екатерина какъ разъ въ это время занималась русскими лѣтописями и исторіей и потому могла выступить на защиту своихъ притязаній во всеоружіи историческихъ данныхъ. «Поляки сами не сдержали слова, замѣтила она въ 1793 г., и теперь беру я Украину въ замѣнъ моихъ убытковъ и потери людей. Владиміръ на Волыни мы теперь не взяли по причинѣ, но со временемъ надо вымѣнять у императора Галицію. Она ему не кстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія турецкаго» [1]).

Во время послѣдняго раздѣла (6 апр. 1795) Екатерина писала Гримму: «Скотину Герцберга (б. прусск. министра, котораго она обличала уже въ томъ, что онъ не зналъ о населеніи предѣловъ древней Пруссіи славянами) слѣдовало бы хорошенько отколотить за то, что онъ исторію знаетъ столько же, какъ мой попугай. Онъ дерзаетъ говорить, что Россія овладѣла Полоцкомъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права, тогда какъ сдѣдовало бы сказать, что Россія всегда забывала о своихъ древнихъ правахъ, такъ какъ Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I своему старшему сыну Изяславу... Вотъ отъ этого-то старшаго сына Владиміра и произошли князья полоцкіе. Потомъ, будучи вел. кн. Литвы, Владиміръ I отдалъ Литву сыну своему Святославу, который умеръ бездѣтнымъ. Въ 1386 г. Ягайло или Яковъ, пятый сынъ Ольгерда, принялъ латинскую вѣру, женился на польской королевнѣ Гедвигѣ, наслѣдницѣ престола, и сталъ царствовать подъ именемъ Владислава, соединивъ такимъ образомъ Литву съ Польшей въ одно государство. Но государственный министръ неучъ, ничего этого не знаетъ; отъ чванства онъ сталъ грубъ и глупъ, какъ померанскій волъ, котораго мало кормятъ (покойный король, по его собственному признанію, морилъ его голодомъ). Поэтому онъ и не знаетъ, что вплоть до XVII стол. не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ, всѣ рѣшительно дѣла велись на русскомъ языкѣ, что во всѣхъ литовскихъ архивахъ бумаги писаны порусски и рус-

[1]) Любопытно, что въ спорѣ, вызванномъ появленіемъ «Jurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam etc. explicatio» (Vind. 1772), противники (австрійцы и поляки) согласны были въ одномъ, что земли эти несомнѣнно русскія.

скими буквами, что годъ сотв. міра тотъ же, какой признается греческою церковью и даже до сихъ поръ греческій церковный индиктъ служитъ для этого указателемъ; во всѣхъ церквахъ тамошнихъ алтарь обращенъ на востокъ и т. д., и т. д. Какъ видите, я отбросила всякую вѣжливость въ своемъ ученомъ разсужденіи. Впрочемъ, вы и сами знаете: когда педанты бываютъ одержимы гнѣвомъ или хотятъ выказать усердіе, то не всегда соблюдаютъ правила вѣжливости въ своихъ разсужденіяхъ; я же, какъ вамъ тоже не безъизвѣстно, такъ много возилась съ архивами и лѣтописями, что теперь меня мудрено сбить съ толку».

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (сент. 1795 г.), по поводу выраженнаго поляками желанія сохранить по крайней мѣрѣ имя страны и титулъ ея правителя, Екатерина снова пишетъ Гримму: «Выслушайте о Польшѣ историческое Евангеліе, подлинность котораго я могу доказать письменными свидѣтельствами», и, указавъ на составъ земель древней Польши, она продолжаетъ: «Въ 1386 г. польская королевна Гедвига вышла замужъ за Ягайлу, вел. кн. литовскаго, происходившаго по прямой линіи отъ Владиміра I, вел. кн. русскаго, который отдалъ своему старшему сыну Изяславу Полоцкъ, а другому Литву, потомъ по наслѣдству перешедшую въ родъ этого Изяслава [1]). При раздѣлѣ я не получила ни единой пяди Польской земли; а Червонная Русь, Кіевское воеводство, Подолія, Волынь съ главнымъ городомъ Владиміромъ и у поляковъ носили тѣ же названія [2]). Владиміръ былъ основанъ княземъ Владиміромъ I въ 992 г.,

---

¹) Екатеринѣ хорошо были извѣстны генеалогическія попытки производить родъ литовскихъ князей отъ русскихъ, восходя до Владиміра I. На эту родственную связь ссылались еще москов. бояре, въ своихъ переговорахъ съ Литвою въ XVI в. Въ дневникѣ Храповицкаго подъ 4 мая 1793 г. читаемъ: „Сказывали, что Елагинъ (авторъ русской исторіи) дивится, откуда собранъ Родословникъ древнихъ князей россійскихъ, и многое у себя въ исторіи поправилъ.—Дошли до занятія Польши“.. и т. д. „Родословникъ занимаетъ V-ю часть (Спб. 1793) „Записокъ касательно рос. исторіи“ и представляетъ генеалогію князей Рюрикова дома, сидѣвшихъ по всѣмъ русскимъ городамъ (и входившимъ въ составъ Литвы).

²) Фриманъ по поводу раздѣловъ Польши говоритъ: „Нужно помнить, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ ни одна часть первоначальнаго Польскаго государства не досталась Россіи. Россія получила обратно свою территорію, отнятую у нея Литвою и соединила большую часть самой Литвы съ областями, расположенными непосредственно на сѣверъ отъ нея. Древнее Польское королевство дѣлится между Пруссіей и Австріей, а древнѣйшая Польша выпадаетъ на долю Пруссіи“.

а Литва и Самогитія никогда не составляли коренныхъ частей Польши. Если же мнѣ не принадлежитъ ни единой пяди Польской земли, то я не могу принять титула польской королевы. Сверхъ того, коль скоро у націи отнято и самое имя, то, по моему мнѣнію, она это заслужила, потому что сама нарушала договоры, упрочивавшіе ея государственное существованіе, не принимала ничьихъ совѣтовъ и наконецъ дошла до такого разъединенія, что нельзя было найти двухъ человѣкъ, которые въ чемъ бы то ни было согласились между собою и т. д. Вотъ вамъ поляки! Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни единой пядью Польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Передъ тѣмъ они просили у меня внука, у прусскаго короля сына, у вѣнскаго двора эрцгерцога, и все это въ одно время, у испанскаго короля инфанта, у дома Бурбоновъ одного изъ принцевъ, у курфюрста саксонскаго просили они дочку, а у себя ставили законъ, чтобы королю быть только изъ рода Пястовъ. Вѣдь это безсмыслица, хотя все это у нихъ какъ-то легко укладывается»...

Если раньше Фридрихъ II могъ хвалиться передъ Вольтеромъ, какія улучшенія ввелъ онъ на доставшейся ему территоріи (освобожденіе крестьянъ, улучшеніе земледѣлія и путей сообщенія, школы) [1]), а, по свидѣтельству даже лицъ, враждебныхъ Екатеринѣ (какъ извѣстный Нѣмцевичъ), положеніе Бѣлоруссіи значительно улучшилось по присоединеніи ея къ Россіи [2]), то и сама Екатерина не преминула теперь похвалиться Гримму, что депутаты отъ Литвы и Курляндіи пріѣзжали не для того, чтобы предъявлять свои условія, но просто, чтобы просить уравненія съ другими областями государства, т. е. уч-

[1]) Съ переходомъ русскихъ земель отъ Польши къ Россіи, здѣсь сохраняется шляхетское землевладѣніе и начинается раздача крестьянъ русскимъ сановникамъ.

[2]) Вскорѣ послѣ 1-го раздѣла Екатерина нашла защитницу (1781) въ лицѣ молодой польки, быв. за кн. Сангушко (урожд. Годской), откровенно высказывавшей свои мнѣнія въ парижскихъ кружкахъ. „Пріятно слышать, писалъ Гриммъ, какъ она говоритъ о русской императрицѣ и заставляетъ молчать людей, позволяющихъ себѣ толковать о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ самыхъ необходимыхъ понятій ... На дняхъ она охарактеризовала духъ правительства въ трехъ участкахъ Польши.—Замѣтивъ, что почва Бѣлоруссіи худшая изъ всѣхъ трехъ, она сказала: если-бъ у меня была земля въ прусскомъ участкѣ, я сочла бы за счастье потерять половину, чтобы перенести другую въ Бѣлоруссію, а если бы мои земли были въ австрійскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссіи, и она подробно развила причину подобнаго желанія“.

режденія губерній; а, отпуская курляндскихъ депутатовъ, она распорядилась вручить имъ по экземпляру своего Наказа.

Такъ смотрѣла Екатерина II на означенный вопросъ въ его историческомъ развитіи.— Обратимся къ другимъ явленіямъ послѣднихъ лѣтъ ея царствованія.

Карлейль говоритъ: «Не лучше ли было бы для Наполеона потерять свой лучшій полкъ, чѣмъ покарать бѣднаго книгопродавца Пальма?» Понятно, что общія бѣдствія легче переживаются; отдѣльные случаи дольше остаются въ памяти потомства. И въ событіяхъ конца царствованія Екатерины есть эпизоды, съ которыми не легко мирится историкъ, хотя и пытается такъ или иначе ихъ объяснить. Мы разумѣемъ два дѣла—Радищева и Новикова, бывшія результатомъ общихъ политическихъ условій Европы и въ частности Россіи.

А. Н. Радищевъ учился въ Лейпцигскомъ унив-тѣ (1767—71) и уже здѣсь онъ зачитывался надъ сочин. Гельвеція, Мабли и Руссо... «Въ Радищевѣ, говоритъ Пушкинъ, отразилась вся французская философія его вѣка». По возвращеніи въ Россію онъ принимаетъ участіе въ «переводческой коммиссіи», для которой переводитъ на русскій языкъ одно изъ сочиненій Мабли [1]), и въ журналахъ (въ «Живописцѣ» Новикова, а потомъ въ «Почтѣ духовъ» Крылова). Онъ близко интересовался успѣхами въ наукахъ и общественными вопросами, о чемъ свидѣтельствуютъ позднѣйшая переписка его съ гр. А. Р. Воронцовымъ и собраніе его книгъ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, политическаго и экономическаго содержанія [2]). Въ 1789 г. онъ издалъ «Житіе Ѳ. В. Ушакова съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій» (Спб.),—это воспоминаніе объ одномъ изъ своихъ товарищей по лейпцигской жизни, знакомящее вмѣстѣ съ тѣмъ съ міросозерцаніемъ той среды, въ которой вращался и самъ авторъ [3]). Радищевъ слу-

---

[1]) Размышленія о греческой истеріи и о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Спб. 1773.

[2]) Екатерина о немъ замѣтила: „Знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ“.

[3]) Означенное сочин. занимаетъ V-ю часть Собр. сочин. Радищева и перепеч. въ „XVIII вѣкѣ“ П. И. Бартенева (кн. II). Въ прилож. къ «житію» помѣщены сочин. Ушакова: 1) о правѣ наказанія и о смертной казни; 2) о любви; 3) письма о первой книгѣ Гельвеціева соч. «О разумѣ». Въ 1790 г. Р-въ напечаталъ: „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего, о монументѣ Петра В.“ (Спб). Посмертное изданіе его сочин. (6 ч.) вышло въ Москвѣ въ 1807—1810 гг. (Собр. оставшихся

жилъ (состоя помощникомъ Даля) подъ начальствомъ такого просвѣщеннаго лица, какъ гр. А. Р. Воронцовъ [1]), который оцѣнилъ его знанія и дѣятельность и рекомендовалъ императрицѣ. Направленіе мыслей Радищева (деизмъ, политическія мнѣнія) вполнѣ сказалось и въ его примѣчаніяхъ къ соч. Мабли, и въ «житіи Ушакова»; но въ 1790 г. онъ напечаталъ въ своей домашней типографіи «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (Спб. 458) [2]), представляющее горячій протестъ противъ крѣпостнаго права (авторъ предлагаетъ проектъ *постепеннаго* освобожденія крестьянъ) и произвола вообще, съ явными указаніями на современные факты; а въ стилѣ и формѣ своего произведенія онъ подражалъ Рейналю (Исторія объ Индіяхъ) [3]) и Іорику (Путешествіе) [4]), но, кромѣ того, пользуется Руссо, Гердеромъ, Бэйлемъ. Екатерина сама написала замѣчанія на книгу Радищева и въ горячемъ спорѣ находила теперь, что «лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошихъ помѣщиковъ нѣтъ во всей вселенной» [5]), и тутъ же упрекаетъ автора за помѣщеніе указаннаго проекта. Заслуживаетъ упоминанія тотъ фактъ, что книга Радищева вызвала вниманіе пуб-

---

сочин. покойнаго кол. сов. А Н Радищева), куда вошли его стихотв. произведенія, обширный трактатъ „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“ (чч. II и III) и др. Полное собр. соч., напеч. въ 1872 г. П И. Ефремовымъ, было уничтожено.

[1]) Президентъ коммерцъ-коллегіи, куда поступилъ Радищевъ въ 1777 г.

[2]) Точная перепечатка сдѣлана въ изд А. С. Суворина (Спб. 1889) въ 100 экз.; заграничныя изданія напечатаны весьма небрежно.

[3]) Аббатъ Рейналь издалъ въ 1770 г. „Histoire philosophique du commerce des deux Indes“, значительно пополненную въ 1781 г. Обладая массою статистическихъ и коммерческихъ свѣдѣній и не малою долею противорѣчій и парадоксовъ, сочиненіе это представляетъ обличенія противъ жестокаго обращенія съ черными и несправедливости монополіи труда, сопровождаемыя настойчивымъ призывомъ къ улучшенію. Сорбонна осудила книгу, а парламентъ приговорилъ ее къ сожженію, авторъ же долженъ былъ оставить Францію, куда онъ возвратился только въ 17‑8 г. Екатерина не любила Рейналя и называла его „болтуномъ“ и „лжецомъ“ за то, что онъ написалъ, будто бы ей ничто не удается изъ всего, что она предпринимала Переводъ его сочин. напечатанъ въ 1806—1809 гг., 6 чч. (въ сокращеніи).

[4]) Т. е. извѣстному „Сентиментальному путешествію“ Стерна, которымъ такъ восхищался“ и которому отчасти подражалъ Карамзинъ въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника“. Переводъ этого сочин. (съ англ.) на рус. языкъ появился въ 1793 г., въ 3 чч.

[5]) Храповицкій дважды отмѣчаетъ, что Екатерина говорила о Радищевѣ „съ жаромъ и чувствительностью“. Ей не нравились похвалы его Мирабо и Франклину, которыхъ она не любила.

лики [1]). Тогдашній фактотумъ — Безбородко былъ враждебно настроенъ противъ книги, и его мнѣніе вѣроятно отразилось въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ. Судъ надъ авторомъ быстро прошелъ по всѣмъ инстанціямъ: въ уголовной палатѣ, въ сенатѣ и совѣтѣ, признавшихъ Радищева подлежащимъ смертной казни, на основаніи сохранявшихъ свою силу Уложенія, Воинскаго и Морскаго уставовъ и т. п. Екатерина замѣнила казнь 10-лѣтней ссылкой въ Сибирь (въ Илимскъ). Нѣкоторые полагали, что Екатерина осудила Радищева въ угоду «барамъ» (правда, она отмѣчаетъ вражду автора къ вельможамъ); но этого нельзя сказать: въ числѣ сановниковъ и среди членовъ совѣта нашлись ходатаи за Радищева; гр. С. Р. Воронцовъ былъ пораженъ суровостью приговора [2]) и не разъ вспоминаетъ о Радищевѣ въ сочувственномъ смыслѣ, а гр. А. Р. Воронцовъ остался покровителемъ его до самаго возвращенія изъ ссылки [3]). Заслуживаетъ также упоминанія, что былъ слухъ объ исходатайствованіи Потемкинымъ прощенія Радищеву.

Конечно, можно было только желать, чтобы Екатерина ограничилась замѣчаніями на книгу Радищева, какъ Юлій Цезарь, который, по поводу книги Цицерона «Катонъ», скрывъ свой гнѣвъ, ограни-

---

[1]) Книга издана въ 650 экз., изъ которыхъ до 50 эк. было роздано и пущено въ продажу, но затѣмъ они отбирались. Полагаютъ, что, по уничтоженіи ея, сохранилась въ цѣлости около 50 экз. (Сопиковъ, IV, 250). Послѣ цензурной подписи (оберъ-полиціймейстера Рылѣева, номинальной), авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя поправки и вставки.

Въ самомъ началѣ Екатерина заподозрила участіе въ соч. Радищева его товарища по Лейпцигу—Челищева (другіе подозрѣвали въ томъ Козодавлева, также учившагося въ Лейпцигѣ). Челищеву принадлежитъ весьма любопытное и обстоятельное «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.», отысканное и изданное въ наше время (Спб. 1886). Оно снабжено обильными статистическими данными. Важно, однако, то, что Челищевъ высказываетъ горькое сожалѣніе о неудовлетворенности народныхъ нуждъ, о суевѣріи народа и т. п. Напомнимъ, кромѣ того, о цѣломъ рядѣ сочиненій и статей вполнѣ публицистическаго характера, принадлежащихъ перу извѣстнаго историка кн. М. М. Щербатова, многія страницы которыхъ нисколько не уступятъ, какъ по силѣ выраженій, такъ и по изображенію современной дѣйствительности, произведенію Радищева. Но сочиненія эти оставались въ рукописяхъ и были изданы лишь въ наше время (новое изданіе подъ заглавіемъ: „Сочиненія кн. М. М. Щербатова", Спб., тт. I и II, 1896, 1898).

[2]) „La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême; quelle sentence et quel adoucissement pour une étourdie... cela fait frémir".

[3]) По вступленіи на престолъ имп. Павла, Радищевъ былъ возвращенъ (23 нояб. 1796) на жительство въ деревню; имп. Александръ I (1801) возстановилъ его во всѣхъ правахъ, назначилъ членомъ ком. о сочин. законовъ и обезпечилъ его семью.

чился тѣмъ, что написалъ «Анти-Катона» и римляне хвалили его за такую умѣренность. Правда, Екатерина заявляла, что она сумѣла бы привлечь на свою сторону и Лафайэта...; но вышло иначе... Въ ея замѣчаніяхъ на книгу Радищева мы находимъ ключъ къ объясненію принятаго ею рѣшенія. Устранивъ изъ нихъ мелочи, легко видѣть, что причиною этого послѣдняго были два пункта обвиненій, проходящіе красною нитью въ ея отзывахъ о Радищевѣ: 1) что авторъ «зараженъ французскимъ заблужденіемъ» и 2) что онъ «исповѣдуетъ ученіе мартинистовъ и прочихъ теософовъ»,—и прямо относящіеся къ современному положенію вещей, съ которымъ, какъ мы видѣли, Екатерина стала считаться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но если первый изъ нихъ имѣлъ основаніе, то второй не находитъ себѣ подтвержденія ни въ жизни, ни въ сочиненіяхъ Радищева [1]).

Дѣло Новикова возникло на другой почвѣ. По складу своего ума, Екатерина, какъ и Радищевъ, не могла чувствовать симпатіи къ мартинизму [2]). Но этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ ея религіознымъ и умственнымъ міросозерцаніемъ. Екатерина постоянно и настойчиво высказывалась противъ «ханжества» и «фанатизма». Мистицизмъ, въ томъ или иномъ смыслѣ, былъ ей чуждъ. «Поздравляли себя, что никогда не вдавались ни въ балоны, ни въ шарлатановъ, разумѣя Сенъ-Жермена и Каліостра. Les savants aiment les ignorants», говоритъ Храповицкій [3]). Припомнимъ ея замѣчаніе относительно Гердера, какъ философа. Рядъ ея собственныхъ пьесъ касается «обольщенныхъ» и «обманутыхъ» шаманами, мистиками и мартинистами («мартышки»). «Къ числу величайшихъ уклоненій, которымъ предавался человѣческій родъ, принадлежитъ франкъ-масонство», писала Екатерина, вполнѣ сходясь въ этомъ отношеніи съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II; а она, какъ мы знаемъ, изучила всю масонскую литературу. Однажды она зло насмѣялась надъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ

[1]) Болѣе видные изъ масоновъ (напр. кн. Н. Н. Трубецкой) оправдывали кару, постигшую Радищева.

[2]) Въ своихъ показаніяхъ Радищевъ прямо заявляетъ: „Мартинистомъ не токмо никогда не былъ, но и мнѣніе ихъ охуждаетъ".

[3]) Екатерина не благоволила къ Сведенбергу, магнетизму, Штарку и даже къ Лафатеру. Послѣдователей магнетизма она сравнивала съ дервишами и шаманами. Къ Каліостро она относилась съ полнымъ презрѣніемъ и осмѣяла его въ своихъ произведеніяхъ наравнѣ съ масонами. Въ 1787 г. (Каліостро былъ въ Россіи въ 1779—80 гг.) она распорядилась о высылкѣ его, въ случаѣ пріѣзда на русскую границу.

прусскимъ. «Государыня мнѣ сказывать изволила, пишетъ Храповицкій, что недѣли двѣ король прусскій въ рубахѣ ходилъ со шпагой для видѣнія духовъ и, наконецъ, имѣвъ свиданіе съ Христомъ, не объявилъ намъ войны, по его запрещенію»...[1]) Свободомысліе, свойственное эпохѣ, не могло, конечно, не сказаться въ мнѣніяхъ Екатерины... По поводу одной, написанной ею эпитафіи, Храповицкій замѣтилъ: «эпитафія чиста и смѣла въ разсужденіи вѣры».

Напрасно было бы, однако, думать, что писатели и политики XVIII в. не придавали значенія церковному вопросу. Монтескье въ своемъ «Духѣ Законовъ» отводитъ извѣстное мѣсто духовенству и даетъ совѣты относительно допущенія новыхъ религій[2]). Вольтеръ и Фридрихъ II не могли примириться съ книгою Гольбаха «Система природы», а мнѣніе ихъ о народѣ въ этомъ отношеніи не менѣе извѣстно. По словамъ Іосифа II, самый невѣрующій человѣкъ долженъ быть религіозенъ par politique. Онъ не находилъ никакой надобности бороться съ католичествомъ, какъ таковымъ[3]). Передъ нимъ была установленная религія, исповѣдуемая весьма ревностно большинствомъ его народа. «Безъ духовенства, писалъ онъ, съ народомъ ничего не сдѣлаешь». Іосифъ относительно иновѣрцевъ полагалъ, что безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обязанностей прежде всего дѣлаетъ ихъ лучшими подданными и позволяетъ избѣжать невѣрія, гораздо болѣе опаснаго. Передъ изданіемъ знаменитаго указа (13 окт. 1781 г.) онъ писалъ Екатеринѣ, что «не можетъ выполнить все то, что казалось бы справедливымъ и разумнымъ».

Мы знаемъ взгляды Екатерины II на религіозные вопросы. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она дѣлаетъ распоряженіе о непристойности представленій на придворной сценѣ съ языческимъ характеромъ (1762); о недопущеніи въ Россію книгъ, которыя направлены «противъ закона» (т. е. вѣры) и «добраго нрава»[4]); она не согласилась на допущеніе перевода извѣстнаго соч. Арндта (О истинномъ христіанствѣ), такъ какъ

---

[1]) Ее возмущало, что масоны привлекали къ своему сообществу имя Вольтера.

[2]) Его „Духъ законовъ", сначала запрещенный въ Австріи, въ 1750 г. былъ допущенъ, несмотря на происки іезуитовъ.

[3]) Указомъ 11 іюня 1781 г. воспрещалось все, оскорбляющее религію, законы страны и нравы, и сужденіе объ этомъ принадлежало особой цензурной коммиссіи, приговоры которой смягчались только личнымъ вмѣшательствомъ императора.

[4]) Сюда относятся «Эмиль» Руссо, «Письма жидовскія» д'Аржанса и т. п.

онъ былъ воспрещенъ до нея[1]). Занимаясь русской исторіей, она составляетъ житіе Александра Невскаго «безъ чудесъ»; но, по поводу сравненія ея со св. Терезой, она пишетъ m-me Жоффренъ, что «почтеніе ея къ святымъ не переходитъ черезъ границы святыхъ греческой церкви»; а на замѣчаніе другой своей корреспондентки, отвѣчаетъ, что посты ей полезны. «Я принадлежу къ числу тѣхъ, пишетъ она, которые считаютъ баловствомъ не подчиняться этому церковному закону, къ которому большинство у насъ очень привязано» [2]).

— «Странный вопросъ на исповѣди, замѣтила однажды о себѣ Екатерина, какого никогда не дѣлалъ: «вѣруешь ли въ Бога»? Я тотчасъ сказала tout le symbole, а ежели хотятъ доказательствъ, то такія дамъ, о которыхъ они и не думали. Я вѣрую всему, на семи соборахъ утвержденному, потому что св. отцы тѣхъ временъ были ближе къ апостоламъ и лучше насъ все разобрать могли». Во время пребыванія въ Кіевѣ она усердно посѣщаетъ мѣстныя святыни. Своихъ приближенныхъ она спрашиваетъ—говѣли-ли они? [3]) Съ другой стороны, она щадитъ даже народныя вѣрованія. «При про-

---

[1]) Іог. Арндтъ († 1621), извѣстный писатель-моралистъ, издалъ означенное сочиненіе въ 4-хъ книгахъ, переведенное на всѣ европейскіе языки и въ томъ числѣ на русскій (Симономъ Тодорскимъ), какъ говорятъ, по желанію Ѳеофана Прокоповича. Въ 1735 г. переводъ этогъ напеч. былъ въ Галле. Попытка (1783) перепечатать тоже изданіе, съ исправленіями, въ Россіи не имѣла успѣха; но въ 1784 г. трудъ Арндта (вмѣстѣ съ другими его сочин., въ переводѣ И. П. Тургенева), появился въ изданіи Новикова. Въ силу запрещенія, наложеннаго при Елисаветѣ Петровнѣ (1743), Екатерина не согласилась дать на него разрѣшеніе (1787 г.); но, по справкѣ, всѣ экземпляры этого перевода оказались раскупленными, а такъ какъ въ настоящемъ случаѣ замѣшаны были вліятельныя лица, то и самое дѣло предано было молчанію.

[2]) Вольтеръ попытался было завести рѣчь объ отмѣнѣ цѣлованія руки у духовенства; но Екатерина отвѣчала ему: „Уже 10—12 лѣтъ какъ священники начали отнимать свои руки, одни изъ учтивости, а другіе изъ уничиженія.. Позвольте, чтобы этотъ обычай самъ собою потихоньку истреблялся“ (1774).

[3]) Радищевъ далъ показаніе, что онъ не былъ у исповѣди 5 или 6 лѣтъ. „До меня считали тѣхъ, кои не пріобщались; мнѣ самому тотъ вопросъ былъ сдѣланъ“, говоритъ Храповицкій (14 февр. 1787 г.). Но это еще не даетъ вѣрнаго представленія объ «умоначертаніи» означенныхъ лицъ. Въ теченіе всего XVIII в. дѣлались подобныя подтвержденія и однако оказывалось, что по многу лѣтъ у исповѣди не бывали состоявшіе въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, ихъ жены и дѣти, разночинцы, посадскіе и т. д. Поэтому установлены были „исповѣдные штрафы“, накоплявшіеся до значительныхъ цифръ. Подобныя же распоряженія издавались и въ цар. Екатерины II, съ замѣною лишь штрафовъ для несостоятельныхъ другими взысканіями, кромѣ „тѣлеснаго наказанія“.

щаньи, сообщаетъ Храповицкій съ ея словъ, Спиридовъ вздумалъ просить *узелковъ*; вдругъ непонятны были его рѣчи, но рѣшились въ тотъ же день послать къ нему образъ Іоанна Воинственника, съ коимъ онъ отправился, и во время сраженія при Чесмѣ надѣлъ на шею, на голубой лентѣ. Есть люди, которые колдовство съ набожностью мѣшаютъ mais il faut profiter des opinions populaires». По поводу ссылки кн. Трубецкаго (масона), когда на вопросъ крестьянина, «зачѣмъ ссылали барина»? другой отвѣтилъ: «сказываютъ, что искалъ другаго Бога«, а тотъ замѣтилъ: «такъ онъ виноватъ, на что лучше *русскаго Бога*»,— «очень хвалили cette naïveté и не разъ мнѣ подтвердили», говоритъ Храповицкій.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру (1770) Екатерина пожелала ему стать папою, утверждая, что тогда «двѣ главы церквей восточной и западной не только будутъ въ прямой перепискѣ, но ихъ увидятъ связанными дружбою, обстоятельство до сихъ поръ еще не существовавшее. Я предвижу заранѣе великое благо для христіанства, говоритъ она. *Я объявляю, что я буду умѣренна, но тверда безъ упрямства*». Эту твердость она обнаружила своею поддержкою диссидентовъ въ Польшѣ и послѣдующею церковною политикою въ присоединенныхъ областяхъ. Въ 1793 г., по поводу стараній неаполитанскаго двора выдать одну изъ дочерей короля за вел. кн. Константина Павловича, она писала гр. Разумовскому: «Греческая вѣра должна быть исповѣдуема искренно и безъ затаенныхъ мыслей, а потому латинское или греко-латинское наслѣдіе, покуда я жива, никогда не будетъ допущено въ мою семью». Греческую церковь она сравнивала съ дубомъ, имѣющимъ глубокіе корни. Къ Лютеру она относилась съ очевиднымъ пренебреженіемъ, а во время французской революціи она писала (Гримму), что протестантскія правительства хорошо бы сдѣлали, рѣшившись принять православіе, такъ какъ это исповѣданіе должно считаться оплотомъ противъ всякой непріязненной религіи, противъ безнравственной и преступной заразы.

Между тѣмъ, «исканіе внутренней церкви» [1]) и сношенія съ западнымъ міромъ привели къ распространенію въ Россіи масон-

[1]) Одинъ изъ наиболѣе искреннихъ масоновъ И. В. Лопухинъ напечаталъ книгу „О внутренней церкви“ съ приложеніемъ составленнаго имъ же „Нравоучительнаго катихизиса истинныхъ франкмасоновъ“. Лопухинъ, какъ и Новиковъ, одно время склоненъ былъ къ вольтеріанству.

ства. Съ 1776 г. миссіонеромъ его является извѣстный Шварцъ, побывавшій передъ тѣмъ даже въ Остъ-Индіи. Въ 1778—80 гг. масонство царило въ Московскомъ университетѣ; а въ 90-хъ гг. въ разныхъ городахъ Россіи насчитывали до 800 членовъ. Есть основаніе полагать, что первое дѣло противъ Новикова, возникшее въ к. 1785 г., было результатомъ внушеній лица, желавшаго сдѣлать, между прочимъ, непріятность м. Платону. Дѣйствительно, этому послѣднему вслѣдъ затѣмъ поручено было испытать Новикова «въ законѣ православномъ»; но м. Платонъ заявилъ, что «желательно, чтобы во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ онъ». Однако, Екатерина не перемѣнила своего мнѣнія о Новиковѣ: «c'est un fanatique», отозвалась она о немъ въ 1788 г. [1]).

Политическія обстоятельства значительно усилили нерасположеніе Екатерины къ масонамъ. Предполагаемая связь масонства съ революціей (напомнимъ также близость къ послѣднему герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, неудачи котораго, какъ вождя коалиціи, приписывали сношеніямъ его съ революціонерами) [2]) вызывала гоненія противъ иллюминатовъ и масоновъ, одновременно съ преслѣдованіями Новикова и его кружка. Къ этому присоединились внутреннія причины, имѣвшія значеніе въ глазахъ Екатерины: сношенія московскихъ масоновъ съ иностранными, подтверждавшіяся ихъ перепискою и дипломами, выданными Ферд. Брауншвейгскимъ (при враждебныхъ отношеніяхъ Пруссіи), и, невыяснившаяся вполнѣ, связь ихъ съ велик. княземъ Павломъ Петровичемъ.—Эти пункты и занимаютъ главное мѣсто въ процессѣ масоновъ, возникшемъ въ 1792 году. Екатерина стала ясно различать *прежнее* и *новое* масонство; лица, благосклонныя къ масонамъ, подпадаютъ подозрѣнію (Куракинъ, Репнинъ); а при назначеніяхъ на административныя мѣста—вопросъ о масонскихъ мнѣніяхъ играетъ видную роль [3]). Растопчинъ (отличившійся, впрочемъ,

---

[1]) Какъ извѣстно, на счетъ „дружескаго общества" воспитывались нѣкоторые изъ учениковъ семинарій, занимавшіе потомъ видныя мѣста въ духовномъ мірѣ. Но въ апрѣлѣ 1792 г., по поводу дѣла Новикова, Екатерина сдѣлала распоряженіе: „Имена восьми семинаристовъ нужно знать, паче же тѣхъ, кои постриглись, дабы не попались въ кандидаты епархіальные для епископства".

[2]) Мирабо называлъ его „Алкивіадомъ".

[3]) „Въ числѣ бумагъ Кутузова (жившаго въ Берлинѣ) найдены письма преступника Радищева, изъ которыхъ три показались мнѣ достойными свѣдѣнія Вашего

богатой фантазіей) сообщаетъ, что Екатерина имѣла свѣдѣнія о замыслѣ масоновъ (въ Москвѣ), имѣвшемъ будто бы цѣлью лишить ее жизни. Результатомъ произведеннаго розыска было заключеніе Новикова въ Шлюссельбургѣ на 15 лѣтъ; другіе же изъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу членовъ поплатились ссылкою въ деревни[1]). Во время процесса Радищева Екатерина (по поводу похвалы его Франклину) отозвалась, что онъ «бунтовщикъ, хуже Пугачова», а о Новиковѣ выразилась, что онъ «умный, но опасный человѣкъ» и «мартинистъ — хуже Радищева», и въ этомъ отношеніи она не перемѣнила своего мнѣнія до конца..... Въ 1794 г. Екатерина писала Гримму: «Елагинъ умеръ, и исторія его вѣроятно останется неоконченною; но послѣ него остались сочиненія о масонствѣ—удивительная чепуха, изъ которой явствуетъ, что онъ сходилъ съ ума».

Несомнѣнно, что современныя политическія событія произвели глубокое впечатлѣніе на Екатерину и оказали свое вліяніе на образъ ея мыслей. Мы знаемъ, что въ 1788 г. она писала принцу де-Линю: «Я была воспитана въ любви и уваженіи къ республикамъ; но опытъ убѣдилъ меня, что чѣмъ болѣе собирается народу для разсужденія, тѣмъ болѣе слышно безразсудныхъ рѣчей» [2]). Съ другой стороны, продолжая сохранять уваженіе къ своему «учителю», она еще ранѣе стала сомнѣваться въ удобопримѣнимости его началъ. Такъ, въ іюлѣ 1781 г. она пишетъ Гримму (тирада эта писана по-нѣмецки): «Какъ полезно, когда каждый молодой человѣкъ въ умѣ своемъ беретъ кого нибудь за образецъ: въ моей молодости я все хотѣла поступать по идеямъ и писаніямъ Вольтера; ну, а что изъ этого вышло, можете судить сами»; а мы знаемъ, что ей приходилось разочаровываться и въ успѣшномъ ходѣ ея «учрежденій», и въ быстромъ ростѣ училищъ, на которыя она возлагала такія надежды.

Величества", доносилъ 27 мая 1792 г моск. главноком. кн. Прозоровскій, и понятно, насколько это сообщеніе могло имѣть значеніе относительно послѣдующей судьбы Радищева.

[1]) Иностранная библіотека Новикова, „знатной цѣны стоившая", въ большой своей части подверглась истребленію. русскихъ книгъ, изданныхъ имъ, считалось на 700000 р.—Павелъ I, по вступленіи на престолъ, освободилъ Новикова и др. лицъ, потерпѣвшихъ съ нимъ.

[2]) Въ своей эпитафіи она замѣчаетъ „отъ природы веселонравная, съ душею республиканскою».

Отъ времени до времени Екатерина обращалась къ прежнимъ планамъ, но политическія обстоятельства ее подавляли [1]). Они вызывали ее на печальныя заключенія о XVIII вѣкѣ, который она иногда называетъ «желѣзнымъ» [2]).

Ловкій дипломатъ Безбородко, какъ видно, не стоялъ на высотѣ умственныхъ интересовъ, въ чемъ быть можетъ сказался схоластицизмъ его школы, а Зубовъ («дуралеюшка») не могъ замѣнить въ трудныхъ обстоятельствахъ Потемкина—это чувствовала сама Екатерина [3]). «Да и всѣ теперь, какъ улитки, станутъ высовывать головы», замѣтила она. «Я отрѣзалъ тѣмъ, что все это ниже Ея Величества», говоритъ Храповицкій. «Такъ, да я стара», возразила Екатерина...

Тѣмъ не менѣе она искала выхода изъ настоящаго положенія вещей. Такимъ образомъ она снова обращается къ реформѣ Сената (въ авг. 1795 г.), признавая, что «сенатская канцелярія одолѣла Сенатъ, который, замѣтила она, хочу я отъ канцеляріи освободить» [4]). Въ другой разъ зашла рѣчь о законахъ, «которые никакъ не удалось сдѣлать неподвижными», по ея выраженію. Обыкновенно она не позволяла говорить при себѣ дурно о Петрѣ Вел. и любила въ минуты опасности указывать на его примѣръ; но подъ конецъ царствованія у нея проскальзываетъ иногда досадливая нота на счетъ его преобразова-

---

[1]) „Упражнялись въ законодательствѣ и въ исторіи. Теперь за законы не могу приняться, но думаю, что могу взяться за исторію" (Храповицкій, 1-е дек. 1789). .... „Ничего не читаю, кромѣ относящагося къ XIII в. россійской исторіи. Около сотни старыхъ лѣтописей составляютъ мою подручную библіотеку. Пріятно рыться въ этомъ старомъ хламѣ. Остальное время уходитъ на дѣла, которыя съ каждымъ днемъ умножаются" (письмо къ Гримму 9 мая 1792 г.).

[2]) Письма къ Гримму. Подъ 5 мая 1789 г. въ дневникѣ Храповицкаго записано: „Какое меланхолическое время! Трое зарѣзались. Это изъ ежедневнаго рапорта губернаторскаго, и сказано въ отношеніи къ собственному безпокойству".

[3]) Перемѣна этой декораціи наглядно описана Храповицкимъ (12 окт.—17 окт. 1791). „Проснулись въ огорченіи и слезахъ (по случаю смерти Потемкина). Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться... Продолженіе слезъ. Мнѣ сказано: какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить? Все будетъ не то. Онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ, меня не продавалъ; его не можно было купить" и т. д. Въ другой разъ, припоминая своихъ „пособниковъ", она напомнила отзывъ Гр. Орлова о Потемкинѣ: „уменъ какъ чортъ", прибавивъ: „онъ незнаетъ другаго государя" (Храповицкій, 12 мая 1787 г.).

[4]) Раздѣленіе Сената на департаменты (1763), развитіе власти генералъ-прокурора, учрежденіе Совѣта (1768) и введеніе губернскихъ учрежденій (1775) постепенно ослабляли прежнее значеніе Сената и содѣйствовали низведенію его почти на степень судебной инстанціи.

ній. При всемъ томъ умственные интересы не покидали Екатерины до конца. Такъ, она поручаетъ бывшему послан. въ Турціи и Польшѣ, Я. И. Булгакову, перевести на рус. языкъ обширное соч. д'Андрэ-Бардона: «Образованіе древнихъ народовъ, содержащее обычаи духовные, гражданскіе, домашніе и воинскіе грековъ, римлянъ, восточныхъ и западныхъ народовъ», съ 365 гравированными эстампами, которое и вышло въ свѣтъ въ 1795 г. (Спб.), въ 4-хъ томахъ.

V.

Что же внесло царствованіе Екатерины II въ жизнь русскаго общества?

Екатерина съ замѣчательнымъ увлеченіемъ говоритъ о Россіи, о своемъ призваніи: «Я люблю еще не распаханныя страны. Повѣрьте мнѣ, онѣ суть наилучшія. Я тысячу разъ говорила вамъ, что я годна только для Россіи... Въ другихъ мѣстахъ нѣтъ болѣе святой природы (sancta natura): все изыскано и искажено искусственностью». Она неоднократно повторяетъ Гримму: «Знайте, милостивый государь, знайте, что никогда Россійская имперія, никогда не будетъ разрушена», и она выписываетъ длинную тираду изъ соч. Куръ-де-Жебелена: «Первобытный міръ» (ч. VIII, стр. 58) въ подтвержденіе своей мысли. «Вы говорите, пишетъ она въ 1789 г., что, по отзывамъ безумцевъ, нѣтъ болѣе Екатерины. Но если бы ея не было, Россійская имперія не переставала бы существовать, и ее конечно не разрушитъ ни Фальстафъ [1]), ни Фридрихъ-Вильгельмъ, ни даже въ соединеніи съ другомъ Абдулъ-Гамидомъ. *У насъ прибываютъ силы отъ самаго времени*». «Россія велика сама по себѣ, и что я ни дѣлаю, подобно каплѣ, падающей въ море», пишетъ она Потемкину (1786). Съ другой стороны, признавая все значеніе восточной политики Россіи и ея миссіи въ Азіи, Екатерина постоянно и рѣшительно заявляетъ, что Россія со временъ Петра Вел.—страна *европейская*. «Когда изъ нынѣшняго затруднительнаго обстоятельства выйдемъ съ честію и славою, то великое уваженіе получимъ въ Европѣ», замѣчаетъ она въ 1788 г. И послѣ Екатерины иная политика для Россіи признавалась уже невозможною (слова импер. Александра I).

---

[1]) Фальстафъ—Густавъ III.

На основаніи «изученія исторіи» Екатерина вѣрила въ миссію «великихъ людей», которыхъ она иногда иронически называетъ «тиранами». «Сильно ошибаются, что меня пугаетъ чье-либо достоинство, говоритъ она: напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только *героевъ* и я все на свѣтѣ употребляла, чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой склонности къ глупцамъ, а ихъ много на свѣтѣ и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается»...[1]) Тѣмъ не менѣе она была убѣждена, что недостатка въ людяхъ нѣтъ. «Всякая страна доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на семъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало быть, могутъ со всѣмъ управиться... Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо. Сверхъ того, по временамъ, я любила *свѣжія головы*, которыя очень полезны рядомъ съ головами болѣе умудренными— это вводныя лица въ пьесѣ: во время и кстати выпущенныя на сцену, они только оживляютъ дѣйствіе»... Понятно, что она требовала, чтобы монархъ былъ человѣкъ просвѣщенный. «Надо быть хорошо воспитану и очень просвѣщенну, чтобы отличать истинное просвѣщеніе отъ ложнаго, различать намѣренія отъ словъ и слова отъ дѣлъ. Человѣкъ, не имѣющій воспитанія, будетъ въ этомъ случаѣ или слабъ, или тиранъ, смотря по его уму; лишь воспитаніе и знаніе людей могутъ указать настоящую мѣру», читаемъ въ одной изъ ея позднѣйшихъ записокъ.

Если нѣкоторые замѣчали (Дидро), что «идеи, перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ совсѣмъ другой цвѣтъ», то все таки „Наказъ“ Екатерины оказалъ несомнѣнное вліяніе на направленіе умовъ и состояніе русскаго общества. Ссылки на „Наказъ» Екатерины въ иностранной литературѣ весьма часты. Говардъ обращается къ ея авторитету, а Гердеръ, переселившись въ Ригу

---

[1]) Героизмъ, попрежнему, рисовался передъ нею въ своихъ классическихъ формахъ. „Древніе всегда старались съ мужествомъ переносить невзгоды и боролись съ ними: тутъ высказывалось истинное величіе ихъ душъ, сильный умъ и закаленная доблесть. Герои новыхъ временъ должны бы имъ подражать; они должны бы питать свой духъ чтеніемъ древнихъ писателей, которое развило бы въ нихъ и укрѣпило всѣ свойства, необходимыя для совершенія великихъ дѣяній“, пишетъ Екатерина Гримму (14 сент. 1790 г.).

(его родина Пруссія не нравилась ему своимъ милитаризмомъ), спѣшитъ отблагодарить свое новое отечество похвальными одами, въ которыхъ онъ воспѣваетъ просвѣщенную дѣятельность Петра В. и Екатерины II. Подъ вліяніемъ же „Наказа" у него является мысль написать сочиненіе о культурѣ народовъ и Россіи, народу которой онъ предсказываетъ блестящую будущность. Такъ зародились его знаменитыя „идеи къ философіи исторіи человѣчества". Но „Наказъ" Екатерины несомнѣнно оказалъ вліяніе и на русскую литературу, которая усердно пропагандируетъ идеи равенства и уваженія къ человѣческой личности. „Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ"... «Развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ»... „Подлой человѣкъ есть тотъ, который подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бы онъ былъ баринъ, графъ или князь; а не тотъ, который, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей, добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ", говорится въ „Трутнѣ" (сс. 80, 147—149; ср. также «Живописецъ» 26—30). Идея человѣка, какъ человѣка, понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ: „сердца наши преклоняются только передъ достоинствомъ; монархъ—нищій въ сравненіи съ человѣкомъ", читаемъ въ «Утреннемъ Свѣтѣ» того же Новикова (слова Юнга) [1]. И Державинъ привѣтствовалъ рожденіе вел. кн. Александра Павловича словами: «Будь на тронѣ человѣкъ»!

Тому же подъему чувства человѣческаго достоинства должна была служить отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Отъ него освобождаются: священнослужители, дворяне, именитые граждане, купцы 1-й и 2-й гильдій, депутаты коммиссіи объ Уложеніи, наконецъ воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній и училищъ. Кромѣ того, тѣлеснымъ наказаніямъ запрещено было подвергать нижнихъ служителей въ

---

[1]) Въ журналахъ Новикова не разъ затрогивается вопросъ о положеніи крестьянъ. „Считай за порокъ повелѣвать рабами" и т. д., говорится въ рѣчи Исократа къ Демонику (Москов. Изданіе 1781); а въ одной изъ эпиграммъ (Вечерняя Заря 1782) встрѣчаемъ слѣд. стихи:

„Мечтонъ душъ съ тысячу крестьянъ своихъ имѣетъ,
„Но самъ онъ безъ души" и т. д.

Какъ извѣстно, указомъ 19 февр. 1786 г. отмѣнялось употребленіе въ прошеніяхъ выраженій „челомъ бьетъ" и „рабъ", которыя съ этого времени замѣняются словами: „приноситъ жалобу", „вѣрный подданный" или „подданный".

этихъ послѣднихъ, какова бы ни была ихъ вина, „чтобы примѣры *суровости* и строгости не были видны воспитанникамъ *и не пріучали ихъ къ суровости* [1]). Врожденныхъ пороковъ и злодѣйствъ нѣтъ..., слѣдовательно одно искусство воспитанія отвращаетъ непреложно *всякую варварскую необходимость въ наказаніяхъ*" [2]). Если мы примемъ во вниманіе, что не задолго до того русская школа, по свидѣтельству Екатерины, отличалась самою грубою системою наказаній, а нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя тѣлесныя наказанія царили въ ней въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и даже въ наше время возможны еще споры по этому предмету, то гуманныя идеи екатерининскихъ педагогическихъ правилъ должны быть поставлены на подобающую высоту.

Екатерина II до послѣдняго времени мечтала о созданіи третьяго сословія, которое должны были дать ея воспитательныя учреж-

---

[1]) Нерасположеніе Екатерины къ этого рода наказаніямъ выражалось и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ 1765 г., по поводу дѣла одного купца, присужденнаго, за произнесеніе непристойныхъ словъ, къ аресту, она приписала на рапортѣ москов. главноком. гр. П. С. Салтыкова: „Спасибо гр. П. С., что онъ какъ мало возможно сѣчетъ. Изволь и впредь такъ поступать". Въ 1774 г. она писала А. И. Бибикову, посланному для усмиренія пугачевскаго бунта, слѣдующее: „Пожалуй, прикажите секретной коммиссіи осторожной быть въ разборѣ и наказаніи людей: при распросахъ какая нужда сѣчь? *Двѣнадцать лѣтъ* тайная экспедиція (слѣдов. она существовала съ 1762 г.) ни одного человѣка при допросахъ *не сѣкла ничѣмъ*, а всякое дѣло начисто разобрано было и всегда болѣе выходило, нежели мы желали знать". Въ свою очередь, кн. Репнинъ, по вступленіи въ должность литов. ген. губ. (1795), въ областяхъ, недавно присоединенныхъ отъ Польши, требовалъ, „чтобы *никакое судебное мѣсто* не дерзало отнюдь употреблять въ изысканіи истины и для достиженія оной, *пытокъ или какихъ подобныхъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній*..., а надлежитъ достигать до истины свидѣтельствами посторонними кроткими увѣщаніями и.... въ послѣдней крайности присягою, дабы довести подсудимаго до признанія"...

[2]) Напомнимъ еще, что въ 1770 г., когда правительству стало извѣстно о злоупотребленіи властью инспектора надъ студентами, посланными въ Лейпцигъ, майора Бокума, то изъ Кабинета послѣдовало ему слѣдующее внушеніе: „Вѣдать вамъ надлежало, что не только *всякія тѣлесныя наказанія*, но и въ выговорахъ *всякая суровость, гнѣвъ и брань* — какъ средства благопристойному и разумному воспитанію, каковымъ по намѣренію своему всемилостивѣйше жалуетъ Е. И. В. отправленныхъ для того въ Лейпцигъ дворянъ, *совсѣмъ безчестныя*, непристойныя, гнусныя и только подлаго духа людямъ свойственныя, изъ данной вамъ инструкціи, такъ какъ *и изъ всѣхъ* за собственноручнымъ Е. В. подписаніемъ, къ безсмертной имени ея славѣ состоявшихся *воспитательныхъ уставахъ*, какъ-то: въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (Смольный институтъ), кадетскомъ корпусѣ и академіи художествъ, хотя въ семъ послѣднемъ мѣстѣ не дворянскія, но разночинническія дѣти воспитываются, — *вовсе исключены*".

денія и новыя училища, а имя „гражданина", пущенное въ ходъ французскими философами (прежде всего Руссо), не менѣе усердно пропагандировалось, какъ ею самой, такъ и современной литературой [1]). Съ тою же цѣлью была составлена книга „О должностяхъ человѣка и гражданина", изд. по высочайш. повелѣнію въ 1783 г., для чтенія въ народныхъ городскихъ училищахъ, въ которой излагаются: краткая психологія, наставленія о здравіи, правила благопристойности, обязанности родителей, дѣтей, слугъ; о гражданскомъ союзѣ, о любви къ отечеству, о наукахъ, художествахъ и промыслахъ, о домоводствѣ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали о журналѣ, посвященномъ развитію той же темы.

Если авторомъ извѣстнаго изреченія о „десяти виновныхъ" слѣдуетъ считать Петра Вел. (Уставъ Воин., гл. V, п. 9), то Екатерина такъ усердно пропагандиравала это изреченіе, что оно было впослѣдствіи приписано ей вполнѣ. Еще Карамзинъ сказалъ: „Главное дѣло сей монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей" [2])...

Духъ гуманности, вытекающій изъ основныхъ взглядовъ на человѣка и его природу, проникаетъ и въ другія сферы дѣятельности. Въ ряду этихъ отношеній церковная политика Екатерины II имѣетъ свое значеніе. Отчасти намъ извѣстны взгляды Екатерины на этотъ предметъ. Съ 1770-хъ годовъ правительство дозволяетъ открыто сво-

---

[1]) „Вы знаете мое глубокое уваженіе къ этому слову („гражданинъ"). Какъ скоро оно произнесено, нужно умолкнуть", писала Екатерина Гримму (1778 г., 2—4 марта).

[2]) Возражая почти по всѣмъ пунктамъ Радищеву, Екатерина о казняхъ Ивана Грознаго въ Новгородѣ замѣтила: „въ чемъ, по истинѣ сказать, мѣру не нашелъ» и она опасалась въ Пугачевщину, чтобы насъ не причли ко временамъ ц. Ивана Васильевича... „О Пассековой сказано: она бы при имп. Аннѣ высѣчена была кнутомъ, а при имп. Елисаветѣ сидѣла бы въ тайной", замѣчаетъ Храповицкій.. „Я сказалъ, прибавляетъ онъ далѣе, что тогда страхъ и опасеніе замѣняли нынѣшнее почитаніе и усердіе". Вопросъ о прежней суровости интересовалъ современниковъ Екатерины. Н. И. Панинъ собралъ отовсюду донесенія о колодникахъ („превеликая о томъ книга") и съ удивленіемъ разсказывалъ, «что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыя бы только выговоромъ строгимъ наказать было достаточно», на основаніи чего «можно разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ». (Порошинъ). Въ 1745 г. сержантъ Ярославовъ за непристойныя рѣчи о правительствѣ, произнесенныя имъ въ пьяномъ видѣ, подвергался пыткамъ, а въ 1778 г. отст. поруч. Мневскій, привлеченный къ слѣдствію за рѣчь, составленную отъ имени вел. кн. Павла Петровича противъ «правителей», былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія.

боду вѣры раскольникамъ; отмѣняетъ двойной окладъ и преслѣдованія за ношеніе бородъ и старинной одежды; допускаетъ ихъ къ свидѣтельству и отправленію общественныхъ обязанностей по выборамъ; запрещаетъ всякія притѣсненія ихъ за вѣру [1]). Раскольничьи общины въ Москвѣ и на Иргизѣ, обладавшія значительными средствами, успѣли достигнуть цвѣтущаго состоянія; но особенной свободой пользовались раскольники, поселившіеся въ тепломъ краѣ, подъ покровительствомъ Потемкина, который хотѣлъ выхлопотать имъ назначеніе особаго епископа. Наконецъ, устанавливается извѣстное соглашеніе на началахъ „единовѣрія"... Узнавъ о появленіи вновь въ Сибири самосожигателей и самоутопленниковъ, правительство предложило имъ возвратиться въ ихъ дома безъ всякаго страха и опасенія [2]). И если отношенія эти не могли установиться на болѣе широкихъ основаніяхъ, то не слѣдуетъ забывать, что сектантскій вопросъ давалъ себя чувствовать, въ томъ или иномъ видѣ, въ Австріи, Франціи и даже въ Англіи [3]).

Въ теченіе первой половины XVIII ст. волшебство и т. п. проявленія невѣжества преслѣдовались, какъ суевѣріе. Но Екатерина въ своемъ Наказѣ высказываетъ иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. „Обвиненіе въ волшебствѣ и еретичествѣ, говоритъ она, можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено". Не признавая же въ такого рода процессахъ исключительно религіозной точки зрѣнія, Сенатъ въ 1772 г. издаетъ распоряженіе о запрещеніи духовнымъ особамъ

---

[1]) И въ 1790 г., давая распоряженія кн. Прозоровскому „о недопущеніи потаенныхъ и нелѣпыхъ сборищъ масоновъ," Екатерина прибавляетъ: „чтобы отъ этого не вышло притѣсненія раскольникамъ, которымъ отнюдь не слѣдуетъ наносить какое-либо препятствіе въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, къ которымъ они, по ихъ предубѣжденію, не обыкли допускать разно съ ними мыслящихъ".

[2]) Въ 1772 г., въ виду появленія скопческой ереси въ Орловскомъ уѣздѣ, Екатерина указала предѣлы разслѣдованія, а именно „чтобы дѣло сіе трактовали, какъ обыкновенное гражданское, а отнюдь не инако; и для того въ раздѣленіи винъ стараться, чтобы наказаны были преступленія", а притомъ „чтобы невиннымъ людямъ не было привязокъ и притѣсненія".

[3]) Еще въ 1775 г. въ Австріи повторено было предписаніе противъ насильственнаго обращенія протестантовъ и въ томъ-же году Говардъ, выступившій кандидатомъ въ депутаты англ. палаты общинъ и потерпѣвшій неудачу, писалъ Саймондсу: „Правительство употребило всѣ усилія, чтобы диссидентъ не попалъ въ депутаты".

вступать въ слѣдственныя дѣла о чародѣйствахъ, какъ подлежащихъ гражданскому суду [1]). Въ 1775 г. дѣла о кликушахъ и колдовствѣ подчиняются совѣстному суду; наконецъ въ 1782 г., съ изданіемъ устава о благочиніи, всѣ вообще виды суевѣрія, а равно хулы и споры противъ вѣры отнесены къ вѣдомству полиціи и свѣтскаго суда [2]).

Но, какъ мы знаемъ, Екатерина смотрѣла на подобныя уклоненія, въ силу религіозныхъ и нравственныхъ условій, съ болѣе широкой точки зрѣнія. „Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; коль скоро заведутся и утвердятся *народныя школы*, то невѣжество истребится самособою; тутъ насилія не надобно", говоритъ она.

При учрежденіи Московскаго университета Ломоносовъ считалъ необходимымъ, въ числѣ привилегій его, положить: «духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ». Екатерина могла утѣшиться, что ея просвѣтительныя стремленія находили поддержку по крайней мѣрѣ въ ряду представителей высшей

---

[1]) Рекомендуя въ 1769 г. осторожность въ подобныхъ дѣлахъ, Сенатъ прибавляетъ, чтобы «не произвесть существительнаго вида инквизиціи». Но, какъ трудно было вначалѣ самому Сенату усвоить эту точку зрѣнія, видно изъ слѣд. письма Екатерины къ кн. Вяземскому: „Куда какъ я бы любопытна была видѣть вашихъ колдуновъ. Ну какъ статься, чтобы пуская по вѣтру червей за человѣкомъ, онъ бы оттого умеръ? И подобнымъ баснямъ въ Сенатѣ вѣрятъ и потому осуждаютъ! Виноваты они въ томъ, что отъ Бога отреклись, а что черта видѣли, то всклепали на себя. Мое мнѣніе есть, чтобъ сихъ людей привести сюда, чтобы съ ними толков ѣе поговорить". И нѣсколько позже (1770), по поводу другаго подобнаго дѣла (о порчѣ), Сенатъ отпустилъ обвиняемыхъ домой, издалъ обличительный указъ противъ глупыхъ судей и подвергъ наказанію мѣстную администрацію. По вопросу о волшебствѣ Екатерина ссылаетя на «Духъ законовъ». А между тѣмъ еще во многихъ странахъ Европы (въ Швейцаріи до 1782 г., въ Польшѣ и Венгріи до 90-хъ годовъ XVIII стол.) имѣли мѣсто процессы вѣдьмъ. Михаловскій, разсказывая въ своихъ запискахъ о сожженіи «вѣдьмы» въ Житомирѣ, замѣчаетъ: „Когда впослѣдствіи я передавалъ это въ присутствіи короля на одномъ изъ его обѣдовъ, разсказъ мой былъ встрѣченъ общимъ хохотомъ. Тѣмъ не менѣе смѣявшіеся надъ этимъ разсуждали сами серьезно о чудесахъ Каліостро и Месмера".

[2]) Съ дневникѣ Храповицкаго (31 янв. 1782 г.) читаемъ: „По полученному отъ Еропкина донесенію о схваченномъ бродягѣ, называющемся монахомъ Захаріемъ, велѣно снять съ него желѣзныя вериги, потому что не долженъ никто самъ себя изнурять или себѣ вредить, и хотя дѣло уваженія не великаго достойно, но понеже онъ фанатикъ, то нужно скорѣе изслѣдовать".

іерархіи... Но особенно горячимъ защитникомъ ихъ, въ широкомъ смыслѣ слова, является ученикъ Геттингенскаго университета (1766—1772) [1]), а потомъ епископъ нижегородскій (1783—94) Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ [2]). Восторженный поклонникъ науки, онъ постоянно обращаетъ свой взоръ къ ней. „Какой прекрасный видъ, какую пріятную картину представляютъ намъ тѣ народы, которые *науки* и *художества* любятъ, которые въ нихъ денно и нощно упражняются!.. Тамъ нѣтъ невѣжества, тамъ нѣтъ закоснѣлыхъ предразсудковъ... Тамъ нѣтъ ни волшебниковъ, ни чревобѣсниковъ, ни кликушъ, ни хиромантиковъ, ни другихъ симъ подобныхъ обманщиковъ, понеже ничему такому тамъ не вѣрятъ»... Защитникъ всесторонняго образованія, онъ говоритъ: «*Весьма несправедливо, да и безчеловѣчно нѣкоторые политики умствуютъ, что простаго народа или нижняго состоянія людей просвѣщать не надобно.* Они-де такъ покорны не будутъ и управлять-де ими трудно. Напрасно такъ думаютъ». Напротивъ, онъ утверждаетъ, что всѣ общественные пороки проистекаютъ отъ «непросвѣщенія» и «остатковъ варварства». Поэтому, говоритъ онъ,

---

[1]) Недавно основанный (1734), но поставленный въ весьма благопріятныя условія (прежде всего благодаря свободѣ преподаванія), Геттингенскій унив. вскорѣ занялъ видное мѣсто въ ряду другихъ нѣмецкихъ университетовъ. Напомнимъ слова Пушкина:

«Съ душею прямо геттингенской,....
Поклонникъ Канта...,
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь»....

[2]) Еще въ Геттингенѣ, онъ заявилъ себя учеными трудами — переводами: части лѣтописи Нестора на нѣмецкій яз., издан. въ отрывкахъ въ 1771 г. проф. Гаттереромъ, и Богословія Платона на латин. яз. (Спб., 1774); изданіемъ соч. Ѳеофана Прокоповича „De processione Spir. Sancti“, съ дополн. и примѣч. (Гота, 1772); перев. на рус. языкъ соч Сульцера: „О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей“ (М. 1780, 1787). Затѣмъ, имъ были изданы сочин. Ломоносова (3 чч., М. 1778); Слова и сочин. м. Платона (12 т. М. 1780); написаны: „Библіотека Россійская или свѣдѣнія о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ“ (Спб. 1881; М. 1891), съ историческимъ введеніемъ; „Словарь языковъ разныхъ народовъ въ Нижегород. епархіи обитающихъ“ (рукоп.), вызван. филологическими занятіями Екатерины II; слова на разные случаи, тогда же изданныя; наконецъ, утраченное разсужденіе: „О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“. Съ 1783 г. Дамаскинъ состоялъ членомъ Россійской академіи († 1795). О немъ см. Я. Горожанскій: „Дамаскинъ Семеновъ Рудневъ, еп. нижегор., его жизнь и труды“. К. 1894.

«благоразумнаго и человѣколюбиваго правительства знакъ есть— стараться дать пристойное просвѣщеніе и простому народу». Подтверждая, что самая лучшая религія — христіанская, онъ прибавляетъ: — «такая, которая кривыми толками, суевѣріемъ и корыстолюбіемъ не изгажена». Съ благодарностью вспоминаетъ онъ о посылкѣ Екатериною молодыхъ людей за границу для обученія разнымъ языкамъ и наукамъ, которые должны были быть употреблены для просвѣщенія другихъ, здѣсь обучающихся. Онъ указываетъ на открытіе училищъ и на введеніе *новаго метода* обученія. Наконецъ, онъ радуется и тому, что «кромѣ сего, въ скорости ожидаемъ еще и *открытія новыхъ университетовъ*»... «Истинный гражданинъ, говоритъ Дамаскинъ, почитаетъ и любитъ науки, какъ драгоцѣннѣйшій даръ, съ небесъ ниспосланный; ему нѣтъ ничего несноснѣе, какъ видѣть свое отечество, покрываемое тьмою глубокаго невѣжества и прегрубаго варварства».

Поклонникъ екатерининскихъ реформъ и учрежденій, Дамаскинъ является защитникомъ самой *широкой терпимости*, и заявляетъ, «что духовныя особы тогда вспомоществуютъ къ возвышенію общества, когда закону учатъ народъ съ кротостью, снисхожденіемъ, долготерпѣніемъ, когда къ распространенію благочестія и поправленію нравовъ въ народѣ употребляютъ не мечъ тѣлесный, но мечъ духовный: то есть глаголъ Божій... Но когда, напротивъ того, поступаютъ строго и нечеловѣколюбиво: тогда нельзя ожидать отъ нихъ возвышенія народа, но паче пониженія и уменьшенія».

Какая противоположная нота чувствуется въ этихъ строкахъ послѣ извѣстныхъ мнѣній Арсенія Мацѣевича и др. лицъ, сошедшихъ со сцены въ началѣ царствованія Екатерины!

На указанной выше широкой основѣ просвѣщенія Дамаскинъ утверждаетъ и *любовь къ отечеству*, которая можетъ быть «простонародная и непросвѣщенная» или «благородная и просвѣщенная».... «Первая есть дѣйствіе природнаго побужденія и простирается только на свою землю, на своихъ гражданъ; прочіе же всѣ люди суть для нея ничто». Но «въ наши лучшія и просвѣщеннѣйшія времена, говоритъ онъ, любить свое отечество только простонароднымъ образомъ—не довольно— требуется еще другая—*истинная любовь къ отечеству*. Она проистекаетъ *изъ единаго человѣколюбія* и выражается въ томъ, что добродѣтельный гражданинъ любитъ своего согражданина не для того

только, что онъ той же съ нимъ земли, того же народа, того же отечества; но что онъ *таковъ человѣкъ, какъ и онъ...* Въ разсужденіе сего онъ смотритъ не что гражданину только, но и что человѣку, *яко человѣку*, полезно и нужно. Отсюда желаніе благотворить, *дѣлать добро всякому человѣку*, какого бы онъ общества ни былъ, и въ этомъ находить внутреннее утѣшеніе. Счастлива та страна, въ которой находятся такіе любители отечества»!.. Но для возбужденія въ себѣ подобной любви «требуются великія добродѣтели, а ихъ нельзя имѣть безъ благоподатливаго *просвѣщенія*».

Любопытно, что проповѣдникъ не забылъ коснуться и наиболѣе щекотливаго вопроса—положенія крестьянъ. «О коль бы безопасно, *коль бы цвѣтуще было состояніе народовъ, когда бы половина только тѣхъ дарованій, которыя истощены бываютъ ко удержанію въ нихъ невѣжества, скудости и рабства*, употреблены были *на доставленіе имъ просвѣщенія, достаточнаго пропитанія и благоразумной вольности*». Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ то, что «дикій и въ варварствѣ взросшій человѣкъ, *получа случай къ освобожденію себя отъ утѣсненія*, всегда грубѣйшіе и безчеловѣчнѣйшіе къ тому употребляетъ *способы...*»

Развитіе подобныхъ идей въ обществѣ, сдѣлавшихся достояніемъ и церковной каѳедры, лучше всего объясняетъ намъ, насколько сознаніе о высокомъ назначеніи человѣка, безотносительно къ его положенію, являлось нравственнымъ побужденіемъ въ дѣятельности лучшихъ людей того времени.

Обратимся къ дѣйствительности. Передъ нами, близкій сперва къ вольтеріанству [1]), а потомъ масонъ—Новиковъ: вся жизнь его уходитъ *на организацію благотворительнаго дѣла въ широкомъ смыслѣ слова*, то въ видѣ сбора пожертвованій и изданія журналовъ (Утренній Свѣтъ, Вечерняя Заря и др.), на устройство (въ Петербургѣ) начальныхъ училищъ для бѣдныхъ и сиротъ, то въ созданіи общественной благотворительности по образцу Вѣнскаго института для бѣдныхъ (призрѣніе нищихъ, больницы), то въ учрежденіи опредѣленнаго общества для

---

[1]) Такъ, и въ 1784—85 гг., въ журналѣ „Покоящійся Трудолюбецъ“, признаваемомъ лучшимъ, Новиковъ говоритъ: „Истинная святость заключается во внутренней добродѣтели“. „Кто бы ни былъ Вольтеръ, хотя впрочемъ и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо болѣе былъ полезенъ для общества, нежели все полчище пустосвятовъ“... и т. д.

содѣйствія образованію учащимся (въ Москвѣ)[1]), то, наконецъ, въ привлеченіи къ дѣлу во время голода 1787 г., богатаго заводчика (Походяшина), который вручилъ Новикову до 300000 р., на удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ, по выслушаніи рѣчи послѣдняго въ масонскомъ собраніи, не считая вложенныхъ имъ на поддержку «типографскаго общества» свыше 500000 р., и умеръ послѣ разоренія компаніи, въ нищетѣ, но съ неизмѣннымъ уваженіемъ къ масону—иниціатору этого дѣла...

Радищевъ отправляется въ отдаленную ссылку. И кто же является его покровителемъ? Его главный начальникъ, рекомендовавшій его императрицѣ, гр. А. Р. Воронцовъ, нѣкогда другъ Вольтера, президентъ коммерцъ-кол., сенаторъ и совѣстный судья Петербурга, будущій канцлеръ. Заботы его о Радищевѣ начинаются съ момента его заключенія и продолжаются до возвращенія изъ ссылки при импер. Павлѣ I: онъ возмущается, что, по ошибкѣ, на Радищева надѣли оковы[2]); шлетъ письма ко всѣмъ начальникамъ губерній на пути его слѣдованія до Илимска, прося о снисхожденіи и вниманіи къ узнику; получаетъ отъ нихъ увѣдомленія объ уходѣ за нимъ; беретъ на себя содержаніе его съ дѣтьми въ Сибири; высылаетъ ему книги, журналы, газеты и физическіе инструменты; заботится о его семьѣ, утѣшаетъ его отца и ведетъ вполнѣ дружескую переписку съ ссыльнымъ[3]). И въ тоже время гр. С. Р. Воронцовъ, русскій послан-

---

[1]) Въ 1781 г., по иниціативѣ проф. Шварца, при Москов. унив. возникаетъ „собраніе университетскихъ питомцевъ", имѣвшее литературный характеръ, а съ 1782 г, „дружеское ученое общество", полагавшее между прочимъ цѣлью приготовленіе молодыхъ людей къ учительскому званію (ихъ было свыше 50 чел.), посылку ихъ за границу и т. п. Педагогич. семинарія существовала еще съ 1779 г.

[2]) Послѣднія, по распоряженію императрицы, были сняты, для чего и отправленъ вслѣдъ за нимъ курьеръ.

[3]) Въ „Архивѣ кн. Воронцова" (тт. V и XII) напечатано до 75 писемъ Радищева, 1782—800 гг., которыя имѣютъ значеніе не только для характеристики этихъ отношеній и біографіи Радищева, но и для исторіи Сибири (состоянія края, торговли и т. п.). Въ нихъ постоянно упоминается о письмахъ къ нему Воронцова. Послѣдній назначилъ на содержаніе Радищева 800 руб. въ годъ, сумму по тому времени значительную. Не менѣе характерно, что иркутскій намѣстникъ Пиль, извѣщая Воронцова о Радищевѣ, называетъ его „Александръ Николаевичъ" и прибавляетъ: „Смѣю увѣрить, что *они тамъ, кромѣ скуки, никакой нужды не претерпятъ*". Далѣе пишетъ, что онъ отправилъ въ Илимскъ: „колясочку на рессорахъ, случившуюся у меня, въ чемъ *они и могутъ тамъ ѣздить*" (Арх. кн. Воронцова, XXIV, 214).

никъ въ Англіи, въ письмахъ къ брату, выражаетъ сожалѣніе о приговорѣ надъ Радищевымъ (см. выше) и не разъ вспоминаетъ о немъ въ своей перепискѣ. Ему хотѣлось, чтобы Радищевъ былъ употребленъ къ дѣламъ въ Сибири по своимъ способностямъ.

Быть можетъ, это единственный примѣръ столь сочувственнаго отношенія высшаго сановника къ своему подчиненному въ моментъ тяжкаго бѣдствія, его постигшаго. Чѣмъ же руководствовался А. Р. Воронцовъ въ своемъ гуманномъ подвигѣ? «Единственно по человѣчеству», какъ онъ выражается.

Въ 1793 г. скончался въ Вѣнѣ чрезвычайный посолъ (съ 1761 г). кн. Д. М. Голицынъ, стяжавшій любовь жителей столицы своими благотвореніями и покровительствомъ ученымъ и художникамъ, завѣщавъ на устройство и содержаніе больницы въ Москвѣ 850000 р., доходы съ двухъ своихъ вотчинъ и картинную галлерею, обращенную въ деньги; 10000 р. въ пользу харьковскаго коллегіума, учрежденнаго при участіи его отца; доходъ съ имѣній въ пользу богадѣленъ и школъ, заведенныхъ имъ въ деревняхъ, а также отпустить на волю «всякаго званія дворовыхъ людей съ женами и дѣтьми и простить всѣ недоимки, какія могли оказаться на крестьянахъ по день его кончины». При этомъ онъ увѣщеваетъ своихъ наслѣдниковъ, *«яко человѣковъ*, содержать всѣхъ его крестьянъ въ отеческомъ призрѣніи, *какъ-то и при мнѣ было*, и не отягощать ихъ свыше силъ человѣческихъ, *помня*, что и они суть *ближніе наши»*.

Горячій послѣдователь идей Новикова, И. В. Лопухинъ, оставивъ службу въ гвардіи, поступаетъ совѣтникомъ въ уголовную палату въ Москвѣ, гдѣ задается цѣлью «наблюдать, чтобы *невинный не былъ никогда осужденъ*, а виноватый не избѣжалъ наказанія, но, *по человѣколюбію, сколь можно болѣе умѣреннаго*, не удаляясь отъ силы законовъ».. «Жестокость въ наказаніяхъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, есть только плодъ *злобнаго презрѣнія человѣчества* и одно— всегда безполезное тиранство».

Извѣстный уже намъ Опочининъ въ завѣщаніи объясняетъ одинъ изъ мотивовъ своего недовольства окружающей средой: онъ проситъ отпустить на волю его слугъ и отдать весь хлѣбъ, находящійся въ амбарахъ, крестьянамъ; а масонъ Нармацкій въ глухой Казанской провинціи поучаетъ своихъ сосѣдей-помѣщиковъ о вредѣ крѣпостнаго права, за что и потерпѣлъ отъ нихъ....

8

Передъ нами прошелъ рядъ примѣровъ, въ которыхъ столь завидную роль играетъ, по выраженію нашего поэта[1]), «святѣйшее изъ званій: *человѣкъ»*... Напомнимъ еще прекрасныя слова Гизо (въ IV-мъ томѣ его мемуаровъ), обращенныя къ тому времени: «Много простится, говоритъ онъ, тому вѣку симпатіи и искренней, человѣческой вѣры, *потому что онъ много любилъ»*...

Исторія, въ ея общемъ ходѣ, представляетъ картину прогресса мысли и дѣятельности человѣка. Будемъ же справедливы! Каковы бы ни были недостатки и слабости людей того времени, но не слѣдуетъ забывать, что эти люди были *отцами* тѣхъ *дѣтей*, которыхъ мы обыкновенно называемъ людьми сороковыхъ годовъ, а на долю этихъ послѣднихъ пришлось осуществить и тѣ задачи, о которыхъ ихъ предшественники могли только лишь мечтать.

[1]) Жуковскій: На рожденіе вел. кн. Александра Николаевича (1818 г.).

Примѣчанія. *Къ стр. 47.* Вслѣдствіе введенія штатовъ 1764 г., было упразднено свыше 56% монастырей и пустыней (въ Великороссіи изъ 881—496). Нѣкоторые изъ нихъ потомъ вновь возстановлены (В. Звѣринскій, Матеріалъ для ист. топогр. изслѣд. о монастыряхъ въ Рос. имперіи).

Къ стр. 56. По выходѣ (1785) русскаго перевода «Мессіады» Клопштока, Екатерина писала Дашковой: «Je dois avouer que je ne comprends trop rien à ce pоème dans l'original: cependant je crois fort qu'il fera grand plaisir à nos mystiques et j'espére que la vente en sera fructueuse» (Mém., Paris 1859, III, 184).

Къ стр. 74. Въ царств. Фридриха II дѣятельность Канта была оцѣнена, а его философія пользовалась покровительствомъ (мин-во фонъ-Цедлица); но при преемникѣ Фридриха, въ министерство Вельнера, извѣстнаго своимъ религіознымъ эдиктомъ (1788), Канту грозила опасность (указъ 1794 г.), вслѣдствіе чего онъ обязался молчаніемъ относительно вопросовъ религіи, а профессора Кенигсбергскаго унив. должны были дать подписку въ томъ, что они не будутъ читать ничего о кантовской философіи религіи.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	СЛѢДУЕТЪ
23	11 сн.	художества	художествъ
26	8 сн.	Беккарія	Беккаріи
30	6 св.	вѣдомство	вѣдомства
73	14 св.	23	6-го
76	3 св.	осуществилась	осуществились
89	9 сн.	отличившійся	отличавшійся
90	1 св.	имѣла	получила

DK 170 .I5 C.1
Znachenie tsarstvovaniia Ekate
Stanford University Libraries
3 6105 034 763 065

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBR
STANFORD, CALIFORNIA 9430

